



КОНСТАНТИН МУХОРТИН

МЫ
ДРУГИЕ

Кто мы? Кто для себя и для других? Почему одни люди так похожи на тебя, а другие совсем нет, словно они с другой планеты. Внешне они такие же, только ты понимаешь, что не сможешь никогда понять этих людей, их поступки, их мысли, их душу. Глаза — зеркало души, и только через них ты поймешь, что никогда не сможешь быть таким, как они, потому что они... они другие!

Три классические, но совершенно разные судьбы трех молодых людей в современном мегаполисе, которые по своему характеру никогда не должны встретиться. Три героя, не положительных и не отрицательных, в которых каждый увидит себя, свои плюсы и минусы. Каждый герой не подозревает, что он не просто живет в этом мире, а является одним из продолжателей рода, которые управляют всем на земле. Каждый род имеет свою правду, своих людей и свою силу. Внешне мы их не отличим, и только цвет глаз может выдать принадлежность их к определенному роду.

Серый, карий или зеленый цвет окажется сильнее на поле сражения, которым в этот раз станет Россия...

Константин Мухортин

Мы другие

Глаза — зеркало души и рода.

Странное состояние никак не проходит. Тонкая линия горизонта есть в сознании, но она никак не проявляется и ее не видно, потому что вокруг темнота. Нет, темнота — это когда что-то есть, а здесь ничего нет, только пустота. Разве может существовать отсутствие? Есть только яркая белая линия — значит, что-то есть... Когда же перевернется линия? Почему она должна перевернуться и что будет после? Кажется, я где-то посередине, и от этого становится страшно...

Страх... страх, я и есть страх. Только сейчас, в одно мгновение я тебя понял и осознал, когда сам им стал.

Всю жизнь я тебя стеснялся, избегал, старался никому не показывать. Ты — мой ангел-хранитель, но сейчас... сейчас это уже не важно...

ВЕНА, АВСТРИЯ

Ранним утром колонна из трех черных машин в сопровождении полиции двигалась в направлении штаб-квартиры ОБСЕ. Явно превышая скоростной режим и строго сохраняя дистанцию между автомобилями, кортеж, казалось, летел, как единое целое. На крыле первого автомобиля, следующего за полицейской машиной, был виден российский триколор. Проносясь мимо жилых домов, кортеж удивлял спокойных жителей Вены, для которых такая скорость была неприемлема.

Этот день отличался от других потому, что представители большого количества государств собирались экстренно разрешить острый конфликт в одной из стран бывшего Советского Союза, правительство которой осознало прелести демократии, а многие ее жители — еще нет. Кортежи подъезжали к главному корпусу через большие кованые ворота. Лица прибывших были сосредоточены, потому что на следующий день было запланировано фактически военное вторжение в суверенную страну с благородной миссией помощи. На самом же деле страна освобождалась от своей валюты, культуры, конституции и мирной жизни в обмен на демократию, которую никто никогда и ни в одном государстве не видел. «Помощь» этой стране была незапланированной и практически против всех принятых международных законов, которые пришлось быстро изменить и нарушить, пойдя ва-банк, чтобы «спасти» «правильных» жителей этой страны от «неправильных».

«Правильные» жители искренне верили, что Запад готов просто так вдруг дать им сразу много денег, а солдаты Североатлантического альянса при возможном конфликте с радостью погибнут за идеи во всех смыслах чуждой им страны. Планы нарушила российская сторона, которая в последний момент вмешалась с экстренным созывом представителей стран — участников ОБСЕ, предоставив часть фактов, из-за которых о вторжении уже не могло идти речи, а участники конфликта представляли перед мировым сообществом совершенно в ином свете. Эта информация стала только видимой частью «айсберга», а остальные доказательства должны были представить непосредственно на конференции, и подобное повлекло бы большие геополитические изменения.

Многие приехавшие понимали, что предстоят перемены, но какие именно — никто предположить не мог, пока не появятся российские представители.

Практически все собрались в круглом зале, не было только российской делегации, что вызвало смешанные чувства участников — от смутения и непонимания до злости и раздражения. Прошла информация, что борт приземлился больше двух часов назад, но пока так никто и не приехал, несмотря на то, что аэропорт находился недалеко даже по Европейским меркам. Собравшихся ожидал еще один сюрприз, состоявший в том, что российскую делегацию возглавлял лично Президент РФ. Западное сообщество так до конца и не привыкло к тому, что стратегические шаги России не поддаются прямолинейной логике Европы, и в последний момент непонятно откуда достается «козырь» или происходят нелогичные действия, меняющие расклад политических сил. Именно таким козырем должно было стать появление Президента России с уникальной и разоблачающей информацией. Это также стало сюрпризом для другой группы лиц, которые, зная они все заранее, кардинально изменили бы свои планы.

Автомобильный кортеж российской делегации, минуя здание на улице Карлштрассе, где должна была состояться конференция, направился в южную часть города, чтобы

провести одну встречу и только после этого ехать в штаб-квартиру.

Свернув с главной дороги, кортеж российских представителей проследовал в жилой квартал Вены. В одном из автомобилей сидел Президент РФ, устремив взгляд на охранника, расположившегося напротив. На самом деле серые глаза смотрели сквозь сотрудника безопасности — президент сосредоточился на мыслях, далеких от этого человека, как, впрочем, и от политики. Охранник сидел со спокойным лицом, на котором за всю поездку не дрогнул ни один мускул, хотя проблем у него в этот момент было даже больше, чем у первого лица государства.

Сквозь слегка приоткрытые жалюзи виднелась узкая европейская улица. На ней никого не было, кроме владельца пекарни, который сам мыл витрину своего магазинчика. Солнце, поднимаясь из-за домов, постепенно заливало улицу ярким светом, стучась в каждый дом, словно напоминая всем жителям, что сегодня будет хороший день.

Издали услышав шум приближающегося кортежа, высокий крепкий мужчина отошел от окна, взял дипломат и направился к выходу из дома, возле которого остановился кортеж с российской делегацией. Выйдя из машины, двое сотрудников охраны направились в подъезд дома, из которого через несколько минут вышли с чемоданом и сели в разные автомобили.

Следом за ними вышел мужчина и, оглядываясь по сторонам, юркнул в первую машину кортежа, который, постояв некоторое время, двинулся дальше. Через несколько десятков метров стоявший справа микроавтобус начал маневр разворота на узкой улице, практически перегородив проезд.

Сотрудники охраны тысячу раз слушали инструктаж, что делать в этих случаях, но к этой ситуации почему-то никто не был готов, да и привычка ездить по пустым дорогам в Москве, на узких европейских улочках застала охрану врасплох. Австрийские полицейские в головной машине, сопровождающие кортеж, вообще не поняли ничего, что должно произойти в следующее мгновение. Когда боковая дверь микроавтобуса открылась, у офицера полиции словно молнией пронзила мозг только одна-единственная мысль: *«Нет, не может быть. Это не со мной...»*. Одновременно с пронизывающими мыслями тишину пустынной улицы разрезал свистящий звук противотанковой управляемой ракеты. Полицейские головного автомобиля, сопровождающие российскую делегацию, успели увидеть неровный белый шлейф, пронесшийся мимо них, после чего оглушительный взрыв где-то сзади сотряс тишину улицы. Буквально через мгновение из микроавтобуса был открыт шквальный огонь по полицейской машине, которую секунд за пять сделали тяжелее на пару килограммов.

«Неужели?.. я всю жизнь ждал этого «Неужели».. Теперь понимаю, что шел к этому мгновению всю жизнь и жил только для него...»

За два года до событий в Вене.

«Все несправедливо, особенно ко мне», — думал Андрей, сидя в офисе спиной к проходу. Он ненавидел свое рабочее место, свою работу и своего руководителя, да и коллектив также оставлял желать лучшего.

«Что за идиотское правило — последнего устроившегося сажать на самое неудобное место...» — думал Андрей.

«Если бы удача повернулась ко мне лицом, я смог бы работать в крупной компании и зарабатывать много денег. А своим умом — никаких шансов. На этой работе вообще ловить нечего, если меня не могут сделать хотя бы заместителем начальника отдела, хотя управлять я могу даже лучше начальника. Все несправедливо в жизни!» — такие мысли не оставляли молодого человека.

Андрею исполнилось двадцать восемь лет и он не был женат. Высокий и стройный блондин с голубыми глазами и привлекательным лицом, последние полгода он работал менеджером по логистике в крупной фармацевтической компании. После окончания платного института Андрей сменил несколько компаний и профессий, но так нигде и не смог толком себя найти. Он работал менеджером по продажам автомобилей и строительной техники, риелтором, официантом в дорогом ресторане и даже участвовал в оформлении и ликвидации фирм-однодневок. Андрей мечтал меньше работать и больше получать, но компании не готовы были платить ему столько, сколько он хотел.

«Я достоин большего», — с такими мыслями молодой человек покидал очередное место работы или уходил от очередной пассии.

С детства Андрея хвалили и прививали ему чувство собственной значимости, но, когда он оказался в школе, многое поменялось. Никто не считал его центром Вселенной, а среди мальчишек больше всего ценилась физическая сила. Андрей не отличался физическими данными, он был худой и высокий. Единственное, что отличало его от других, — это цепкий ум и умение находить нестандартные решения задач или проблем.

У Андрея было непростое детство. Отец ушел из семьи, когда мальчику не исполнилось и двух лет, а мать была занята только собой (что в будущем спасло его от разрушительной любви одиноких матерей). В попытках наладить собственную жизнь, мать меняла мужчин одного за другим. С обидой на бывшего мужа она искала «настоящего» человека, совершенно не замечая, что наступают на одни и те же грабли. Когда Андрею было восемнадцать лет, его мать уехала отдыхать в Сочи да так там и осталась, познакомившись с местным жителем, который был старше ее на десять лет.

Девочки в классе не обращали на него внимания — им были интереснее сильные и дерзкие ребята, особенно из старших классов.

После окончания школы перед Андреем встал вопрос с армией, и, как обычно, решив пойти по пути наименьшего сопротивления, он поступил в платный институт без экзаменов.

Выйдя во взрослую жизнь, Андрей изменился и внешне. Из худого паренька он превратился в неотразимого молодого человека. Одноклассницы, которые в школе его не замечали, при встрече с ним теперь готовы были на многое. Так очень скоро несколько одноклассниц побывали у него в постели. Начиналось и заканчивалось все примерно одинаково: «Андрей, а помнишь...» Ну и после большого количества выпитого: «Андрей,

почему я тебя не замечала, ты, оказывается, такой классный!». Доверие к бывшему однокласснику и его очарование делали свое дело.

Однако несмотря на свою мужскую привлекательность, Андрей так и не смог завести семью и найти хорошую работу.

«Наконец, пятница», — подумал Андрей и его настроение улучшилось, к тому же навстречу ему шла симпатичная девушка, сотрудник колл-центра их компании.

— Чего улыбаешься, Андрей? — спросила она.

— Сегодня пятница, а пятница — это как начало новой жизни, это как молодость. Впереди еще так много времени... О понедельник даже думать не хочется. Прошел миг, а завтра уже на работу. Знаешь, я бы выходные сравнил с проживанием маленькой жизни.

— Ну ты загнул... зачем все усложнять!

«Еще одно одноклеточное», — подумал Андрей и направился к выходу.

С противоположным полом у Андрея всегда были сложности. Парадокс состоял в том, что проблем не было, а сложности были. Обладая красивой внешностью и неплохим интеллектом, ему легко было найти общий язык со всеми девушками, он мог обаять практически любую, но в каждой обнаруживал недостатки и, в конце концов, уходил. Неумение принимать чужие минусы и слишком высокая самооценка были камнем преткновения в налаживании близких отношениях с женщинами.

Рабочая неделя подходила к концу, и в пятницу после обеда вся Москва готовилась к выходным. «Офисный планктон» переписывался в социальных сетях на тему «Как лучше провести выходные». Андрей видел этих менеджеров, консультантов, операторов, логистов и прочих, не имеющих за душой ничего, которые вечером в клубах превращались в «золотую молодежь» в ярких и дорогих одеждах. Вот стоит Аня из финансового отдела, которая «подкатывала» к нему, когда он только устроился на работу в компанию, но, переспав несколько раз, они оба потеряли друг к другу интерес. Аня приехала из Ижевска, и снимала с еще пятью подружками трехкомнатную квартиру, и каждая надеялась встретить богатого, красивого, нежного, умного и т. д. Все разговоры с Аней вращались вокруг денег и красивой жизни, поэтому Андрею она быстро наскучила, да и он со своими доходами не был ее героем. *«Ничто так не определяет статус человека, как умение разбираться во всем дорогом и постоянно об этом говорить»*, — думал Андрей.

Глядя сейчас на Аню, он представлял, как эта Золушка вечером в дорогом клубе превратится в принцессу и будет с видом «недотроги» пить модный коктейль и рассуждать о «высоком». В эти мысли Андрея врывались и другие, а именно: как эта «принцесса» в спальном районе Кузьминки, голая и пьяная, своими стонами давала почву для ненависти подругам по съемной квартире.

Размышления Андрея прервал телефонный звонок его друга Антона.

— Привет, чудовище, — раздался радостный голос в трубке. — Какие планы на вечер?

— Не знаю пока, — ответил Андрей. — А ты что думаешь?

— И я не знаю... денег не особо.

— Такая же ситуация!

— Поехали к Сане, у него как обычно весело, да и покурить всегда есть, — предложил Антон.

— Одно и то же: телки, вискарь, трава... Сплошное разрушение, — устало сказал Андрей. — Ну, конечно, едем! — совершенно другим, бодрым голосом он закончил фразу.

— Ок, набери мне, — так же бодро проговорил Антон и положил трубку.

С планами примерно было понятно, но какое-то чувство тревоги, точнее, предчувствие не покидало Андрея. Как будто что-то вот-вот должно было произойти, хотя предпосылок к этому никаких не наблюдалось.

Саня, о котором говорил Антон, жил на востоке столицы в квартире, доставшейся ему неожиданным джек-потом от скончавшейся сестры его бабушки. Он не стал дожидаться вступления в права наследования и сорока дней после похорон, а въехал туда практически сразу. На дорогой ремонт денег у него не было, поэтому, выкинув все старые вещи и немного обновив обои, он сделал квартиру местом для различных увеселительных мероприятий, в которых сам и участвовал.

Андрей заехал за Антоном на своем немолодом псевдоспортивном купе «Тойота», и они отправились на восток столицы.

— Ты чего на машине решил? Как назад поедешь? — спросил Антон.

— Да там кину, на такси поеду, — ответил Андрей.

— Охота тебе завтра ехать?

— Да ладно... — проговорил Андрей, заводя мотор.

Двигаясь в медленно ползущем потоке по крайней левой полосе, Андрей с удовольствием смотрел на встречные машины, которые вообще стояли в глухой пробке. Вдруг на встречу, намереваясь объехать пробку, через двойную сплошную выскочил черный внедорожник БМВ.

— Вот дебил, я со своей полосы не съеду, — выругался Андрей.

— Да, ладно пропусти, — сказал Антон.

— Да пошел он! Я по своей полосе еду, — раздраженно ответил Андрей.

Внедорожник начал нервно сигналить и мигать дальним светом, но Андрей и не думал съезжать со своей полосы. Остановившись, он не давал ему даже вернуться в свой ряд. Наконец БМВ втиснулся в свой ряд и поравнялся с машиной Андрея. Опустив стекло Андрей хотел было что-то сказать, но его взгляд утонул в черных глазах водителя внедорожника. На секунду Андрей потерял дар речи, а внизу живота предательски похолодело. На него смотрел здоровый молодой мужчина кавказской внешности с крепкими скулами и стальным взглядом.

— Я тэбэ ща башку прострелю, тварь — рявкнул кавказец, не дав опомниться Андрею. — Ти научить меня вздумал, баран? Пойдем встанем вон там, там и научишь, сука!

Андрей только смотрел в глаза кавказца и ничего не мог ответить, потому что видел в них подтверждение его слов. Он испугался, несмотря на то, что был с другом и они тоже были крепкими парнями.

Прочитав страх в глазах Андрея, водитель внедорожника попытался выйти, но общий поток тронулся, и Андрей нажал на педаль газа.

— Вот тварь! — немного придя в себя, выдохнул Андрей. — Надо было выйти и навешать ему.

— Ну догони и навешай, смельчак, — сказал Антон.

— Совсем страх потеряли — не унимался Андрей.

Настроение было испорчено окончательно, и вся оставшаяся дорога прошла в обсуждении геополитической ситуации в России и изменении границы на ее южных рубежах.

Наконец друзья добрались до востока столицы и настойчиво принялись звонить в Санину дверь.

— А-а, здорово! — как обычно радостно встретил гостей хозяин квартиры. — Ты снова с этим красавчиком, опять на меня телки внимания обращать не будут?

— Да они тебе и не нужны, с ними поговорить не о чем, и в приставку они не играют, — пошутил Андрей.

В квартире как обычно был бардак. Кто-то играл в приставку, кто-то разговаривал и выпивал, а часть людей сидели на кухне и что-то курили.

— О, знакомый запах! — весело воскликнул Антон.

— Так это же яд, — сказал Андрей.

— Ох, надеюсь, бабка, надеюсь, — пошутил Антон фразой из анекдота.

Андрей с Антоном быстро растворились в дыму и атмосфере компании. «Важные» разговоры ни о чем сменялись диким смехом, а потом вообще непониманием, о чем только что разговаривали. Нельзя рассказывать длинные истории в таком состоянии, так как можно забыть начало.

Дурное настроение Андрея исчезло, а воспоминания о дорожном инциденте стали казаться чем-то мелким и незначительным. Расслабившись, он сел в удобное кресло и, откинув голову, стал слушать бессмысленные разговоры своих друзей. Прикрыв глаза, Андрей начал постепенно погружаться в состояние полудремы, периодически выхватывая темы обсуждения и улыбаясь шуткам. Провалившись в сон, он стал представлять себя птицей, летящей высоко в горах навстречу восходу солнца. Андрей часто представлял себя летящим, но сейчас ему казалось, что все его тело ощущает прохладу ветра и он понимает язык птиц. Ощущение от этого полета было сложно передать, но чувство, что это у него точно было, Андрея не покидало. Вдруг резко вздрогнув, Андрей чуть не подпрыгнул в кресле, словно его окатили холодной водой. Резко встав, Андрей едва не упал назад в кресло, еле удержавшись одной рукой.

«Что со мной», — не мог понять молодой человек, ощущение полета не оставляло его, даже когда он открыл глаза. Какое-то странное чувство легкой дрожи во всем теле и одновременная легкость.

Из этого состояния его вырвал изумленный голос Антона:

— Что у тебя с глазами? А-а-а, посмотрите, люди, они... они...

— Все понятно, Андрей перекурил, — раздалось с кухни.

— Вы... синие демоны... гляньте! — старался привлечь внимание Антон.

Никому не было интересно, а Андрей пошел в ванную, умылся и посмотрел на себя в зеркало. Его глаза были такого цвета, какой он сам никогда не видел и не смог бы описать. Они были такие же голубые, но в роговице появились оттенки молочно-серого, плавно переходящие в темно-синий.

Андрей отпрянул от зеркала и долго смотрел на себя. Постепенно глаза как будто бы потускнели и приобрели нормальный вид. Андрей стоял в растерянности, пока его не прервал стук Антона.

— Ну, ты там жив?

— Нормально, пожадничал походу — ответил Андрей.

— Не говори, но глаза у тебя реально были необыкновенные, — не унимался Антон.

Андрей пошел в комнату и присел на диван. Он попытался закрыть глаза и опять поймать это состояние, но путающиеся мысли обо всем одновременно не давали расслабиться. Он думал почему-то о людях, катающихся на лошадях, кто они и зачем им все это. А еще о конфетах — что лучше шоколадные, а потом старался вернуться в состояние

полета, но морда лошади заполнила все сознание. Улыбнувшись своим дурацким мыслям, Андрей опять услышал голос Антона:

— О, Андрюха залип, значит, надо домой.

— А есть что-нибудь сладкое? — открыв глаза, спросил Андрей.

— Есть кексы и эклеры, но лучше поешь бородинского, это вообще бомба! — глумился Антон, доедая горбушку черного хлеба.

— Ладно, надо домой валить, — устало сказал Андрей.

В таком состоянии выход из теплой квартиры в ночь казался настоящим испытанием, как выход из бункера в город, заполненный зомби. В такси ощущение опасности стало не таким сильным, но чувство чего-то непонятого по-прежнему не покидало Андрея. Высадив Антона раньше, Андрей поехал в свой район. Выйдя из машины, он направился к переходу, чтобы перейти на Другую сторону дороги к своему дому.

Когда Андрей подходил к светофору, чтобы включить кнопку для перехода пешеходов, он боковым зрением увидел сидящего на остановке человека. Машинально подумал: «Зачем в это время на остановке кому-то находиться?». Мысли прервал рев моторов. Вдали Андрей увидел две несущиеся на огромной скорости машины, которые, вероятнее всего, гонялись друг с другом.

«Идиоты...» — раздраженно подумал Андрей.

Метров за пятьдесят до перехода, пытаясь совершить опасный маневр, большой черный внедорожник на огромной скорости задел попутную машину, его развернуло на девяносто градусов, и две с половиной тонны с визгом налетели на светофор, рядом с которым стоял Андрей. Время остановилось, только желание отпрыгнуть в сторону пронзило тело, но тело как раз и застыло, словно в вакууме. Андрей практически выпрыгнул из своего тела, чувствуя, что времени не хватает, так как большая железная масса неумолимо увеличивалась в размерах по мере приближения к нему. Через мгновение удар сбоку откинул Андрея назад, но это был не удар автомобиля, потому что, как только Андрей отлетел, в нескольких сантиметрах от него пронеслась неуправляемая железная масса.

Внедорожник боком снес светофор, потом по инерции врезался в ближайший столб, где его разорвало на две части.

Второй участник гонки, немного остановившись, через мгновение резко ударил по газам и уехал.

Андрей лежал на асфальте, приподняв голову. Сначала он ничего не понял, но через несколько секунд осознал происходящее. Приподнявшись, Андрей почувствовал, что ноги ватные, а в руках появилась дрожь. Он выхватил телефон и почему-то судорожно начал пролистывать телефонную книжку, так никому и не позвонив. Дрожь нарастала, а понимания, что делать, не было. Стали останавливаться случайные водители и снимать груды металла на телефон, но только один из них подбежал и попытался просунуть руку в искореженную машину.

Наконец Андрей решился подойти к автомобилю, но ноги были как ватные, а сердце, казалось, собиралось выскочить из груди. Обойдя машину, молодой человек определил, что это БМВ, но, заглянув внутрь, он увидел то, что заставило его сердце биться еще сильнее. Из груды разорванного металла, неестественно выгнувшись, безжизненным черным взглядом на него смотрел участник дневного дорожного конфликта. Он запомнил это волевое лицо и крепкие скулы, а главное — бездонные черные глаза. Даже в таком безжизненном состоянии от них исходили уверенность и сила.

«Разорву его, — снова и снова повторял про себя Эльхан, стоя на ринге в спарринге по смешанным единоборствам. — *He может быть по-другому, иначе я не мужчина*», — заводил он себя.

Соперник Эльхана — здоровый парень Стас, из-за которого Эльхан три раза подряд занимал второе место на местных соревнованиях. Стас был камнем преткновения для Эльхана, поэтому перед этими городскими соревнованиями он несколько месяцев усиленно тренировался. Для него победа над этим соперником стала делом чести, и другого исхода Эльхан себе уже не представлял. Он был уверен, что после такой подготовки точно победит. Для него сложно было себе признаться, что Стас сильнее его, так как Эльхан занимался борьбой с детства, а в смешанные бои пришел три года назад и сразу втянулся в этот стиль единоборств.

Ударил гонг, и соперники пошли навстречу друг другу...

Эльхану исполнилось двадцать восемь лет. Это был крепкий азербайджанец, выше среднего роста, брюнет с карими глазами. Отец Эльхана был азербайджанцем с иранскими корнями, а мать — русской. Мать с отцом познакомилась в Баку, куда к своим родственникам она студенткой приезжала на лето из Москвы. На городском пляже Каспийского моря студент Бакинского государственного университета и встретил ее. Родственники сначала были против их отношений, но потом договорились, и еще в советской республике появился их первенец Эльхан. По распределению отец Эльхана вынужден был работать в городе Степанакерте, в зоне Нагорного Карабаха. Советский союз трещал по швам, и с началом военных действий, согласившись на уговоры матери, они переехали в Москву. Эльхан в первый класс пошел уже в московскую школу.

Он был рослым мальчиком и практически самым сильным в школе. Один раз его чуть не исключили, когда он избил старшеклассника ножкой от стула за то, что тот обозвал его родителей. С противоположным полом проблем у Эльхана никогда не было, потому что он стал похож на мужчину и начал бриться в тринадцать лет, в отличие от одноклассников, которые выглядели, как дети. Это привлекало даже сверстниц, и поэтому Эльхан для многих из них был первым мужчиной.

Отец отдал Эльхана в борьбу, когда тому исполнилось пять лет, и все это время он постоянно занимался спортом.

В призывной возраст он не пошел служить, получив военный билет через Олимпийский комитет как член молодежной сборной по борьбе. Эльхан всегда был вспыльчивым, и однажды на улице после словесной перепалки получил такой сильный удар от боксера, что лежал в нокауте несколько минут. Этот удар заставил его задуматься, и он перешел в зал смешанных единоборств, где все было по-другому. Познакомившись со многими именитыми бойцами, Эльхан понял схему уличного боя.

Эльхан был неплохим бойцом, и когда он становился в спарринг с более слабым, то никогда не утверждался за счет него, нанося слабые удары или только намечая их, в отличие от многих русских бойцов, которые со всей силы били менее опытных спарринг-партнеров.

Основной проблемой Эльхана было неумение проигрывать. Когда он проигрывал, особенно бойцу, которого считал слабее, чувство обиды так захлестывало его, что хотелось зарычать, схватить ножку стула и, как в школе, забить соперника.

Десять... девять... восемь... «Почему идет счет?» — мысли Эльхана путались, и, открыв глаза, он увидел яркий свет лампы.

«Где я, и что со мной происходит?» — не понимал он, а счет все шел...

Пять... четыре...

Эльхан встал на колени и за секунду до окончания счета поднялся. Он заплетающимися ногами пошел на соперника, но его тренер остановил бой.

Уже придя в себя, Эльхан осознал, что это опять проигрыш, и чувства злости, беспомощности и обиды сплелись в нем в единое целое. Он зарычал и даже начал «наезжать» на судью за то, что тот прекратил бой. Грубо оттолкнув рефери, Эльхан зачем-то пытался прорваться к сопернику и от обиды наговорил ему оскорблений.

Очередное поражение, звонкой пощечиной вывело его из себя. Он даже начал задыхаться. Тренер что-то кричал ему про штрафы и дисквалификацию, но Эльхан его уже не слышал... Голова бойца была занята только одной мыслью: «Я проиграл».

Установка «не проигрывать» помогала Эльхану побеждать, но она не давала ему мудрости воина, умения проигрывать, чтобы выиграть потом. Способность признавать свои ошибки открывала путь к развитию многим именитым бойцам не только в спорте, но и в жизни, потому что жизнь — это ежедневный бой, иногда без правил.

Оклемавшись и немного успокоившись, Эльхан покинул соревнования в подавленном настроении, не дождавшись награждения победителей, чем разозлил тренера и судей. Выйдя на улицу, он направился к своей машине. Возле него остановился патрульный автомобиль полиции.

— Сержант полиции Захарченко. Ваши документы, — сказал заученную фразу полицейский.

— А какие проблемы, сержант? — раздраженно поинтересовался Эльхан.

— Да какие хочешь, такие и будут, — нагло ответил второй полицейский, выше званием.

Эльхан протянул паспорт Российской Федерации с московской пропиской. Он вообще считал себя коренным москвичом, особенно в школе, где никогда ему не говорили, что он нерусский. После 2000 года в Россию хлынула волна мигрантов из СНГ, которых Эльхан искренне считал «понаехавшими», и из-за этого ему сложно было на улице с внешностью кавказца. Он постоянно ходил в состоянии агрессии, а агрессия в животном мире — это инстинкт защиты, поэтому он всегда был в напряжении. Мир становился враждебнее, а Эльхан — более агрессивным. Он даже на законных основаниях приобрел себе травматический пистолет.

— Смотри, он русский, а родился в Баку. Вас тут пол-Москвы таких русских, — не унимался сержант.

— А сам-то ты откуда, сержант Захарченко? — спросил Эльхан, делая акцент на украинской фамилии полицейского.

— Ты самый умный? В отделение хочешь с нами? — двигаясь вперед, угрожающе проговорил сержант.

— Чего морда разбита? — спросил второй полицейский.

— С соревнований я, за Россию выступаю, по боям без правил. Вот удостоверение Олимпийского комитета, — теряя терпение, ответил Эльхан.

Данная информация остудила пыл полицейских, и старший бросил:

— Ладно, иди. Чтобы мы тебя здесь не видели в таком виде. Понял?

Ничего не ответив, Эльхан пошел к своей машине.

Сев в машину, Эльхан успокоился. Ощущение безопасности и личного пространства придает людям уверенности, но иногда и самоуверенности. Эльхан любил свой автомобиль! Как-то его дедушка сказал, что у мужчины всегда должны быть быстрый конь и острый клинок, и обращаться с ними надо уметь хорошо и желательно одновременно. В современном мире автомобиль и пистолет заменили коня и холодное оружие. Эльхан сравнивал свой автомобиль с породистым скакуном, так как это был четырехлитровый черный матовый БМВ с тонированными стеклами. Машине было двенадцать лет, но внешне она выглядела почти как новая. Цена этого автомобиля равнялась стоимости нового автомобиля российского производства, но Эльхан считал, что конь должен быть быстрый, а главное — породистый. А на простых машинах пусть лохи ездят.

Молодой человек откинулся на сиденье, включил музыку и прикрыл глаза. Кровь стучала в висках, пульс участился. Эльхан отчетливее стал ощущать частоту биения сердца, которая по ощущениям даже увеличилась. В такт музыке в висках стало что-то пульсировать, отбивая ритм вместе с сердцем и пульсом, постепенно увеличивая темп. Эльхан провалился в состояние полусна и вдруг... увидел себя львом, разрывающим другого льва со светлой гривой. Потом он увидел себя тигром, разрывающим двух баранов...

Эльхан настолько ярко увидел эту картину, что сердце чуть не выскочило из его накачанной груди и оттуда вырвался звериный рев. Всем телом он почувствовал каждую складку на коже и каждую мышцу. Он ощутил вкус крови на носу и усах и услышал скрежет своих когтей о камни. Он почувствовал такую силу, что, казалось, может разорвать автомобиль, в котором сидел, на две части.

Пелена постепенно спала. Музыка так же громко играла в машине.

«Что это со мной было?» — подумал Эльхан.

Он посмотрел на свои руки и пальцы: руки тряслись от напряжения, а пальцы побелели, но никак не были похожи на когти.

Новое, никогда ранее не испытанное чувство, заставило его задуматься. Это было необычно, скорее, даже приятно. Размышляя об этом, он испытал чувство легкой эйфории, которое прокатилось по всем мышцам, доставив физическое удовольствие.

Через несколько минут это ощущение стало угасать, и Эльхан вернулся в прежнее состояние.

«Почему на ринге я этого не чувствовал?» — подумал Эльхан. — *Я бы разорвал его в клочья».*

С этими мыслями он позвонил своей подруге Марине. Ему нужна была разрядка, потому что перед соревнованиями он неделю не занимался сексом, так как считал, что это его расслабит и тогда он точно проиграет. Поскольку сейчас это было уже не важно, Эльхан набрал номер.

— Привет, чемпион, — радостно откликнулись на Другом конце Москвы.

— Привет. Ты что делаешь? — спросил Эльхан.

— Тебя жду, — ответила Марина.

— Я скоро буду, — сказал молодой человек и положил трубку.

Марине нравился Эльхан, а она ему была в принципе безразлична. Перед каждой встречей она думала, как произвести на него впечатление, а он перестал об этом думать после того, как они в первый раз оказались в постели. Он вообще переставал быть галантным с женщинами после первого же секса. Он мог красиво ухаживать и даже дарить

дорогие подарки, а после того как добивался своего, просто приходил и брал свое, не думая, что у «своего» тоже есть какие-то мысли и желания.

Эльхан позвонил в дверь, но там долго не открывали. Он стал звонить настойчивее. Наконец Марина открыла.

— Ты что там делаешь? — даже не поздоровавшись, раздраженно спросил Эльхан.

— В ванной была, а что? — кокетливо ответила девушка.

— Так и будем стоять?

— Ну, как соревнования, ты победил? — поинтересовалась Марина?

— Судьи козлы, засудили меня. Я бы победил его, если бы бой не остановили. Там вообще все куплено, кавказцев постоянно засуживают, — ответил Эльхан.

Карие глаза Марины не говорили ничего, а просто смотрели на него. Эльхан решил, что больше не стоит ничего говорить, и, взяв Марину на руки, понес ее в спальню. Он просто взял ее и сделал приятное себе. Эльхан вообще мало думал о том, как доставить удовольствие женщине, лишь о том, как удовлетворить себя. После секса он просто отворачивался в другую сторону и засыпал, чем очень обижал женщин. Тем не менее многим нравилось, что Эльхан в сексе вел себя как животное, доставляя удовольствие себе и тем самым доставляя удовольствие женщине. Он умел не думать во время секса, что позволяло ему «молотить» долгое время, как отбойник. Что-то дикое было в движениях Эльхана, он не говорил нежных слов и не тратил время на прелюдии, а просто брал свое. Все попытки «приручить» его не приносили плодов, потому что, как только отношения выходили за рамки секса, Эльхан быстро менял подружек.

Вот и в этот раз Марина решила поговорить с ним об их отношениях.

— Почему ты никогда мне не пишешь приятных эсэмэсок? — проводя рукой по волосам, спросила она.

— Ай, отстань, да? — ответил Эльхан, поняв, к чему клонит Марина.

— А если я забеременею, что будем делать? — продолжила Марина песню, которую Эльхан сотни раз слышал от других девушек.

— Мари-и-на... хватит! Тебе плохо живется?

Дальше диалог стал входить в привычное русло, и Эльхан принялся нервно искать свои вещи, чтобы уйти. Когда градус общения начал зашкаливать, он со злостью хлопнул дверью и выскочил из квартиры.

Кровь стучала в висках, и от злости его тело напряглось. Сжимая кулаки, Эльхан вышел во двор, где на лавке сидели трое молодых людей, с которыми он встретился взглядами.

— Что смотрите, здоровья много? — прорычал Эльхан, хотя ребята были не маленькие и численно его превосходили.

— Ничего, мы просто сидим... — пролепетал один из них.

«Слабаки! Труссы русские», — подумал Эльхан, в очередной раз подтвердив свое мнение о большинстве россиян.

Эльхан знал, что не все русские забыли, как физически постоять за себя. Но, выходя от Марины, он был на взводе, и поэтому простой взгляд ребят расценил как оскорбление.

Взвизгнув колесами, машина выехала со двора, оставив ребят возле подъезда искать свое самолюбие и оправдание своей слабости.

Эльхан мчался по ночной Москве. Выехав на Третье транспортное кольцо, он двинулся в сторону Лефортовского тоннеля. Одинаковые лампы, пронесившиеся за окном автомобиля, гипнотизировали Эльхана, пока большой черный БМВ не заставил его проснуться.

Перестраиваясь через сплошные полосы, внедорожник нагло подрезал машину Эльхана, так что тот еле увернулся, а внедорожник, не останавливаясь, поехал дальше, нарушая правила. Эта ситуация окончательно вывела молодого человека, и без того находившегося на взводе. Он что есть мочи надавил на педаль газа с единственным желанием наказать обидчика. Догнав его в неплотном ночном потоке, Эльхан открыл свое окно, прижимая внедорожник к краю дороги. В машине обидчика сидел крепкий мужчина кавказской наружности.

«*Похож на дагестанца*», — подумал Эльхан. Его не смутили уверенный вид и внушительные габариты водителя — чувство обиды и задетое самолюбие заставили молодого человека обогнать внедорожник и резко затормозить перед ним.

Нажав на педаль газа, Эльхан посмотрел в зеркало заднего вида и заметил, что черный БМВ начал преследовать его.

Два горячих сердца неслись по ночной Москве, не думая ни о правилах дорожного движения, ни о правилах приличия и уважении к другим. Пытаясь подрезать и прижать друг друга, они съехали с Третьего кольца, хотя обоим нужно было в другие места. В головах двух кавказцев была только одна мысль: «Убить гада». Ненависть породила ненависть, и еще недавно совершенно незнакомый человек, который принадлежал к одной с Эльханом конфессии и мог бы быть его другом, сейчас был самым злейшим врагом.

С визгом войдя в поворот, машины не сбавили скорости, несмотря на то, что съехали с Третьего транспортного кольца. Водитель внедорожника решил обогнать Эльхана справа, но не рассчитал и задел попутную машину. На такой скорости тяжелый внедорожник занесло, и он снес светофор, чуть не сбив случайного молодого человека. Дальше по инерции внедорожник выкинуло на стоящий за светофором столб и разорвало на две части.

Эльхан, увидев все в зеркале заднего вида, сначала подумал, что нужно остановиться, но в целях собственной безопасности что есть силы нажал на педаль акселератора и умчался в ночь.

Молодым человеком возле светофора, которого чуть не сбил автомобиль, был Андрей...

— Кто ты по знаку зодиака? — спросил невысокий молодой человек с приятным улыбочивым лицом, раскинувшись на подушках в японском ресторане.

— Зачем ты спрашиваешь? — ответила красивая миниатюрная девушка лет двадцати пяти.

— Ну, мне интересно, кто ты по знаку зодиака, какая ты... — проговорил молодой человек.

— Знаешь, сколько раз я слышала этот вопрос, и во всех случаях людям, задающим его, было наплевать, какая я. Единственное, что их реально интересовало, — это они сами. Даже если были те, кто действительно верил в знаки зодиака, им было интересно только, подходит ли *им* мой ничтожный знак, — спокойно сказала девушка.

— О-о, вот ты заморачиваешься... Жить надо в удовольствие! — поморщившись, заявил молодой человек.

— А что значит для тебя «в удовольствие»?

— Ну... делать то, что захочешь.

— Все, что захочешь? — уточнила девушка.

— Конечно, — глубоко затянувшись сигаретой, ответил ее собеседник.

— А если ты захочешь кого-нибудь убить? — допытывала девушка.

— А-а-а, Милена... ну, ты загнула, бред какой-то. Что ты такое говоришь? — снова поморщился молодой человек.

— А что? Все, что захочешь, то и делаешь. Вдруг этого захочешь или чего еще похлеще. Захотел обворовал, захотел изнасиловал, захотел унизил, — не унималась Милена.

— Милен, ну я ведь этого не хочу... — оправдывался молодой человек.

— То есть останавливает тебя от совершения этого только то, что ты пока этого не хочешь? То есть других тормозов у тебя больше нет? — не отступала девушка.

Этот вопрос поставил в тупик молодого человека, а особенно то, с какой уверенностью и с каким спокойствием он был задан.

— Да нет... есть, но... просто... я свободен в своих желаниях. Я не ограничен, как «стадо», — попытался уйти от ответа он.

— Ты не «стадо», ты лучше его, — улыбнулась девушка.

— Да нет, не то чтобы лучше, я просто другой. Я свободен в своих желаниях и могу экспериментировать. Могу пробовать, что хочу...

— Правильно я понимаю, что твоя свобода состоит в том, чтобы исполнять свои прихоти и желания даже за счет других? — продолжала Милена.

— Нет, ну не за счет других... — неуверенно сказал молодой человек.

— Ну представь... у тебя есть ребенок, а ты сейчас хочешь пойти потусить. Или ты договорился о встрече, но пошел в другое место, потому что там веселее. Не пошел на работу, потому что употребил что-нибудь. Ты, вроде, свободен, но страдают другие. Знаешь, за этим словом можно спрятаться очень хорошо и оправдывать им всю свою «несвободу», при этом еще и ставить себя на ступень выше других, не таких «свободных», как ты.

Молодой человек задумался, потом попытался что-то ответить, но девушка уверенным голосом перебила его:

— Знаешь, есть мудрое изречение, по которому я живу: «Свобода — это умение

отказывать себе в желаниях». Свобода — это когда ты управляешь своими желаниями, а не когда желания управляют тобой. Все остальное — зависимость и ложное ощущение свободы, которое вроде как выделяет тебя из «стада», как ты говоришь. Ты думаешь, что можешь употреблять или не употреблять разную дрянь... А ты попробуй долго не употреблять и тогда посмотришь, какой ты свободный. Чем больше человек говорит, что он свободен, тем больше он раб, хоть и не осознает этого.

Ее собеседник изменился в лице, он не понимал, как такая милая и миниатюрная девушка разносит его в пух и прах. Но она продолжала:

— Игорь, ты неплохой человек с хорошим и нестандартным умом. Ты вот уже вторую встречу со мной пытаешься не быть, а казаться, впрочем, как и с другими людьми. Из-за этого ты засрал свой мозг всякой хренью о свободе и удовольствии и другими дурацкими установками. Желание не быть, как «стадо», превращает *тебя* в «стадо», которое не хочет быть, как «стадо». Эта шелуха мешает тебе развиваться, а эту хрень лучше говорить другим девочкам, которые готовы разбиться в лепешку, лишь бы не быть такими, как все.

Я, наверное, слишком проста для тебя, потому что я «не свободна», так как работаю на хорошей должности, также я «не свободна», потому что хочу семью и детей, потому что отвечаю за свои слова и поступки. Моя свобода в том, что я могу позволить себе съездить куда захочу в отпуске, купить себе, что захочу, за свои деньги, мыслить как захочу, не навязывая свою точку зрения другим, выбирать себе для общения того, кого захочу...

По настоящему свободный человек никогда не кричит о свободе, он свободен даже в сильных ограничениях. Он не стесняется и не боится сам ставить себе ограничения, чтобы самому управлять своими желаниями.

Наверное, я пока не готова познать твою свободу, ладно, буду развиваться... Давай, Игорь, удачи.

Девушка мило улыбнулась и спокойной походкой направилась к выходу. Молодой человек остался сидеть, чувствуя недоумение, удивление, подавленность и сомнение. В первый раз знакомство по Интернету закончилось так неожиданно, да и вообще, в первый раз его так уделали, да еще девушка. Самое главное не то, что именно она говорила, а как она это делала. Такой спокойной уверенности он ни разу не слышал. Она говорила негромко, но энергия в каждом слове была такой, что хотелось верить в это, и спорить с ней было все равно, что ломать руками сталь.

Игорь, он же для друзей Гари, хотя настоящих друзей у него практически не имелось. Невысокий молодой человек с зелеными глазами, русыми волосами и приятной внешностью был улыбчив и обаятелен, но при общении с ним складывалось непонятное ощущение, что тебя в чем-то обманывают. В красивых, как изумруд, глазах Игоря проглядывало что-то такое, что заставляло других сомневаться в его искренности, хотя прямых предпосылок для этого не было.

Гари было двадцать шесть лет. Он родился в Калининграде еще в советское время. Кёнисберг (Калининград) всегда оставался европейским городом, даже во времена Советского Союза. Окруженный со всех сторон католическими странами, город напоминал старую Европу.

Отец Гари был поляком, и, когда Советский Союз рухнул, пан Дзенка уехал в Германию и больше никогда не возвращался. Его не сильно интересовала семья, больше пана заботил он сам и то, как не платить алименты в Россию. Игорь пытался переписываться с отцом, но фактически мама воспитывала его одна, что и стало причиной многих жизненных проблем

Гари.

В школе он ничем не выделялся, разве только тем, что был почти самым маленьким в классе. На физкультуре в строю всегда один или двое мальчиков были ниже, что успокаивало маленького Игоря и сильно расстраивало, если они отсутствовали по болезни. Тогда приходилось замыкать строй.

Психология маленького человека отличается от психологии большого. Большой человек не задумывается о многих вещах, о которых задумывается маленький. Во время полового созревания мозг у маленького человека развивается, а тело — нет, что заставляет мозг думать, почему так происходит и как сделать, чтобы быть, как все. Как выжить в мире больших людей? Так или иначе, мозг придумывает нестандартные решения и развивает воображение.

Маленький Игорь не был исключением. Ему постоянно требовалось доказывать свое право на жизнь среди больших людей и быть не хуже их. Его мозг придумывал миллионы вариантов, а воображение живо рисовало картины, как все должно быть в идеале.

Когда наконец Игорь телом догнал свой мозг, для многих девушек он стал интересен не только внешне и внутренне. Нестандартное мышление требовало нестандартный подход к выполнению любых задач.

Событием, изменившим его жизнь, стала школьная автобусная экскурсия по странам Европы. Шестнадцати-семнадцатилетних школьников перед последним звонком повезли в Польшу, Германию, Австрию, Бельгию, Нидерланды и обратно в Калининград. Игоря не впечатлили костелы Варшавы или Бранденбургские ворота в Берлине, его больше впечатлил Амстердам, а точнее, его ночная жизнь. В одну ночь маленький Игорь попробовал все что можно, он просто утонул в пороках. Несмотря на жесткий контроль учителей, Игорю удалось побывать во всех уголках Амстердама. Покури в первый раз, марихуану, которой было в избытке на каждом шагу, он попробовал и многое другое — от проституток до абсента — и все у него было в первый раз. Мокрого, без денег и документов, его нашли учителя в полицейском участке в полубессознательном состоянии и еле вызволили оттуда. Вернувшись домой, вся школа обсуждала, как Игорь дал шороху, но эта поездка накрепко засела в его мозгу. Сдав экзамены и проучившись год в КГТУ, Игорь бросил его и уехал в Нидерланды. Сначала он ездил туда просто отдыхать, но, познакомившись на месте с русскими, решил остаться пожить.

В течение года Игорь быстро освоился и полностью отдался всем порокам этого свободного города. Работать и получать образование он не стремился, а просто хотел получать нескончаемые удовольствия. Игорь придумал схему отправки марихуаны в Россию по морю через знакомого моряка, который был старшим братом его друга в Калининграде. В конце концов, через несколько лет его поймали голландские полицейские, и, отсидев несколько недель в тюрьме, Игорь был депортирован в Россию и въезд в Европу для него оказался закрыт.

Калининград стал тесен для Игоря, да и отношения с матерью не ладилась, так как она постоянно пилила его за то, что он бросил учебу и не идет работать. Мать хотела, чтобы сын получил специальность и был «как все», однако у Игоря имелись на этот счет совсем другие планы. Именно нежелание быть «как все» толкало его на авантюрные поступки.

Городом в России, похожим на Амстердам, Игорю показался Санкт-Петербург. Там Игорь и стал для всех Гари. Молодежь двухтысячных активно входила в новый век, и для ускорения требовалось все больше и больше стимуляторов. Бизнес Гари шел в гору, и за пару

лет Игорь накопил неплохие для его возраста деньги — около ста пятидесяти тысяч евро. Он бы накопил в три раза больше, но желание ни в чем себе не отказывать сильно опустошало счета. Тем не менее на эти деньги можно было купить квартиру в Санкт-Петербурге, однако у Гари имелись совсем другие планы, которым не суждено было сбыться, так как во время передачи очередной партии синтетики его взяли с поличным. Ситуация усугублялась не только 228-й статьёй, но и особо крупным размером партии. Вопрос с продажными полицейскими надо было решить за один день, поэтому Гари снял все деньги и отдал их на «хранение» служителям закона с условием, что в течение суток его в северной столице уже не будет.

Так Гари оказался в Москве — без денег, но с большим желанием их иметь. Москва сначала не понравилась ему, и, считая себя жителем северной столицы, он, как многие питерцы, видел только негатив: слишком много шума и движения, все куда-то спешат, все гоняются за «голубой мечтой». Позже, втянувшись в ночную жизнь города, он изменил свое мнение, особенно ему понравилось, что то, что в Питере он еле продавал за одни деньги, в Москве влёт уходило по в два раза большей цене. Постепенно он начал раскручиваться в клубах и по знакомым, у многих московских тусовщиков и просто молодежи в телефонных контактах появлялась новая запись типа: «Гари первый», «Гарик», «Gary Staff», «Гари Гаррисон» и т. д.

Гари все еще сидел, задумавшись, в ресторане, когда телефон прервал ход его хаотичных мыслей:

— Алло, привет, Гари. Это Сергей. Я от Алексея звоню. Можно взять? — спросил незнакомый голос.

— Какого Алексея? Вы что-то путаете, — раздраженно ответил Гари. Он не любил непонятные звонки от неизвестно кого и, наученный горьким опытом, не заводил новые непонятные контакты.

— Ну, мне Алексей сказал, что у тебя можно взять, — не унимался звонивший.

— Ничего я не продаю, не звоните сюда больше. — Гари отключил звонившего.

Придя домой, Гари с ноутбуком упал на диван и вышел в социальные сети, которые он использовал в своей работе для контакта со многими людьми и обмена информацией о новых модных клубах и закрытых вечеринках. Также в соцсетях Гари заводил знакомства с девушками. Он питал надежду найти там свою вторую половину. Хоть он и жил развлечениями, но родительская установка об институте семьи иногда работала против него, и Гари задумывался о постоянных отношениях. В своем воображении он нарисовал себе идеальную женщину: красивую, стройную, умную, почти непьющую. Чтобы могла с ним уйти в загул, но ненадолго, а главное, чтобы в сексе фантазировала не хуже, чем он, а он в этом был изобретатель. Но у тех, что ему попадались, эти качества или отсутствовали, или присутствовали, но в таком виде, что Гари сам был в шоке и бежал от них первый.

Гари еще раз зашел на страницу Милены. *«Что же зацепило в ней так? — подумал он. — Вроде обычная. Ну, красивая. Но как она уверенно говорила! А я сидел, как школьник, и ничего не мог ответить... Другой я бы столько всего наговорил, а я Милене толком так ничего и не смог сказать. И самое интересное, что дело даже не в логических доводах и аргументах, а в ее энергии. Наверное, сильные адвокаты в судах должны обладать именно такой энергией»*. От этих мыслей Гари оторвало только воспоминание того, что сегодня его попросили «намутить» большую партию и что клиент сам заедет и заберет. Гари это насторожило, но контакт был проверенный, поэтому он согласился.

С этими мыслями он разложил на стеклянном столике все необходимое и отправился в небольшое «путешествие»...

Гари откинулся на диване и попытался понять свое состояние. Бодрость духа и другое мышление присутствовали, но не было состояния «Вау», которое он испытывал раньше. Гари оценивал это состояние, как радость от покупки автомобиля — сначала супер, а потом садишься, как к «себе домой». Да, приятно... но уже нет ощущения первого раза. С девушками было примерно так же, а Гари все время хотел эмоций «первого раза». Желание жить в постоянном удовольствии заставляло его пробовать новые ощущения или смешивать их, что и было главной несвободой Игоря, о чем говорила ему Милена. Закрыв глаза, Гари провалился в полудрему...

— Что ты хочешь?

— Хочу денег... много денег.

— Зачем тебе деньги? Думаешь, ты станешь счастливее?

— Конечно.

— Наличие денег не так радует, как печалит отсутствие. Тебе не хватает денег?

— Я хочу больше.

— У тебя будет все. Смотря на что ты готов.

— На все...

— Алло, кто говорит? Загир, ты? — спросил невысокого роста дагестанец лет пятидесяти.

— Да. — Крупный и крепкий кавказец был немногословен.

— Загир, у нас пассажир объявился. Какой-то питерский барыга. Я через Толика крупный вес у него заказал. Короче, возьми Магу, и езжайте к нему. Толик договорился в час ночи к нему заехать. Возьмите барыгу, только не валите, пока все не отдаст и не скажет откуда наркоту берет, а потом делайте с ним, что хотите, незачем наш хлеб кушать. Кокс Маге отдай, деньги мне привези. Все, давай.

Загир всегда слушался двоюродного дядю Ахмета, так как после гибели отца он был самым близким для него человеком — и по крови, и по духу. Ахмет давно жил в Москве, и именно он вытащил Загира из Шамильского района Дагестана в столицу. Постепенно Загир начал выполнять все более ответственные задания, и Ахмет стал ему полностью доверять. Для Загира Ахмет был единственным авторитетом, что и становилось причиной частых конфликтов. Большой город был непривычен Загиру, и он защищался от него самым простым способом защиты — агрессией. Однажды, бурно отреагировав на замечания представителя власти, Загир уверенным ударом отправил полицейского в глубокий нокаут, посчитав оскорблением попытку обыскать его. При задержании он оказал сопротивление, чем лишил себя впоследствии части своего богатырского здоровья, а дядю Ахмета — крупной суммы, которую тот заплатил за его вызволение из отделения. После этого Загир стал спокойнее, но постоянное состояние агрессии все же провоцировало его на конфликты.

Загир сел в свой внедорожник БМВ черного цвета и поехал к Магомеду. На дороге все еле тащились, что бесило нетерпеливого Загира. Он хорошо водил машину и лихо перестраивался из ряда в ряд. Он никуда не спешил, но стиль езды был отражением его темперамента. Когда его ряд окончательно встал в «пробке», Загир не выдержал и поехал по встречке, объезжая стоявшие автомобили. Навстречу ему ехала старенькая «Тойота», которая не захотела съезжать со своей полосы.

— Ну, чего такой баран, едешь на куске дерьма, — выругался он.

Загир помигал фарами, но «Тойота» продолжала ехать в своем ряду, чем окончательно перекрыла ту небольшую часть мозга, которая отвечала за толерантность и спокойствие. Загир определял свое общение по принципу «опасно или не опасно», а в современном городе в 99 % случаев было «неопасно».

— Я тебе ща башку прострелю, тварь, — сказал Загир, готовый достать пистолет и уничтожить раздражающий объект.

Машины разминулись, а участники конфликта разъехались но Загир уже «завелся» и поэтому решил сначала заехать к имаму в мечеть на проспекте Мира. После мечети он, забрав Магомеда, еще раз сцепился с очередным лихачом, устроившим гонки по ночному городу. Автомобиль дешевле или менее крутой, чем у Загира, автоматически попадал в категорию «не опасен» и вызывал раздражение, если мешал ему на дороге.

Эмоции и гордыня, подбадриваемые радостными выкриками Магомеда, отключили здравомыслие и логику, чем впоследствии спасли от расправы Гари, который даже не подозревал, что с ним должно было случиться. Когда Загир вылетал в свой последний поворот, у него перед глазами не пронеслась вся жизнь, как это обычно бывает, потому что только одна мысль заполонила его сознание: *«Наказать падлу»*.

Груда искореженного металла, которая недавно была гордостью Загира и его защитой, стала для него последним пристанищем. Спасатели первым вытащили Магомеда, который оказался без сознания, и отправили его в реанимацию. Водителя было бесполезно доставать, так как он стал единым целым с металлом машины. После некоторых находок в автомобиле у криминальной полиции Москвы хлопот появилось еще больше.

ПЕРВАЯ СТУПЕНЬ

Андрей стоял неподвижно и смотрел на то место, где недавно был светофор. Он практически видел, как нажимает кнопку и двухтонный внедорожник сносит его вместе со столбом, разрывая на части, а потом и сам, разрываясь от удара о следующий. Андрей стоял и почему-то думал, что он во всем виноват, а потом другая мысль засела в его голове: этот кавказец сам нарвался, не надо было хамить. Мозг накручивал все новые и новые мысли, усугубляя и без того неприятную ситуацию. Подойдя еще раз к машине, он почувствовал, что дрожь в ногах становится все сильнее.

Вокруг кто-то бегал, суетился, пытался помочь, а Андрей стоял, почему-то боясь, что если дотронется до машины, то сам станет трупом.

Потом приехал какой-то важный пожилой кавказец и стал размахивать руками, пытаясь понять, как все произошло, а еще через несколько минут подкатили два десятка черных и белых тонированных машин с темпераментными молодыми людьми.

Придя в себя, Андрей пошел к своему дому, который был через дорогу. Дома его охватила такая тоска, что уснуть не получилось до утра. И только на следующий день он вспомнил про то, что он отлетел не от удара автомобиля и не сам отпрыгнул. Какое-то стороннее воздействие фактически спасло ему жизнь. Потом вспомнил неизвестного человека на остановке и холодный пот прошиб Андрея. Он нервно начал ходить по комнате. Странное чувство страха овладело Андреем и преследовало его теперь постоянно.

Суббота не была такой прекрасной, какой она может быть, и весь день прошел в «залипании» в телевизор и бестолковом блуждании по Интернету. В новостях сообщили о ночной аварии, как о задержании банды, которая уходила от преследования московской полиции. Также говорилось о мужестве полицейских, которые, рискуя своими жизнями, задержали опасных бандитов, один из которых погиб при аварии.

Андрея не интересовала эта информация, его интересовало свое состояние. Если ночные страхи можно было списать на продолжительное действие вчерашнего гуляния, то днем его странные ощущения только усилились.

— Привет, тело, ты как вчера доехал? — радостный голос Антона прервал ход мыслей Андрея.

— Лучше не спрашивай! — Андрей хотел рассказать о своих ночных приключениях, но понял, что не сможет передать того, что прочувствовал сам, и все же сказал:

— Помнишь, вчера горилла на БМВ хамил на встрече? Так вот он вчера с кем-то гонялся и, чуть не сбив меня, вылетел на столб, где его разорвало на две части. Он труп, а его пассажира в реанимацию увезли.

— Ничего себе! А это точно он был? — засомневался Антон.

— Да точно, я его запомнил.

— Ладно, бывает... Какие сегодня планы? Пойдем в клуб, а то хочется кого-нибудь сегодня завалить, — предвкушая события, предложил Антон.

— Не, я пас. Чего-то вчера хватило, — устало сказал Андрей.

— Да ладно тебе, не кисни, сегодня суббота. Хочется накинуться на какую-нибудь красотку, — не унимался Антон.

— Ага, после клуба накинешься у себя дома на свой кулак, как обычно, — без энтузиазма пошутил Андрей. — Вчера много событий было, надо переварить...

Андрей хотел больше рассказать о происшествии и о своих мыслях, но подумал, что «простой» Антон этого не поймет. На какое-то время Андрей задумался об Антоне и осознал, что общаться им не нужно, и что почему-то Антон мешает ему в жизни. Чем именно мешает и почему не нужно с ним общаться, Андрей объяснить себе пока не мог.

Закончив разговор, он пошел к холодильнику за пивом, но понял, что совершенно его не хочет, даже отвращение какое-то было к недавно любимому холодному напитку.

Выходные пролетели в телевизоре и Интернете. Многое, от чего Андрей получал удовольствие, в эти выходные просто раздражало. Понедельник не вызывал никаких эмоций, кроме чего-то безнадежного, отчего настроение становилось еще хуже.

Неделя пролетела, как щелчок пальцев, и пятница совсем не радовала.

«Что со мной происходит, почему так плохо на душе? Может, это депрессия?» — задавал себе вопросы Андрей, но никак не мог на них ответить. Вокруг что-то двигалось и изменялось, но мир уже был другим. Какие-то немыслимые заботы мешали радоваться, хотя видимых причин грустить не было.

Андрей стал бояться того, о чем раньше даже не думал. Былая уверенность пропала, чувствовалось нервное истощение. В магазинах его больше не интересовали модные бренды и красивые вещи, от которых раньше он сходил с ума.

Шло время, точнее, не шло, а как-то проскакивало. Андрей похудел за месяц на пятнадцать килограммов, и, став слабее не только морально, но и физически, чувствовал, как тают защитные силы его организма и он впадает в депрессию. Если днем еще было нормально, то с приближением ночи становилось хуже. Андрей жил один, а вечером и ночью меньше всего хотелось оставаться одному, поэтому он старался быть с кем-то, ходил к друзьям, при этом не выпивая с ними, что вызывало у последних непонимание. Ему хотелось вернуться в то беззаботное состояние, когда он мчал по жизни, как поезд по рельсам, не обращая внимания ни на что на своем пути.

Самое плохое, что никому нельзя было об этом рассказать. Вроде, все отлично, но что-то происходило. Пытаясь поделиться с друзьями, он слышал один и тот же ответ: «Андрюх, не парься, пойдем лучше бухнем, дунем, кого-нибудь трахнем» — и все. И самое страшное, что они действительно не могли понять его проблемы, его крик души.

Андрей пробовал пить успокоительное и даже собрался пойти к психотерапевту, но от этого посещения его остановила одна фраза: «Вылечишь одну проблему — найдешь две новые». Из-за этого он решил сам справиться со своим состоянием.

Постепенно Андрей стал понимать, что в этом состоянии есть и плюсы. Он начал внимательно смотреть на людей и видеть в них то, чего раньше не замечал. Ум, честность, совесть, жестокость, эгоизм, радость, зависть и другие качества были видны четче, да и на многие вещи Андрей смотрел теперь под другим углом. Но чем дальше, тем больше тоска и безысходность селились в его голове.

Страх смерти разрывал сознание Андрея, а самое главное — это ощущение смерти. Раньше Андрей особо не задумывался, но сейчас от этих мыслей хотелось куда-нибудь убежать и заплакать, а лучше спрятаться под одеялом, как в детстве. Когда он думал о бесконечности, сердце начинало дико биться, а его самого настигали панические атаки, от которых он потом долго отходил.

Прошло более трех месяцев с той ночи, когда произошла авария, но состояние Андрея оставляло желать лучшего. Он стал ходить в церковь, но это давало небольшое облегчение, и только в то время, когда он находился там. Андрей перестал пить и курить, а также общаться

с друзьями. Начала происходить переоценка ценностей, и некоторые вещи стали казаться просто отвратительными.

Самое неприятное было то, что ему казалось, будто не он управляет собой и своими мыслями, а кто-то это делает за него, и один из страхов был такой, что этот кто-то может заставить его покончить с собой. Андрей этого очень боялся, и от этих мыслей сводило все тело и бросало в холодный пот, особенно ночью.

Иногда ему хотелось, чтобы нашелся мудрец, который ему расскажет, что именно с ним происходит и как вернуться в то привычное беззаботное состояние, хотя он понимал, что уже никогда не станет таким, как прежде. Он ощущал себя маленьким, как в детстве, когда можно прийти к маме и все будет хорошо, но мамы не было и помочь ему никто не мог. Стараясь расслабиться и ни о чем не думать, Андрей только так проваливался в сон...

— Что ты готов отдать?

— А что тебе нужно?

— Все, что у тебя есть.

— Мне кажется, что у меня уже ничего нет.

— Ты ошибаешься, у тебя много чего есть. Откажись от того, что у тебя скоро будет, тогда все вернется на круги своя.

— Как я могу отказаться от того, чего у меня еще нет. Я могу отдать только то, что у меня есть, и мне кажется, что я уже отдал все.

— Да, ты сейчас на краю пропасти, но ты держишься. Если сойдешь со своего пути, то никакая сила не удержит тебя на краю. Это будет твой выбор.

— Я знаю...

— Хорошо, это твой выбор...

* * *

«*Все проходит — и это пройдет*», — вдруг появилась в голове фраза, которую Андрей никогда не слышал, но, поискав в интернете, он узнал, что она была выбита на кольце царя Соломона Мудрого. Как ни странно, данная мысль помогала ему справиться с тоской и депрессией. Андрей постепенно находил ключи к решению своих проблем с помощью крылатых изречений, вычитанных или услышанных когда-либо. Он и раньше слышал эти фразы в социальных сетях, но только теперь осознал, что для того, чтобы понять до конца умные фразы, надо пережить их самому. Становилось легче и Андрей уже не так боялся ночей, а однажды услышал от священника фразу: «*Человеку дано святое право — право выбора*», которая за несколько дней полностью избавила его от страхов, связанных с тем, что кто-то управляет им и может толкнуть его к суициду.

Андрей не мог понять, что происходит, но он возвращался в прежнее состояние, которое в то же время отличалось от того, что было раньше. Понимал, что стал другим, но в чем именно, разобраться пока не мог. Как ни странно, мозг работал быстрее, люди вокруг были понятными и не сложными для анализа, а главное — стало хотеться жить, и жить как-то быстрее. Андрей при общении стал чаще смотреть в глаза и больше всего сторонился пустых глаз, в которых не мог прочесть ничего.

Он изменил обстановку в доме, но, что особенно важно, спустя какое-то время в его телефонных контактах появились новые имена, а со многими старыми друзьями общение

свелось к минимуму. Постепенно Андрей освоился, и то состояние, которое казалось странным, стало теперь вполне привычным, только мозг работал быстрее и острее.

На работе Андрей фонтанировал идеями, и через некоторое время ему предложили место руководителя отдела. Вспоминая себя прежним, он удивлялся, как был далек от должности руководителя в своих рассуждениях, мыслях и опыте, хотя желание стать руководителем раньше было гораздо сильнее. Андрей не боялся потерять свою должность, поэтому мог работать больше на компанию, чем за свои интересы, этим и заслужил уважение начальства. В спорах и переговорах ему не было равных, и постепенно Андрея начало «заносить».

Требовательное отношение к себе рождало требовательное отношение к подчиненным. Сотрудники, не успевавшие за ним, считались «придурками», и вообще, с теми, кто не был умен, Андрей общался свысока. Глупость раздражала его до такой степени, что он мог открыто об этом сказать человеку. Андрей чувствовал огромный прилив сил, и многое для него было настолько очевидным, что он искренне удивлялся, когда окружающие чего-то не понимали.

Еще одним откровением для Андрея стало то, что многие сотрудники имели привычку оправдывать свои неудачи. У некоторых это была настоящая жизненная позиция, что крайне раздражало его. Постепенно окружающий мир стал полон придурков с кучей проблем, которые Андрей видел в людях, а они в себе не замечали. Он предпринимал попытки объяснить некоторым сотрудникам их проблемные места, но в глазах видел лишь равнодушие, злость или искреннее непонимание.

«Хочешь настроить против себя человека, скажи ему то, что он не хочет слышать», — вспомнилась хорошая фраза, и Андрей перестал пытаться изменить других.

Андрей стал больше зарабатывать, а главное, в его светлых глазах появилась такая уверенность в своих силах, что многие девушки готовы были идти с ним хоть на край света. Он чувствовал столько силы, что, как магнит, притягивал к себе нужных людей, нужные встречи, нужные возможности.

Клубы, тусовки и новые знакомства опять закрутили Андрея в какой-то порочный круг, впрочем, не сильно отличавшийся от прошлой жизни, с тем лишь исключением, что новые тусовки были круче, а алкоголь (который, кстати, практически не мог отрубить сознание) — дороже. Нет, он, конечно, пьянел и веселел, но, сколько бы ни выпил, полностью отдавал себе отчет в своих действиях и довольно быстро трезвел.

Андрей образно представлял свое сознание, как стальной прут, который прямо и четко смотрит в нужном направлении.

* * *

— Как тебе наш новый начальник отдела? — спросила высокая красивая брюнетка с карими глазами и манерными жестами.

— Ничего так внешне. Деньги есть, но не обеспеченный. На фиг он тебе? — ответила ее собеседница, менее красивая, но не менее ухоженная.

— На перспективу, вдруг из него что-нибудь выйдет, — загадочно улыбнувшись, ответила брюнетка.

Красивой брюнеткой была Ирина Дрига, референт генерального директора, окончившая

филфак Ростовского государственного университета и четыре года назад приехавшая покорять Москву.

Ирине очень понравился Ростов-на-Дону, в который она приехала учиться из Донецкой области, где осталась вся ее родня. Познакомившись еще на первом курсе с «нужными» людьми, она поняла вкус беззаботной ночной жизни в веселье и гулянках. Но после поездки на четвертом курсе к подружке в Москву ей стало тесно в Ростове. Окружающие стали раздражать, а центр разгулья и веселья — левый берег Дона — уже не казался чем-то интересным. Едва окончив институт, Ирина поехала в Москву в надежде «оседлать» Первопрестольную. Но столица не ждала Ирину, как любовница в порту капитана дальнего плавания, и в итоге сама «оседлала» Ирину в разных позициях. Подруга не стала делить с ней жилье, так что Ирине пришлось выкинуть из головы идеальное восприятие окружающего мира. Пройдя через обман, предательство, грязь, унижение и лицемерие, она сама стала такой, то есть частью системы с четко поставленными целями и отсутствием розовых соплей. Обманывая, предавая и унижая, Ирина шла к поставленным материальным целям, избавившись от своего прошлого, даже от имени, а вот поменять фамилию стало ее первостепенной задачей. Она стала Ирен, манерной и ухоженной леди с ботексом и силиконом.

Ничто так не определяет приезжего, как ненависть к таким же приезжим. Ирен искренне считала себя столичной львицей и с пренебрежением относилась к иногородним, особенно менее ухоженным, чем она. Она много работала, чтобы вложить деньги в свое тело, и очень не хотела дешево себя продавать. Время шло, а в стане большой конкуренции и явной продажи выигрывали те, кто сможет правильно «не дать». Ирен понимала это, но в тех кругах, где она вращалась, мужчины с деньгами не привыкли к отказам и не готовы были ждать. Получив свое, они цинично шли дальше, а Ирен начинала все сначала. Со временем и возрастом планка материальных благ стала снижаться, и Ирен начала смотреть не только на богатых, но и на обеспеченных с перспективой, коим и являлся Андрей.

— Привет Андрей, как дела? — немного растягивая слова и сверкая карими глазами, спросила Ирен.

— Отлично. Ты как? — быстро проанализировав ситуацию, с улыбкой ответил Андрей.

— Сегодня пятница, а я не знаю, чем себя занять, — немного по-детски надув пухлые губки, проговорила Ирен.

«Неплохо было бы завалить ее, но на работе...» — подумал Андрей и решил «слиться с предложением».

— Ну, такая красивая девушка, точно не останется без внимания. Не поверю, что никому не интересно провести с тобой выходные, — хитро сказал Андрей, поставив Ирен в сложное положение — признать то, что никому она не интересна.

— Ты же знаешь, важно чтобы и мне было интересно, — быстро парировала Ирен.

«Нормально, умеет думать. Но что с ней потом делать? Ладно, сама напросилась, если что», — подумал и решил Андрей.

— Знаю одно увеселительное местечко и хорошего спутника. Могу почтой скинуть коммерческое предложение, — пошутил он.

— Договорились, — загадочно произнесла Ирен.

Так как предполагалось выпивать, Андрей оставил машину возле дома и поехал на такси. Они договорились встретиться в ресторане, а потом пойти куда-нибудь. Ресторан был с террасой, и, так как погода была майская и теплая, они расположились на свежем воздухе.

Разговор особо не клеился, поэтому коктейли пились быстрее, пока алкоголь окончательно не растворил социальные страхи. Когда страх «выглядеть нелепо» или «что обо мне подумают» ушел, то разговор стал литься рекой. Ирен смеялась над шутками Андрея, изящно откидывая назад голову. При всей кажущейся безмятежности их разговора, каждый думал о своем, просчитывая вероятные ошибки.

«Что-то раньше ты меня не замечала. Перспективный стал вдруг?!» — думал Андрей, улыбаясь и слушая, что говорит Ирен.

«Не думай, красавчик, что я простая дура, которая ляжет сегодня с тобой», — думала Ирен, улыбаясь над очередным рассказом Андрея.

Время пролетело незаметно, а молодые тела хотели движения.

Луч солнца плавно скользил по стене и постепенно добрался до лица Ирен. Утром она была так же красива, несмотря на бурную ночь и легкую помятость лица. Лицо, из за ботокса было неестественно помято и выглядело немного комично. Андрей смотрел на Ирен, облокотившись на подоконник с чашечкой утреннего кофе.

«Сучка... ох сучка, — улыбался он своим мыслям, смотря на спящую брюнетку. — В постели хороша, но немного переигрывает».

Андрей хорошо осознавал свои возможности и понимал, когда девушки могут имитировать страсть, а когда нет. Так же понимание своей истинной цены, не давало ему «повестись» на сладкие речи многих людей, окружающих его, особенно в последнее время. Ирен не имитировала удовольствие с ним, но она немного переигрывала с манерностью и показной недостижимостью. Тело сложно обмануть, особенно тело того, кто умеет наблюдать и не обманывает себя. Под воздействием алкоголя Ирен расслабилась и многое делала более естественно, чем отличалась от себя в обычном состоянии. Андрей все это видел ночью и, стоя перед спящей, продолжал улыбаться. Перед глазами периодически проскакивали сцены, как картинки из порнофильма, в которых Ирен играла главную роль.

— Я бы тоже предпочла кофе, — донесся до него сонный голос Ирен.

— О, проснулась, красота? — сказал Андрей и услышал, как в ванной захлопывается дверь.

Ему так не хотелось этих неудобных моментов, когда утром придется делать вид, что вчера ничего не было, или играть влюбленного кавалера и целый день развлекать ее. Ирен, выйдя из ванны, быстро развеяла его сомнения.

— Кофе супер, спасибо. Вчера все было гуд, но сегодня ночью ты меня развлекаешь в клубе. У меня дела, чмок. До вечера.

Ирен быстро собралась и уехала, не заставляя Андрея быть романтичным и развлекать ее целый день. Это поведение порадовало его, хотя в клуб вечером идти не очень хотелось.

Утро субботы — это как вторая, осознанная молодость. Впереди много интересного, хотя уже есть что вспомнить. Вечером он заехал за Ирен, и, перекусив в ресторане, они на такси поехали на главный московский «полуостров порока» — «Красный октябрь». Хотя был уже час ночи, главная артерия столицы — Тверская улица — стояла в одной большой пробке. По дороге Андрей не переставал любоваться Москвой, несмотря на то, что здесь родился и вырос. Настроение было очень хорошим, как вдруг он обратил внимание на большой рекламный щит, на котором «зависла» реклама, светя ярким красным цветом прямо в лицо. Свет не менялся, а машина не двигалась стоя в пробке. Почему то вздрогнуло сердце, и на мгновение вспомнилось то, старое состояние, в котором Андрею было очень плохо. Опять предчувствие чего то закралось внутрь, и оставшийся отрезок пути до самого клуба он

проехал молча, в некомфортном состоянии.

В клубе было шумно и многолюдно, и Андрей довольно быстро выпил несколько горящих коктейлей Б-52. Делал он это осознанно, чтобы вернуться в состояние беззаботности. Андрей быстро расслабился, но при этом особо не опьянел, а у Ирен от такого количества коктейлей глаза слегка поплыли, и появился блеск, который он видел вчера в ресторане. Андрей смотрел ей в глаза и никак не мог понять, что мешает им быть ближе. Вроде все в порядке, она умная, красивая, с отличной фигурой и буйным темпераментом, но какой-то барьер между ними был.

«Скорее всего, работа не позволяет мне подпустить ее ближе», — успокоил он себя и начал думать, как ему решить эту проблему.

Дыма было много, и Андрей решил выйти на открытую веранду, с которой открывался великолепный вид на ночную Москву.

Постояв несколько минут, он ощутил на себе чей-то взгляд и резко обернулся. Среди большого количества людей он увидел, что на него смотрит крепкий мужчина лет тридцати семи — тридцати восьми с красивым волевым лицом, в дорогом модном костюме. Он быстро отвел взгляд, и Андрей понял, что он специально на него смотрел. Потом мужчина затерялся в толпе, но Андрея не покидало чувство, что он где-то видел его. С этими мыслями он пошел к столику, за которым с общими знакомыми сидела довольная Ирен. Она громко смеялась, вскидывая голову, и постоянно пила алкоголь.

— Эй, ты чего такой серьезный? Ты не на работе, — сказала Ирен, увидев Андрея. — О чем думаешь?

— Думаю, как увеличить прибыльность компании путем оптимизации и автоматизации ключевых процессов, — попытался пошутить Андрей.

— Давай лучше оптимизируем по бокалу, — улыбнулась Ирен.

— Пойду стану немного легче, — сказал Андрей, залпом выпив стакан виски, на который он перешел после коктейлей и направился в сторону туалета.

Когда он проходил через зал какая-то неведомая сила заставила его повернуться в сторону барной стойки, за которой сидели две девушки. Андрей поймал на себе взгляд одной из них, и все, что происходило затем, было как в замедленной съемке. Шум вокруг прекратился, остались только едва различимые слова второй подруги и взгляд... необыкновенный взгляд ее глаз. Какие это были глаза! Словно небо и облака поселились в них. Между Андреем и незнакомкой, казалось, протянулся невидимый энергетический мост.

Шаг... два... три... Андрей прошел мимо них, будто в вакууме, но его тело не хотело слушаться и идти дальше. Словно в замедленной съемке, когда не только изображение, но и звук тоже замедляется. Кто-то что-то говорил рядом, словно прожевывая слова, мимо еле прошел официант, а Андрей все смотрел и смотрел в эти глаза. Ощущение времени, пространства и звука полностью потерялось, Андрею показалось, что прошла целая вечность, прежде чем все встало на свои места: и свет, и музыка снова заполнили зал. Пройдя по инерции несколько метров, он замешкался и встал, понимая, что выглядит глупо. Повернувшись, он опять посмотрел на нее... И опять встретился с ней взглядом. С каждой секундой бездействия Андрей понимал, что надо или что-то предпринимать, или просто уходить. Решив все же подойти, Андрей направился к девушкам.

— Привет, красавицы, я директор этого заведения. Кто сюда приходит, знакомится со мной лично, — пошутил Андрей. Понимая, что говорит ерунду, он попытался еще пошутить, но получилось совсем скверно: — Да нет, на самом деле я здесь охранник, вот... проверяю

всех и подозрительных. Вы, например, кажетесь мне очень подозрительными, — ляпнул Андрей, окончательно поняв, что сморозил глупость и действительно не сильно отличается от самого тупого охранника клуба. — А-а-а... в общем... я Андрей, просто увидел необыкновенные глаза и совсем потерял голову. Простите меня...

— Я Лиза, — проговорила незнакомка с голубыми глазами, мило улыбаясь и не отрывая от него взгляда.

— А я Наталья, — сказала ее подруга, понимая, что высокий красавчик восхищен не ею, а Лизой.

Андрей, наконец придя в себя и снова став остроумным, что-то долго им рассказывал, а Лиза и Наталья смеялись и с интересом слушали его. Он напрочь забыл, что шел в туалет и вообще пришел не один. Андрей не отрывал взгляда от глаз Лизы, и ему хотелось говорить с ней снова и снова, не останавливаясь. Подруга Наташа, почувствовав желание Андрея, под каким-то предлогом ушла, оставив их наедине. Они переместились на открытую веранду и продолжили оживленно беседовать.

Ирен видела, что Андрей с кем-то общается, но, считая себя достойной леди, не подходила к нему и продолжала веселиться и отдыхать. Чем больше проходило времени, и чем больше алкоголя вливалась в себя Ирен, тем меньше она становилась достойной леди и тем больше злилась на Андрея. Когда она увидела, что они ушли на веранду, она не выдержала и тоже пошла туда.

— Милый, я чего-то устала. Поехали спать, — сказала Ирен, картинно обняв Андрея двумя руками за шею.

— Да... это... я тут знакомую встретил. Я останусь еще. Хочешь, поймаю тебе такси? — ответил Андрей, а потом довольно нагло добавил: — Ты, кстати, где живешь?

Видя, что все было зря и эта партия тоже проиграна, и надо в очередной раз начинать все сначала, Ирен, подогретая алкоголем, буквально затряслась от обиды и злости. Снова превратившись в Ирину Дрига, она, сверкнув на Андрея черными глазами, с ненавистью прошипела:

— Вот ты сука конченная... дебил... тварь... давай до свиданья... — Развернувшись, она пошла прочь, на ходу бросив опешившей Лизе: — Он импотент и извращенец... Удачи!

Андрей пытался что-то объяснить Лизе, но настроение было испорчено, словно кто-то в испачканных в дерьме сапогах прошелся по чистой кровати, а он остался в ней лежать. Они стояли на веранде и смотрели, как начинает светать. Они стояли и просто молчали, но неловкости не было, а было ощущение, что они знакомы всю жизнь. Вдруг неприятный голос окликнул Андрея:

— Слышь, олень, ты че тут стоишь?

Обращение было точно к Андрею. Перед ним стояли два здоровых молодых человека, в состоянии, далеком от человеческого. На мощных скулах играли желваки, из чего Андрей заключил, что они не пьяные, а под воздействием чего-то. Посмотрев в их безжизненные глаза, полные ненависти и злости, он понял, что эти парни, должно быть, еще со вчерашнего дня принимают кокаин и сейчас находятся в состоянии безудержной агрессии. На заднем плане, зло улыбаясь, стояла пьяная Ирен. Быстро оценив ситуацию, Андрей решил сделать все, чтобы не показаться трусом в глазах Лизы.

— А-а-а, это ваше стойло? Сорри, заняли ваше место. Лиза, пойдем в другое... — Андрей не успел договорить — мощный удар кулака, прорезая воздух, прилетел в челюсть. Падая в правую сторону, удивленный таким быстрым исходом событий Андрей успел

заметить, как к нему бежит тот самый крепкий мужчина в дорогом костюме. Следующий удар был, как толчок, от которого Андрей попятился назад, врезался в перила и перелетел через них.

На веранде воцарилась тишина, и только через несколько секунд дикий крик Ирен прорезал тишину. Люди начали суетиться, боясь подойти к перилам, а Лиза в беззвучной и молчаливой истерике сползла спиной по перилам на пол веранды. Мужчина в дорогом костюме никак не реагировал на общее настроение собиравшихся людей, а только стоял и смотрел сверху вниз на асфальт, где на расстоянии двадцати метров лежало тело Андрея.

Прошел год с той аварии, участником которой, сам того не желая, стал Эльхан. Он постарался быстро выбросить из головы этот инцидент, хотя и узнал, что там были жертвы. Внутренний адвокат сказал: «Он сам виноват, выживают сильнейшие». С этой удобной установкой он и продолжил свой путь по жизни. Эльхана вообще мало что задевало, и в этом была его сила. Он начал усердно заниматься боями без правил и целый год готовился к важным международным соревнованиям, которые проходили в конце мая. Для Эльхана важно было победить и сделать это до священного месяца Рамадан, который начинался первого июля.

Тренировки занимали почти все время, и за этот год Эльхан добился неплохих результатов. Он выступал за Россию, несмотря на то, что наполовину был азербайджанцем, коим себя и считал.

Вспышки фотоаппаратов и объективы телекамер совершенно не волновали Эльхана. Его волновало то, что соперник сильнее его, и он это чувствовал. Тысячи зрителей недовольно гудели, когда Эльхан пропускал удары, отчего он злился и делал еще больше ошибок. Еле дотянув до конца первой пятиминутки, Эльхан дополз до своего угла. Тренер Темир что-то кричал ему, но он его не слышал.

С ударом гонга что-то случилось в груди Эльхана. Как будто время замедлилось вместе с медным звуком, который вибрацией проходил сквозь все тело, словно разворачивая что-то внутри. Казалось, грудная клетка стала расширяться, и там начал раскручиваться невероятной силы мотор, дающий силу всем мышцам. При этом движение вокруг замедлилось, а мозг заработал быстрее. Голова стала словно каменная и появилось ощущение, будто на лбу растет рог. Противник бросился на Эльхана, пытаясь быстрее завершить бой, но тот, как носорог, с опущенной головой и диким ревом ринулся навстречу. Противник Эльхана отлетел, как последняя кегля от пятнадцатикилограммового шара в боулинге, и остался лежать без сознания. Судья остановил бой, а Эльхан еще несколько секунд рыскал взад-вперед по рингу, словно действительно обозленный носорог. Судья попытался успокоить Эльхана и поднял его руку вверх в знак безоговорочной победы. Зал гудел, приветствуя чемпиона, а он стоял с глупой улыбкой, не понимая, что произошло. Все аплодировали, а Эльхан в ответ только улыбался... Но взгляд тренера Темира заставил его задуматься. Тренер Темир смотрел на Эльхана, нахмурившись, без малейшего признака радости на лице. Тренер всегда был скуп на эмоции, но после такой победы Эльхан ожидал другой реакции.

Во время поздравления и после он вообще не видел тренера Темира. Весь день Эльхан пребывал в странном состоянии одновременно эмоционального подъема и полного бессилия. Он понимал, что проигрывал сопернику и не мог понять, как ему удалось выиграть и что с ним произошло. По дороге домой Эльхана остановил инспектор ГИБДД и попросил предъявить Документы. Эльхан еще находился в состоянии возбуждения, но чувство спокойствия и уверенности наполняло его.

— Сержант Егоров, ваши документы.

— В чем дело, сержант? — стальным голосом, но спокойно спросил Эльхан, глядя в глаза инспектору.

Сержант, посмотрев на Эльхана, вдруг почувствовал себя маленьким и беспомощным

ягненком перед львом. В черных, как ночь, глазах не было ничего, но в то же время там было все. Все страхи сержанта какие у него были, проявились в отражении этих глаз. Содрогнувшись, он вернул документы, стараясь поскорее закончить диалог и напрочь забыв о наживе, как лиса, зашедшая в поисках добычи не в тот двор и теперь желавшая только унести ноги. Забрав документы, Эльхан нажал на педаль акселератора, оставляя инспектора наедине с его мыслями.

«Наверное, бандит какой-то. Такой пристрелит сразу, ну его... от греха подальше», — оправдывал свой страх инспектор Егоров.

— Овца, — сказал вслух Эльхан, увеличивая скорость в автомобильном потоке. Разговор с инспектором еще больше прибавил уверенности ему, до этого момента никогда не чувствовавшему такого превосходства при разговоре с полицией.

Когда на следующий день он пришел на тренировку, главного тренера Темира на месте не было. Навстречу ему шел второй тренер, Сергей.

— О, Эльхан, дорогой, поздравляю еще раз, — в непривычной для него манере общения сказал тренер.

— А где Темир? — спросил Эльхан?

— Он вчера улетел в Турцию. Сказал, что по важным делам. — Ответ Сергея озадачил Эльхана, он попытался что-то сказать, но тренер прервал его: — Он велел на время его отсутствия отстранить тебя от тренировок и дать тебе максимально отдохнуть.

— Но, тренер, я в отличной форме, мне нужно заниматься... — начал было возражать Эльхан, но Сергей оборвал его:

— Думаю, не нужно спорить с Темиром. Да, и не ввязывайся ни в какие истории в это время, — закончил Сергей.

Зная суровый нрав и авторитет Темира, Эльхан, озадаченный, поехал домой. Он уважал тренера на каком-то подсознательном уровне и перечить ему никогда бы не стал.

Прошло более трех недель, а тренера Темира все не было. Эльхан просто не знал, куда себя деть, осознав, что тренировки занимали большую часть свободного времени.

В голове путались самые разные мысли, а тело разрывалось от энергии, которую раньше он никогда не ощущал. В один из вечеров в дверь съемной квартиры Эльхана позвонили.

— Кто там? — спросил Эльхан, не ожидавший гостей.

— Это Темир, открывай, — резко ответили за дверью.

Тренер Темир без приглашения зашел в квартиру.

— Здравствуйте. Вас так долго не было... — смущенно проговорил Эльхан.

— Хочешь стать великим бойцом? — без эмоций спросил тренер.

— Ну, конечно, — ответил Эльхан.

— Завтра утром мы с тобой летим в Турцию, — безапелляционно сказал Темир.

— Но... я... Куда?.. Зачем? — не мог сформулировать мысль Эльхан. — У меня и заграничного паспорта нет, — попытался «отмазаться» он, но тренер Темир положил на стол новый паспорт.

— Меньше говори, больше делай! И новых вопросов не задавай. Летим завтра рано утром, нас там уже ждут. Можешь начинать собираться.

Эльхан судорожно стал собирать какие-то вещи, совершенно не понимая, что ему брать и куда он едет. Запихивая вещи в спортивную сумку, Эльхан машинально положил туда кобуру с травматическим пистолетом, после чего обратил внимание, как пристально на него смотрит Темир:

— Зачем тебе это?

— Точно, в самолет с этим не пустят, — ответил Эльхан, вытаскивая кобуру из сумки.

— Затем тебе это... в принципе? — уточнил вопрос Темир, чем ввел Эльхана в растерянность.

— Ну... для защиты, — неуверенно ответил Эльхан. — Для защиты себя...

— Ты считаешь, что это резиновое изделие способно тебя защитить? — немного агрессивно спросил Темир.

— Ну, да... — еще более неуверенно ответил Эльхан.

— Это глубокое заблуждение, и в нем твоя слабость, потому что травматический пистолет дает тебе ложное ощущение защиты, мнимо делая тебя сильнее и увереннее. Скажу больше: это очень опасная вещь, потому что в дурной голове создает чувство собственной значимости, и вместо защиты себя выступает защитой своего собственного, иногда дурного и неадекватного мнения. В реальности, если на тебя нападут, то защитит тебя только трезвый ум и анализ ситуации, ну или, на худой конец, твои бойцовские навыки, а эту игрушку ты даже достать не успеешь. Как правило, травматический пистолет защищает чье-то чувство собственной исключительности, например, на дороге, в баре или на улице. Если тебя задели на улице, подрезали на дороге или не так посмотрели, то эта дрянь только подтолкнет ввязаться в конфликт, о котором ты потом можешь сильно пожалеть. Если мы говорим об оружии, то оно должно быть настоящим, но самое главное — это дорасти до него, чтобы ты им управлял, а не оно тобой. Если все же хочешь стать настоящим воином, запомни два правила. Первое — если достал оружие, то стреляй, а второе — самый идеальный бой — это тот, который не состоялся, — закончил обычно немногословный Темир.

Несколько минут ушли на сборы, после чего оба легли спать. Миллионы мыслей о предстоящей поездке разрывали голову Эльхана — от подпольных боев без правил, до отдачи его тела на органы, — но доверие к тренеру и страх показаться трусом были сильнее всех мыслей. Полночи он ворочался в кровати, перебирая сотни мыслей в полудреме, пока обессиленный не провалился в глубокий сон.

Представляя себе Турцию как страну пляжей и бассейнов, Эльхан увидел все это только из иллюминатора самолета, потому что после посадки в Анталии они пересели на небольшой самолет местных авиалиний и через пару часов приземлились на юговостоке Турции в Газиантепе. Недалеко от летного поля их ждал старый микроавтобус с двумя турками, говорящими на странном тюркском диалекте. Через пару часов езды по безлюдной дороге, проложенной в горно-пустынной местности, они остановились возле какой-то забегаловки в старинном городе Урфа. Сопровождающие ушли, появился новый водитель, который повез их на юг страны, к границе с Сирией. Эльхан сидел молча, хотя вопросов был готов задать много.

Через три часа езды Эльхану показалось, что они даже пересекли границу с Сирией или находятся рядом с ней, потому что два раза проезжали через КПП с вооруженными людьми. Подъехав к подножию небольшой горы, они остановились возле больших ворот и забора, обнесенного колючей проволокой. Тренер Темир ушел разговаривать на территорию и отсутствовал минут сорок, а Эльхан начал подозревать, что он приехал в лагерь смертников, и что тренер хочет сделать из него великого воина Аллаха. Эльхан не так часто смотрел телевизор, но про Исламское государство слышал не раз, а то, что он слышал, не предвещало ничего хорошего.

Вернувшись, тренер словно прочитал мысли Эльхана и, впервые улыбнувшись, сказал:

— Э-э-э, никто из тебя не хочет террориста делать... успокойся.

— Я и не боюсь, — попытался оправдаться Эльхан.

— Ладно, пойдем знакомиться, — проговорил Темир и вышел из микроавтобуса.

Они прошли через весь лагерь, напоминая город, в котором имелись свои улицы и дома. Это были обычные хижины и небольшие капитальные здания. На территории было много вооруженных людей, а под большим навесом песочного цвета стояло много единиц боевой техники. С воздуха это выглядело, как обычная деревня, в которой было много детей, с интересом смотрящих на новых людей.

«Зачем мне все это? Как я смог попасться на такую уловку? Неужели Темир вербовщик?» — множество мыслей не давали Эльхану расслабиться. Он шел напряженный, в отличие от Темира, который, казалось, был здесь не один раз.

Пройдя всю деревню, они вышли на пустынную землю, пройдя еще пару километров в сторону горы, спустились в малозаметное ущелье и долго шли, пока не добрались до огромного помещения внутри горы, в котором мог поместиться еще один город. По всему вокруг было видно, что это сооружение построено человеком, но очень давно, похоже, что в Византийские времена. Высокие полуразрушенные колонны поднимались вверх метров на пятьдесят, к самому потолку, а стены сохранили лепнину и какие-то изображения. Тут тоже находилось большое количество вооруженных людей, правда, несколько отличавшихся от тех, которых Эльхан видел в лагере. Также здесь были строения, предназначенные для жизни людей, и большое количество рингов, на которых тренировались бойцы. В дальнем конце помещения возвышалось подобие древнего храма с проходом, возле которого также стояли вооруженные люди.

Беспрепятственно пройдя внутрь по коридору, Эльхан и Темир оказались в зале, в котором были большая арена и широкая каменная лестница. Дойдя по ней до самого верха, Темир о чем-то переговорил с охранниками, и они зашли внутрь. То, что Эльхан увидел, было для него полной неожиданностью: перед его взором предстал огромный и современный офис в стиле *open space*, в котором за современными компьютерами работали сотни сотрудников весьма интеллигентного вида. Пройдя весь офис, Эльхан отметил, что в помещении много людей разных национальностей, но практически все они имеют черные или карие глаза и черные волосы. Дальше по коридору было множество отдельных кабинетов, а также просто закрытых дверей без стекол. Эльхана удивило, что во всех помещениях были кондиционеры, а в некоторых кабинетах — окна. Дойдя до большой приемной, Темир велел Эльхану ждать, а сам удалился в один из коридоров. Эльхан ждал около тридцати минут, пока к нему не вышел высокий негр и не пригласил зайти. Оформление зала, куда он зашел, впечатлило Эльхана. На стенах висело множество дорогих ковров и чучел животных. В конце зала за столом возле окна во всю стену сидел высокий крепкий мужчина лет сорока пяти. Он жестом пригласил Эльхана к столу и, когда тот подошел, спокойно сказал по-русски:

— Привет, Эльхан, проходи, садись... не стесняйся. Зови меня Абу. Мое настоящее имя тебе пока сложно будет понять.

— Зачем вы меня сюда позвали? — сразу задал главный вопрос Эльхан.

— Ай, правильно говорил Темир, что ты нетерпеливый. Надеюсь, он в тебе не ошибся. Давай сядем, поедим, отдохнешь с дороги, поговорим, — сказал Абу и жестом пригласил гостя на открытую веранду, с которой открывался потрясающий вид на горы и равнину.

Выйдя на веранду, Эльхан отметил про себя, что все, что он только что видел, включая офисы, находилось внутри большой горы, даже эта веранда была ее частью. Это походило на какой-то древний город, который по-современному выстроили заново.

Солнце уже начинало садиться, а Абу и Эльхан все сидели и разговаривали. Абу в основном задавал вопросы и внимательно слушал, что ему отвечал Эльхан, а также сам рассказывал интересные истории на отвлеченные темы. Рассевшись на удобных подушках и коврах, Эльхан совсем было расслабился, но вдруг Абу резко повернулся.

— Завтра у тебя начинаются тренировки и состоится первый бой. Если ты победишь двенадцать раз, мы еще встретимся. Ступай, — сказал он металлическим голосом и указал на высокого негра, который привел его сюда. Эльхан встал и пошел за негром, понимая, что пытаться узнать больше, чем сказали, бесполезно.

Эльхана привели в уютную комнату, как в гостинице, с той лишь разницей, что она находилась внутри горы и не имела окон. Обстановка в комнате была достаточно аскетичная, но все необходимое присутствовало. Засыпая, Эльхан отметил, что это был самый необычный и наполненный впечатлениями день за всю его жизнь. Он не мог знать, что все впечатления у него еще впереди...

Желание быть кем-то на этот раз привело Гари к увлечению фотографией. Считая себя уникальным, Гари всегда хотел отличаться от других, даже появление в его жизни наркотиков отчасти было продиктовано стремлением быть не как все. Он уже перепробовал много занятий, но особых талантов не обнаружил, а развивать их в себе ему было просто лень. В спорте требовалось прикладывать много сил, рисовать он не умел, учиться не хотел, голоса не было, а сочинять не получалось. При этом он считал себя натурой творческой и пытался это доказать окружающим. Гари одевался не так, как все, и часто говорил, что ему нравится то, что многим не нравится, или наоборот. Если денег не было, он мог надеть что-то дешевое, выдавая это за свою неповторимую индивидуальность. Гари пытался заниматься йогой, но из-за лени бросил. Он даже пробовал быть вегетарианцем, но желание жить в удовольствие оказалось сильнее желания отличаться от других. Увлечение фотографией было быстрым и сравнительно недорогим способом стать хоть кем-то. Купив дорогой зеркальный фотоаппарат и оптику к нему, Гари начал фотографировать. Признаться, фотографом он был посредственным, но сам искренне так не считал. Освоив основные функции в фотоаппарате, он стал фотографировать с ручными настройками, но на «автомате» все равно получалось лучше. Смазанные или несфокусированные снимки он представлял как свое видение мира.

Раньше, когда Гари знакомился с девушками, ему было сложно ответить, чем он занимается и чем увлекается, так как он ничем не занимался, а увлекался только развлечениями. Идентифицировать себя в обществе хотелось, но для этого нужно было прикладывать усилия, а этого Гари делать не желал. Именно стремление жить в свое удовольствие, отличаться от других и при этом особо не напрягаться бросало его то в одну сторону, то в другую. В конце концов, и фотография перестала его интересовать после того, как он увлекся восточными практиками. Его заинтересовали религиозные течения, в основном языческого или восточного направления. Эти направления ему были интересны, потому что в них также не нужно было прилагать усилий, в отличие от христианства или ислама. Другое дело восточные течения или шаманские направления, где можно никак себя не ограничивать, а только рассуждать о великом и расширять сознание всеми известными способами. Раньше Гари любил посещать танцевальные фестивали или тусовки типа *open air*, но постепенно европейский формат ему наскучил, и он стал ездить на мероприятия, где была возможность пообщаться с интересными людьми или просто всю ночь просидеть у костра. Все эти сборища были похожи тем, что их участники пытались быть не такими, как все. Среди людей, которые там собирались, встречались и действительно верящие в то, чем они занимаются, но в основном это были такие же, как Гари, желающие отдохнуть на природе, пообщаться с такими же, как они. Впрочем, всякого сброда там тоже было достаточно. Все эти сборища не обходились без всевозможных изменяющих сознание веществ — от алкоголя до сильных психотропных стимуляторов. В отличие европейских *open air*, здесь было желание не танцевать всю ночь, а познать что-то новое в общении с необычными людьми. Многие «необычные» люди, пытались не «быть», а «казаться», как Гари, но тем не менее некоторые из них действительно что-то знали. Гари на одной из таких вечеринок осознал, что употребляет не только для удовольствия, но и для познания бытия.

Спустя год после того, как он чудом избежал гибели от Загира, Гари решил поехать в

Челябинскую область, на место древнего поселения Аркаим. Многие знакомые говорили про это место, что оно обладает магической силой и что туда едут люди для того, чтобы познать мудрость и обрести силу. Получив много денег с очередной большой партии, Гари купил билет на самолет до Магнитогорска и отправился в путешествие. Он рассчитывал провести в поездке пару недель, но у судьбы на этот счет были другие планы.

Древнее поселение Аркаим, юго-восточнее Магнитогорска, не сильно впечатлило Гари. Он надеялся увидеть что-то необычное и сразу познать что-то невысказанное. Это место представляло собой обычную равнину и несколько возвышений, которые местные называли горами Мудрости, Любви и т. д. На берегу реки стояло несколько палаток, в которых жили непохожие друг на друга люди.

Ночью, примкнув к компании, отдохавшей там уже не первый день, Гари пустился во все тяжкие. Стояли теплые дни конца мая, и под сумасшедшей россыпью звезд, рядом с большим костром и под бой барабанов Гари вдруг понял, что может объять мир, и мир этот принадлежит только ему. Его изумрудные глаза блестели от эйфории, подогреваемой всем, чем только возможно. Казалось, в эту ночь он попробовал все, но его душа требовала еще и еще, и останавливаться он не хотел.

Все крутилось вокруг него — даже костер и даже весь Аркаим. Гари разговаривал с разными людьми на разные темы, в которых ничего не смыслил. Были разговоры про силу, вечность, магию, веру и религию, правительство и многое другое. Он общался с людьми, похожими на шаманов или хиппи, которые больше смахивают на бродяг, со староверами и просто с туристами. Ближе к утру на горе мудрости водили хоровод против часовой стрелки, отдавая энергию и избавляясь от всего плохого, а по часовой, забирая энергию из космоса.

Гари, находясь в этой безумии, сам верил во все происходящее, и ему казалось, что он вобрал в себя всю энергию космоса, и он такое понял, что теперь точно все будет по-другому. На следующий день, когда все эти «отдавальщики» и «забиратели» энергии приходили в себя, они понимали, что, наверное, слишком много отдали прошлой ночью, потому что сил ни на что не было.

Наступал новый день, приезжали все новые и новые «паломники», и все началось заново. Гари опять переходил из одного состояния в другое, пока совсем не перестал себя помнить. Сознание и память вернулись, когда он сидел возле костра рядом с незнакомым человеком, который внимательно его слушал, а потом Гари что-то пил из чаши, которую дал ему незнакомец, которая почему то называлась «чашей мудрости». Рассуждая о горе Познания, которая была неподалеку, они как-то незаметно там и оказались, беседуя на камнях, выложенных в виде спирали, вокруг которых вчера они водили хороводы. Сотни мыслей проносились в голове у Гари, и он, как ему казалось, понимал и видел все.

— В жизни надо все попробовать, — уверенно говорил Гари незнакомцу.

— Зачем? — спросил незнакомец.

— Чтобы все понять, это же опыт, — уверенным, хмельным голосом ответил Гари.

— Не каждый опыт может быть полезен.

— Это мой опыт, поэтому он полезный, даже если отрицательный, — не сдавался Гари. Незнакомец немного помолчал, потом встал, отошел на несколько минут. Вернулся он с бумажкой, в которой было что-то похожее на продукт жизнедеятельности одного из «паломников», не добежавшего до кустов и решившего: того, что естественно, стесняться не нужно. Незнакомец протянул экскремент Гари:

— На, съешь.

— Зачем? Я не хочу.

— Почему?

— Потому что это есть нельзя, — ответил Гари.

— Откуда ты знаешь? Часто пробовал?

— Фу... нет, — скривив лицо, ответил Гари.

— Не каждый опыт полезен. Дурак учится на своих ошибках, а умный на чужих. Помни об этом, — сказал незнакомец. Гари что-то хотел ответить, но ничего не мог. Что происходило дальше, было как в тумане. Они еще о чем то разговаривали, а потом незнакомец куда-то делся, а Гари провалился в сон в своей палатке.

Когда ближе к обеду Гари проснулся, что-то не давало ему покоя. Приходя в себя после ночи, он вздрогнул от воспоминаний. Он вспомнил незнакомца и отдельные отрывки из того, что происходило вчера: как он пил что-то непонятное из чаши и как оказался на горе Познания. Также Гари не мог до конца вспомнить, о чем он разговаривал с незнакомцем, но он отчетливо помнил, что ему необходимо ехать на Алтай, даже в какое именно место. В голове проносились темы, которые они обсуждали, но конкретного ничего в голове не отложилось — что-то про силу, энергию, космос и тому подобное — впрочем, как обычно.

Почему-то в голове крутилась одна фраза: *«Стать настоящим Милном»*. И больше ничего.

«Надо завязывать», — в очередной раз подумал Гари, но в глубине души понимал, что дело не в этом.

В третью ночь Гари было не так весело, точнее, совсем не весело, потому что мысли в голове не давали ему расслабиться. Он пытался поймать то состояние эйфории, но у него ничего не получалось. Двигаться не хотелось, и разговор ни с кем не клеился, а незнакомца, с которым общался прошлой ночью, днем на стоянке он уже не видел, и никто не знал, кто это был и с кем приехал. От него осталась только визитка с адресом на Алтае, где-то под Бийском. В конце концов, Гари пошел спать, уверенный, что завтра он восстановится и будет знать, что делать.

Утром состояние депрессии только ухудшилось, и Гари решил поскорее уехать. Его новые знакомые направились в Челябинск, и он поехал на автобусе с ними. Два дня в Челябинске не принесли ожидаемого улучшения, неприятное ощущение только усилилось, а самое главное — Гари не знал, что делать.

Он ощущал себя солдатом, который верно служил своему генералу, а потом выяснилось, что генерал — предатель, и все, что делал и во что верил солдат, было неправильно. Периодически возвращаясь к ночи на Аркаиме, Гари вспоминал слова незнакомца, и к нему пришло окончательное понимание, что надо ехать на Алтай. Эта мысль обрадовала его, словно просвет между деревьев, который на третьи сутки увидел заблудившийся в лесу путник. Улыбнувшись, он положив визитку в карман и поехал в Баландино, где находился аэропорт Челябинска.

Не понимая, зачем он туда едет, но в полной уверенности, что это необходимо, Гари прилетел на Алтай. От Бийска он еще более суток на перекладных добирался вглубь тайги до места назначения. Денег у Гари было еще много, поэтому он без проблем добрался до деревни, в которой не работала даже сотовая связь. Приехав ближе к ночи, он постучался в единственный дом, в котором горел свет. Дверь открыла крепкая женщина лет пятидесяти с яркими зелеными глазами, от взгляда которой Гари стало не по себе.

— Добрый вечер, мне дали визитку с адресом, но, к сожалению, не помню, как зовут

этого человека, — сказал Гари, протягивая визитку женщине.

— Что ж ты, мил человек, знакомишься, едешь в гости, а имени не спросишь, — родительским, немного поучающим тоном сказала она, а Гари вдруг понял, что не спросил имя незнакомца. — Заходи, Игорек, тебе, наверное, к брату моему. Иваном его кличут. Так не приехал он еще, ты поди так бежал от себя, что его обогнал, — улыбнулась женщина.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? А когда он будет? — в смятении спросил Гари.

— Да мне Лешка таксист эсэмэс скинул, что Игоря везет, чтоб принимала гостей, — успокоила его хозяйка. (Гари только потом осознал, что мобильная связь в этой деревне не работала.) — Меня Светланой зовут. Проходи, не стесняйся. Устал, поди, с дороги. Иван завтра только приедет, так что располагайся, сейчас кормить тебя буду. — И с этими словами хозяйка пошла в дом.

У Гари было много вопросов, но усталость и голод взяли верх, и он решил удовлетворить пока физиологические потребности своего организма. В доме было очень уютно, а на кухне достаточно современной техники, но что поразило Гари, так это большое количество баночек и коробочек с всевозможными травами и приправами. Так ничего не выведав у Светланы, Гари отправился спать, моментально погрузившись в глубокий сон.

* * *

— Ты маленький и ничтожный человек, ты таким и останешься...

— Нет... не-е-е-т... нет...

— Ты обещаешь, зная что не выполнишь, потому что ты слаб. Ты боишься казаться плохим в глазах других людей, потому что ты маленькая собачка. Если сравнивать тебя с животным, то тебе подошла бы именно собачка. Маленькая, ухоженная собачка с большим самомнением, которая готова служить тому, кто сильнее или лучше кормит.

— Ты все врешь... ты всегда вр-е-е-ешь...

— Ты же знаешь, что это не так, поэтому злишься. Зачем мне врать, когда мы с тобой давно вместе. Люди не меняются, и ты не изменишься. Не обманывай себя, возвращайся домой.

— Нет, ты меня совсем не знаешь. Я сам всегда выбирал, что мне делать... понял?

— Bravo... bravo... выбирал он! Это не ты выбирал, это тебя выбирали... не ври себе...

* * *

Гари проснулся в странном состоянии и сразу увидел незнакомца, с которым он был во вторую ночь в Аркаиме. Иван смотрел на него улыбающимися зелеными глазами. Протянув руку, он сказал:

— Здравствуй, Игорь, рад, что ты приехал.

— Здравствуйте, я даже имя ваше не спросил, — проговорил Гари, с интересом рассматривая своего ночного приятеля, который в дневном свете оказался старше его лет на пятнадцать. — Я хотел о многом спросить вас...

— Не спеши, Игорь. Ты всегда спешишь, в этом твоя ошибка. Узнаешь все в свое время.

Сейчас иди завтракай, нам скоро в долгий путь, — сказал Иван, разговаривая с ним, как с сыном или младшим братом.

— Но у меня дела, мне скоро надо ехать. Просто делать нечего было, я и приехал. Природу посмотреть и все такое... — попытался «включить заднюю» Гари.

— Нет у тебя дел нормальных, да и не ждет тебя никто. Лучше бы трусил так, когда дрянь разную принимаешь, не зная что, не зная от кого, — резко осадил его Иван.

Гари не нашелся, что ответить, и стал собираться. Иван укладывал вещи, по количеству которых Гари понял, что путь будет неблизкий и не по асфальту. Собравшись и пообедав, они вышли из дома и направились в сторону леса.

— В лесу был когда-нибудь? — спросил Иван.

— Конечно, один раз даже заблудился. Это случилось в Голландии, — ответил Гари, вспомнив, как с какой-то девушкой из клуба поехал провожать ее к ней в деревню. Языковой барьер и невменяемое состояние стали препятствием для того, чтобы остаться у нее, и Гари тогда пошел пешком через лес. Потерявшись, он просто лег спать под дерево, а наутро, протрезвев, смог кое-как дойти до поселения и доехать до Амстердама.

— Разве в Европе есть леса? Там парки одни, — улыбнулся Иван.

— У вас все, что не тайга, то не лес, — съязвил Гари.

— Когда-то там все было — и лес, и горы, и моря — все чистое. Сейчас Европа, как твой мозг — засрана всем, и если ничего не изменится, то наступит ей конец, как, впрочем, и тебе, — очередным щелчком по носу, осадил его Иван.

— Вы-то, откуда знаете? — не унимался Гари.

— Я, Игорь, много лет жил и работал в Европе, да и оттуда многие к нам в общину приезжают, — загадочно ответил Иван.

— В какую еще общину? Секта, что ли, у вас здесь? На органы решили меня сдать? — наигранно возмущенно спросил Гари.

— Господи, ну не может Ми быть таким придурком, — закатив глаза, произнес Иван. — Пойдем. Твоими органами через пару лет такой жизни останется только первокурсников пугать на кафедре медицинского факультета.

Долгое время они шли молча, пока не наступил вечер, и Иван не остановился, чтобы разбить палатку и устроить ночлег. После ужина, который приготовил Иван, они расположились у костра, и сытый Гари спросил:

— Иван, могу я на «ты» к вам обращаться?

— Конечно, мы же в Аркаиме так и общались, — улыбнулся Иван.

— Да я не помню... особо. Давай, может, в беспмятство уйдем, — предложил Гари, намекая на то, что неплохо было бы употребить что-нибудь.

— А что у тебя есть? — задал вопрос Иван.

— Да много чего, — ответил Гари, доставая из рюкзака разные пакетики и маленькие красивые коробочки.

— Это все? — недоверчиво спросил Иван.

— Нам хватит, — улыбнулся Гари.

Иван сгреб все пакетики и коробочки, внимательно просмотрел и прочитал названия, а потом выкинул их в костер.

— Ты что делаешь, придурок?! — вскочил Гари с круглыми, полными ненависти глазами. — Ты знаешь, сколько это стоит?

— Тебя стоимость этого дерьма волнует или то, что ты не сможешь без него

обойтись? — спокойно спросил Иван.

Бесстрастный взгляд глубоких зеленых глаз Ивана плюс его вопрос напрочь охладили пыл Гари.

— Меня придурком за это назвал, — продолжал Иван. — Ты никого не уважаешь, и самое страшное, что ты и эту дрянь не уважаешь. В гонке за неконтролируемыми удовольствиями ты принимаешь все, что «вставляет», желая больше и больше. Ты не уважаешь наркотики, а потом они не уважают тебя. Все «свернувшиеся» наркоманы, не умели уважать или бояться врага, считая себя сильнее. Ты рассуждаешь о силе своим засранным мозгом и совершенно не видишь, какая в них сила — они в разы сильнее тебя! Настолько сильны, что, как искусные бойцы, могут прикинуться слабыми и безобидными, чтобы ты не боялся их, чтобы потом, когда защищаться будет бесполезно, пронзить тебя в самое сердце.

Иван говорил спокойно, но каждое слово проходило сквозь все тело Гари. Его даже стала пробивать дрожь, а Иван продолжил.

— Когда мы с тобой разговаривали на Аркаиме, ты мне говорил, что все надо попробовать. Так вот мой друг, в погоне за удовольствиями ты можешь разбиться, как неумелый гонщик, — сказал Иван, а потом прищурившись, спросил: — Скажи, а у тебя был опыт секса с мужчинами?

— Зачем тебе? — спросил Гари.

— Ответь, — настаивал Иван.

— Ну, был, а что? Надо все попробовать, — попытался оправдаться Гари.

— Знаешь, из всех гомосексуалистов, которых я видел, только маленькая часть действительно ими являлась, и они получали истинное удовольствие друг от друга. В остальных случаях — это те, кто разрешает себе все, и находятся в постоянной погоне за удовольствиями. Позволяя себе больше, чем нужно, не имея никаких границ, они придумывают все новые и новые извращения, пока не разрушат себя полностью. Ты даже пока представить себе не можешь, до чего способны дойти люди в погоне за удовольствиями. Отмечу, что «пока» не представляешь, потому что, разрешая себе все под красивым оправданием «все надо попробовать, это мой опыт», ты можешь зайти очень далеко, и там разрушиться окончательно. Если найдешь таких же извращенцев, которых сейчас очень много, благодаря демократии и интернету, то посчитаешь, что это нормально, и будешь двигаться дальше в поиске новых и новых извращений.

Закончив тираду, Иван посмотрел на Гари, которому сложно было что-то возразить, поэтому он просто сидел и молча смотрел на огонь.

— Иди спать, тебе предстоит пройти еще очень долгий путь, прежде чем ты начнешь меня учить, — сказал Иван, и Гари покорно пошел в палатку.

Весь следующий день они двигались молча, пока к вечеру не пришли постройке, напоминающей охотничий домик. Гари осознал, что они находятся в такой глуши, что один он никогда отсюда не выберется. Внутри было довольно аскетично, но все прибрано и аккуратно расставлено, а на кухне — множество баночек, наполненных чем-то сыпучим. Над дверью в комнату висел большой треугольник, сделанный из зеленого камня, похожего на изумруд.

— Что это за знак? — спросил уже ничему не удивляющийся Гари.

— Это знак рода Милнов, — ответил Иван.

— А кто такие Милны? — поинтересовался Гари.

— Это мы. Больше ничего не спрашивай, твой мозг не способен сейчас многого осознать. Завтра с утра начнем делать «format C» твоего замусоренного сознания. А сейчас иди спать, завтра рано встаем, — сказал Иван.

Утром он разбудил Гари, они позавтракали, и Иван спокойным и уверенным голосом сказал:

— С этого момента начинается твой путь очистки от дерьма, которого у тебя полно, как в голове, так и в теле. Начнем с головы. Твой рот стал помойкой, поэтому начнем с него. С этого момента тебе двадцать один день запрещено разговаривать с кем-либо. Компания у тебя небольшая, но все же. Твой рот может открываться только для еды и питья. Разговаривать с собой также нельзя. Первое предупреждение — устное. Второе — физический ущерб твоему здоровью. Третье — ты отправляешься куда хочешь, что в тайге означает для тебя смерть.

— Но что значит «не разговаривать»? На хрен все это? — возмутился Гари.

— Первое устное предупреждение ты только что получил, второе будет физическое. Если понял, кивни головой, — жестко отреагировал Иван.

Гари покорно кивнул, а Иван продолжил:

— Общаться будем молча, глазами, и только по быту. Если, когда меня не будет, ты начнешь говорить, я услышу, и это будет сразу третье предупреждение. Если понял, кивни.

Гари кивнул, а про себя подумал, что это не так сложно — молчать двадцать один день, раз уж попал в такую передрагу. Иван пошел в свою комнату и начал молча читать какую-то старую книгу.

Первый день прошел нормально, разве что непривычно для Гари. Он готовил еду, спал, пилил дрова, читал книги, не понимая половины из того, что написано. На второй день ему стало намного хуже. Время тянулось медленно, и его так и подмывало что-нибудь сказать. На третий день он впал в депрессию, мысли в голове путались, и Гари не мог сосредоточиться ни на чем. Он ждал вечера, чтобы поскорее уснуть, ведь во сне все по-другому. Видя состояние Гари, Иван вечером кивком предложил ему идти за ним в лес. Пройдя пару километров, они вышли к большому лесному озеру, в отражении которого солнце садилось за верхушки деревьев. От такой красоты, Гари захотелось закричать, и он почувствовал, что ему стало легче. Умывшись, они пошли домой, где Гари сразу уснул.

Утром Иван ушел на целый день, а потом стал уходить чаще и на больший промежуток времени.

Гари не предполагал, что молчать так сложно, но чем дальше шло время, тем легче было контролировать этот процесс, и мысли стали упорядочиваться. Прошлая жизнь казалась ему прошлой, а будущей еще не было. Он словно в вакууме медленно протискивался вперед. Было ощущение, что в голове меняется структура мозга и он начинает по-другому мыслить. Заглянув как-то в библиотеку Ивана, он провел там целый День, просматривая книги. Его удивило то, что книги были совершенно разных авторов и пока не имели для Гари логической связи. Это были книги Зигмунда Фрейда по психоанализу, исторические романы про Средневековье, труды Хофмана, индийская Камасутра, истории женщин, правивших миром, труды античного философа Антисфена, альбомы художников, история Калигулы, книги рецептов, труды Менделеева и многие другие. Также в большом шкафу лежали современные журналы. Гари не мог найти логической связи между этими книгами и читал все подряд, чтобы хоть чем-то занять себя.

К концу третьей недели он контролировал свое состояние, но, чем ближе подходило окончание срока, тем сложнее было молчать. Утром двадцать первого дня голос Ивана,

словно гром, сотряс тишину дома:

— Я рад, что мне не пришлось тебя убивать.

Гари молчал, боясь нечаянно проронить слово.

— Что молчишь-то? — улыбнулся Иван.

— А что говорить? — хрипло, непривычным для себя голосом ответил Гари.

— Пойдем завтракать, впереди другая дорога, — серьезно сказал Иван.

Позавтракав, они пошли в лес и шли до вечера через тайгу. Добравшись до небольшой поляны, они легли спать в палатке. Утром Иван сказал Гари:

— Только опустившись до инстинктов, ты можешь познать вершины сознания. Вернешься — значит Ми, если нет — не обессудь. — Он развернулся и пошел в лес.

— Что значит «не обессудь»? Стой! — закричал Гари.

Иван обернулся, протянул Гари мешочек с чем-то и сказал:

— Когда станет совсем плохо, съешь немного отсюда.

Затем он снова развернулся и словно растворился в лесу.

Обескураженный Гари стоял с мешочком в руках, совершенно не зная, что ему делать. Он вернулся к палатке и понял, что есть ему совершенно нечего. Гари сел рядом с палаткой и сидел достаточно долго, пока чувство голода не заставило его искать еду. Он пошел в лес в надежде что-нибудь найти, но попытки городского жителя найти еду в тайге были обречены на провал. К вечеру положение ухудшилось, и Гари не нашел ничего умнее, как вернуться к палатке и лечь спать. Воды он смог набрать из ручья, но с едой все обстояло сложнее. Гари кое-как уснул от усталости, но утро было совсем не радостное. С раннего утра его мучали кошмары, и, находясь в полудреме, Гари никак не мог понять, что происходит. Когда он проснулся, в голове сидела одна мысль — еда. Потребности упали до физиологического минимума, и Гари начал пробовать то, что раньше он бы ни за какие деньги не стал есть и никогда бы не поверил, что будет это делать. Под пнями он находил жучков и гусениц, ел кору и какие-то ягоды, но этого было все равно мало.

К следующему дню его физическое состояние ухудшилось, а сознание помутнело. Он даже не замечал комаров, которые тучей гудели вокруг него. Вечером он просто лег в палатке, находясь в легком бреде, потому что не было сил идти даже за водой к ручью. Глубокой ночью, сотрясаясь от дрожи, Гари приходил в себя, и ему становилось обидно, что он так глупо теряет свою жизнь из-за придурка, за которым поперся в тайгу. Себя также он считал придурком. За это время Гари во многом осознал свою жизнь и понял, что он любил жизнь, но никогда ее не уважал.

«Любить мало — надо уважать, а любил я себя в жизни, а не жизнь. За это она меня и наказывает», — стуча зубами от ночного холода, думал Гари. Эту мысль Гари вдруг осознал всем телом и мозгом, до глубины каждой клеточки. Он вдруг понял, что жизнь состоит из плюсов и минусов, как и все в жизни, а уважение — это принимать плюсы и минусы. Любить — это принимать только плюсы, ненавидеть — это акцентироваться на минусах. Он понял, что когда судьба посылала ему плюсы, он любил жизнь, а когда минусы, то ненавидел.

«Уважение — видеть и принимать плюсы и минусы», — думал Гари, понимая, что вскоре это может уже не иметь никакого значения, если он останется в лесу еще на некоторое время.

Вдруг Гари вспомнил, что Иван перед уходом дал ему мешочек, про который из-за обиды на него он напрочь забыл. Это воспоминание так «прошибло» Гари, что он вскочил в

палатке. Поняв, что терять нечего, он трясущимися руками открыл мешочек, в котором был зеленоватый порошок, и горсть засыпал в рот. Слюней совершенно не было, но Гари с большим усилием все же смог проглотить порошок, по вкусу напоминавший отвар, который он пил в Аркаиме с Иваном, только сейчас его вкусовые рецепторы были изменены из-за голода. Присев в палатке, Гари почувствовал слабую дрожь и легкость во всем теле, как от чистого кокаина, который он часто пробовал в Европе. Состояние стабилизировалось, чувство голода ушло на дальний план, а сил и уверенности прибавилось. Посидев еще минуты три, Гари услышал приближающийся откуда-то снаружи непонятный шум. Шум приближался, но, что это, Гари не мог понять. И вдруг, словно волна тайфуна, в палатку ворвались звуки леса, как будто записанные на магнитофон и воспроизведенные с увеличенной в десятки раз громкостью.

До слуха Гари донеслись пение птиц, шум ветра, шелест деревьев и еще тысячи звуков, объединенные в шум леса. Он что есть силы закрыл уши и глаза, чтобы не слышать всего этого, пока через некоторое время не свыкся с новым качеством своего слуха. Гари никогда так отчетливо не слышал звуки, а главное, не отличал их друг от друга. Он, словно музыкант, различал каждую ноту в мелодии и мог заметить малейшую фальшь, но в этом прекрасном наборе звуков Гари не слышал ни одной фальшивой ноты.

От этого чувства у Гари так захватило дух, что закружилась голова и в глазах помутнело. Он начал всматриваться в ночной лес и через какое-то время смог разглядеть, что происходит вокруг. Гари понял, что теперь он видит лучше, чем раньше. Деревья вокруг стали видны отчетливее, как будто в инфракрасных очках, только вместо зеленого цвета, преобладал серый. С такими зрением и слухом Гари пошел в лес, мягко ступая и передвигаясь быстрее, чем обычно. Холода не чувствовалось, хотя в лесу ночью было довольно прохладно, и Гари разделся до пояса, всем телом почувствовав прохладу и совершенно не ощущая дискомфорта. Ему вдруг невыносимо захотелось воды, почти так же сильно, как совсем недавно он хотел есть. Гари слышал и чувствовал, где находится вода, хотя небольшая алтайская река протекала в пяти километрах от места, где он находился. Это расстояние он преодолел минут за двадцать, совершенно не чувствуя усталости и ориентируясь в лесу не хуже ночного зверя. Река была метров тридцать в ширину и довольно глубокая, но, как ни странно, это Гари уже знал.

Оказавшись в воде, он прочувствовал состояние, похожее на то, что он ощутил во время ночного купания в Аркаиме, только более осознанное и в несколько раз сильнее.

Нырнув и открыв глаза, Гари понял, что может видеть под водой не хуже, чем в лесу, только все вокруг приобрело зеленоватый оттенок. Ему даже показалось, что его глаза светятся ярко-изумрудным цветом.

Дышать не получалось, но потребность в дыхании была гораздо меньше, словно кислород попадает в организм через кожу и часто дышать просто нет необходимости.

Пробыв под водой несколько минут без единого глотка воздуха, Гари резко и без усилий практически выпрыгнул из воды на берег. Это были непередаваемые ощущения эйфории. Сердце, которое под водой едва билось, сейчас готово было выпрыгнуть из груди, а руки и ноги охватила мелкая дрожь.

Гари прислушался к своим ощущениям, как он это делал раньше, когда принимал все подряд, и понял, что сейчас он чувствует что-то совсем другое. Чистота всего происходящего, как чистота нетронутой природы, проникала сквозь все его тело, и он становился ее частью. Настолько гармоничного состояния раньше Гари не мог бы себе и

представить.

«Нужно срочно идти к Ивану. Нужно бежать к Ивану, пока есть энергия в теле», — вдруг осознал он и побежал в сторону лесной сторожки, ловко перепрыгивая небольшие препятствия. Гари не понимал, откуда он знает в какую сторону бежать, но он был точно уверен, что состояние этого энергетического заряда скоро кончится. Мягко ступая в быстром беге, он продвигался через тайгу, на десятки метров вперед прокладывая себе маршрут.

Через пару часов марафона Гари почувствовал, что энергия постепенно начинает заканчиваться, а до хижины Ивана было еще более половины пути. Он стал сокращать темп, чтобы беречь силы, понимая, что если остановится, то никогда не дойдет.

Через три часа пути зрение стало не таким острым, и видеть в темноте стало намного сложнее, благо уже наступало утро и в лесу становилось светлее. Обоняние и слух также постепенно ослабевали.

Еще через час пути Гари начал чувствовать свое тело: все его органы и мышцы начинали болеть, особенно желудок. Понимая, что основная часть пути пройдена, Гари совсем обессилел. Теперь он шел со скоростью не более трех-четырёх километров в час, то и дело спотыкаясь и падая. Голова начинала болеть, и каждый шаг, казалось, отдавался в мозгу.

Прислонившись к большому дереву и немного отдохнув, Гари почувствовал некоторое облегчение, но передвигаться все равно было сложно.

Еще через час пути он добрал до ручья и практически упал в него. Пролежав около часа, Гари почувствовал небольшой прилив сил, словно вода забрала усталость, но идти все равно было очень трудно.

Пройдя еще километров пять, Гари уже не понимал, в правильном ли направлении он движется. Голова гудела, желудок сводило от голода, мышцы болели, а тело дрожало от холода.

В полубреду он заставлял себя идти, постоянно повторяя фразу, услышанную где-то в «другой», прошлой жизни.

«Развитие — это движение, движение — это жизнь, я живу, пока развиваюсь...

Движение — это жизнь... движение — это жизнь... я живу... пока двигаюсь... я живу... я живу... я живу...» — с трудом шевеля сухими губами, говорил себе Гари.

Что было дальше, он уже не помнил...

Очнулся Гари уже в лесном доме, к которому шел. Рядом с его постелью стоял Иван и, улыбаясь зелеными глазами, смотрел на него.

— Я дошел? — прохрипел Гари.

— Иначе быть не могло, — с улыбкой ответил Иван.

— Как я сюда попал? — спросил Гари.

— Я тебя принес. Тащил почти километр... надеялся, что ты дойдешь сам, — продолжая улыбаться, сказал Иван.

— Так ты знал, что я иду?

— Ага. Если бы ты меньше плескался вначале и быстрее сообразил, что делать, то сам бы пришел.

— Откуда ты... — у Гари не было сил дальше расспрашивать, да и в свете последних событий он ничему уже не удивлялся.

— Ладно, Игорек, вставай, а то неделю тут валяешься, — быстро сказал Иван.

— Неделю?! — удивился Гари.

— Приходи в себя. Пришло время познакомиться тебя с общиной...

ПРОБУЖДЕНИЕ

Ощущение легкости полета, в котором находился Андрей, было очень приятным и продолжительным. Он мог передвигаться в пространстве в любом направлении, а главное, не чувствовать своего тела. Память об этом была где-то далеко, но понимание тяжести тела все таки присутствовало. Чувство полета продолжалось долго, но все равно Андрей куда-то летел. Когда он в очередной раз находился в этом невесомом состоянии, какая-то сила вдруг резко потянула его вниз.

— *Выводим... выводим его...*

Голоса звучали где-то рядом. Андрея все сильнее тянуло вниз.

— *Еще раствор. Состояние? Пульс?*

Голоса становились все отчетливее.

— *Давление в норме. Приготовьте капельницу.*

Вдруг в одно мгновение Андрей почувствовал всю тяжесть своего тела, в которое он вернулся из состояния полета. Боль была невыносимая, и казалось, что в его организме нет места, которое не болит. Затылок свинцовым шаром тянул вниз, создавая такую адскую боль во всей голове, что хотелось вернуться в прежнее состояние, где тело не чувствовалось вообще. Сознание и память начинали идентифицировать личность, и Андрей мгновенно все вспомнил.

— *Пациент пришел себя. Зрачок реагирует на свет. Пульс в норме. Ритм плохой. У него адские боли в голове от ДАПа. Может вернем?* — послышался женский голос, и через какое-то время Андрей погрузился в небытие.

— Хватить отдыхать, молодой человек, — сквозь темноту услышал Андрей и, преодолевая боль, открыл глаза. Боль была во всем теле и голове, но не такая, как во время первого пробуждения.

Андрей увидел потолок палаты и доктора, склонившегося над ним. Память быстро возвращалась, как вода, наполняющая сосуд, и через несколько минут он «добрался» до ночи в клубе.

Пытаясь что-то сказать, обессиленный Андрей опять погрузился в сон.

На следующий день состояние стало лучше, и он смог перекинуться парой фраз с медсестрой, а главное, вспомнил ночь в клубе, инцидент и девушку Елизавету, перед которой так не хотелось выглядеть трусом.

Молодой организм быстро восстанавливался после медикаментозной комы и операций, так что Андрей через неделю мог даже немного ходить по больничной палате. К нему пока никого не пускали, только передавали посылки от посетителей.

Андрей думал о Лизе, но от нее посылок не было, как и от Ирен, которая эту кашу заварила. Его размышления прервал лечащий врач, уверенным шагом вошедший в палату.

— Ну, как чувствуешь себя, везунчик? — с улыбкой спросил доктор.

— Нормально. Да какой я везунчик, весь разбит... — сказал Андрей.

— А что, нет?! Упал с высоты шестого этажа на асфальт, а травмы — как будто со второго этажа. Если бы затылком не ударился, то самостоятельно смог бы оттуда уйти, — рассказал доктор.

Эта информация заставила Андрея еще больше задуматься. Закрыв глаза, он мысленно вернулся на ту веранду...

— *Слышь, олень, ты че тут стоишь?* — Андрей отчетливо видел этих «быков» и напряженное лицо Лизы, а после — сильнейший удар и толчок в грудь.

Сердце заколотилось от воспоминаний о том, как переваливался через парапет и как мужчина в дорогом костюме пытается успеть схватить его. Андрей вспомнил, как перевернулась земля и как время остановилось. От этих мыслей пульс участился, и вдруг он вспомнил, что за долю секунды перед самой землей ему ужасно не хотелось умирать, как он пытался, словно в вакууме, остановить тело, как бы притормозить его возле земли. Тело на мгновение стало легче, будто он управлял им, а потом...

Андрей вскочил с кровати и быстро зашагал по палате. Он вспомнил все две секунды, но понять, что именно с ним произошло, не мог.

«Я должен был разбиться... Я должен был разбиться...» — не выходило у него из головы.

Мгновение вакуума, которое фактически спасло Андрея, отчетливо сидело в памяти и не давало покоя, потому что он понимал, что это он *управлял телом*, хоть и не до конца.

Парадоксально, но, находясь в больничных покоях, мозг Андрея работал даже больше, чем на работе в самый напряженный период. Ему казалось, что жил он только в последний год, а все остальное — лишь приложение к этой жизни... Все остальное осталось ^в прошлом. Детство, школа, институт, работа... — до той ночной аварии, в которой внедорожник разорвало пополам. Андрей понял, что осознал что-то важное, но что именно, он сказать себе не мог. Просто будто открылись глаза, и пелена спала. Ход его мыслей прервал голос медсестры:

— Соколов, к вам посетитель, — монотонным голосом сказала она.

«Лиза», — эта мысль, как молния, из головы Андрея прошла через все тело, концентрируясь где-то на кончиках пальцев, а сердце учащенно забилося.

Посетитель, зашедший в палату, заставил сердце Андрея биться не менее часто, чем если бы зашла Лиза. Перед его кроватью стоял мужчина со стальным взглядом голубых глаз, который наблюдал за ним в клубе. Рассмотрев его при свете, Андрей отметил, что у него интересное и по-мужски, красивое лицо.

— Привет, Андрей! Как себя чувствуешь? — совершенно нормальным, даже приятным голосом произнес незнакомец.

— Да нормально. А почему вы без белого халата? — спросил Андрей, но в его голубых глазах был другой вопрос.

— Да, безобразие. Заставили снять при входе в больницу, — пошутил незнакомец.

— А-а, понятно.

— Меня Володей зовут, можно на «ты», — сказал незнакомец и протянул левую руку, на которой Андрей успел заметить наколку: «За ВДВ».

«Левша и десантник с интеллигентным лицом, а, судя по костяшкам, еще и умеющий драться — адская смесь», — подумал он и осторожно поинтересовался:

— Хорошо, зачем ты ко мне пришел?

— Да понравился ты мне в клубе, негодник! Ты еще мне глазки строил, вот я и подумал, что ты стеснительный, и решил инициативу взять в свои руки, — серьезно сказал Владимир, видя, как округлились от ужаса и непонимания глаза Андрея. Уж больно не вязалась его внешность с образом гея. — Да ладно, расслабься, я шучу, — улыбнулся посетитель, но Андрей все еще с недоверием смотрел на него. — Скажу начистоту. Моя фамилия Рябов, я полковник Федеральной службы охраны России. Ты, Андрей, представляешь интерес для

нашего ведомства, какой именно — узнаешь позже. Мы за тобой давно наблюдаем, но полной ясности по тебе не было. Сейчас есть. Пока все.

Владимир говорил четко и серьезно, без толики юмора.

— А-э-э, да я это... — начал было Андрей, но Владимир прервал его:

— Скоро тебя выпишут, за тобой заедет машина, и ты поедешь в дом отдыха на недельку, мозги полечишь, отдохнешь после такого повреждения, а потом поговорим. Сейчас отдыхай и выздоравливай. Мозги не напрягай, все равно вводных мало, а гадать смысла нет, сам знаешь!

Владимир вышел, оставляя Андрея в полной растерянности.

«ФСО... полковник... ночной клуб... интерес... Лиза... травма... вакуум в падении... больница... работа...» — мысли путались, но никак не выстраивались понятную в схему.

«Ирен... о ней я совсем забыл», — вдруг вспомнил Андрей, и от этого ему стало не по себе. Он испытывал отвращение к ней как к личности, и дело было не в инциденте в клубе, а в чем-то другом, в ее сущности. Ему даже стало ее жаль, потому что она была понятна в своих поступках и желаниях. Он старался думать не ° ней, а о Лизе.

«Что меня привлекает в ней? Я видел ее всего один раз, а кажется, что знаю ее всю жизнь. Сексуальное влечение? Да вроде нет. Глаза, какие у нее глаза! В них глубина океана и его сила одновременно!» — размышлял, спрашивал и тут же сам себе отвечал Андрей.

«Так, хватит драматизировать, как подросток», — сказал он себе, понимая, что это не обычная влюбленность или физическое влечение. Он влюблялся много раз, притягивая эмоции и идеализируя не существующее. Он часто испытывал физическое влечение, когда какая-нибудь женщина манила, как магнит, своей сексуальностью. Но это было единственное, что объединяло, и, когда «химия» проходила, они расставались так же быстро, как и сходились. После встречи с Лизой у Андрея появились эмоции и чувства, которые он никогда не испытывал и не мог сейчас найти им объяснения.

Также Андрею добавил мыслей визит полковника ФСО, который, оказывается, со своей конторой следил за ним.

Андрей за последний год в бизнесе научился на любую задачу или проблему смотреть через призму решения. Один из его руководителей как-то сказал ему, что если мыслить решениями, то задачи решаются быстрее, а *«то, как мы видим проблему, — и есть проблема»*. Можно топтаться на месте, обмусоливая одно и то же, а можно решить и пойти дальше. С подчиненными Андрей выбрал такой же подход, то есть когда к нему приходили с проблемой, он отправлял их за решениями, и через некоторое время сотрудники приходили к нему с уже готовыми предложениями или решали проблему сами. Этот принцип Андрею очень помогал в жизни, вот и сейчас он решил не обмусоливать и драматизировать ситуацию в клубе и с полковником, а думать, как ему поступать дальше.

После выписки Андрея действительно ждал автомобиль, но не с мигалками, как он представлял себе, а обычный «форд» с обычными номерами. Водитель молчал или отвечал односложно, несмотря на то, что Андрей пытался его разговорить. Он сказал только, что на работе Андрея все улажено и, если у него будет желание, он всегда сможет туда вернуться. В свете последних событий о работе Андрей думал меньше всего. Через час езды автомобиль свернул с Калужского шоссе на малозаметную дорожку, проходящую через лес. Проехав два КПП, машина въехала на территорию уютного и красивого дома отдыха, где было два корпуса и несколько небольших коттеджей в лесу. Проезжая мимо, Андрей успел заметить пару теннисных кортов, бассейн, спортивные площадки, футбольное поле и большой

открытый тир в отдалении.

«Неплохо в конторе живут», — промелькнула у него в голове мысль, а водитель, как будто прочитав ее, сказал:

— Это центр восстановления сотрудников нашей конторы. Пенсионеров у нас не бывает, как и бывших сотрудников. Здесь все в отличной форме, несмотря на возраст некоторых.

— Что значит «бывших не бывает»? Нельзя уволиться? — мысля шаблонами, спросил Андрей.

— Другая категория людей, потом поймешь, — загадочно сказал водитель.

Андрея поселили в небольшой коттедж, и больше никто с ним не разговаривал. Сидя в комнате, он начал подозревать, что его проверяют, и вокруг камеры и «жучки». Обшарив все в доме и ничего не найдя, он решил расслабиться и отдохнуть, а отсутствие мобильной связи и Интернета окончательно убедило его в правильности такого решения. Андрея привлекали неплохая библиотека в доме и спортивные сооружения на территории.

Всю неделю он восстанавливался, отдыхая и практически ни с кем не разговаривая, но в конце недели ничего не произошло. Поняв, что нет смысла торопить события, Андрей продолжал жить в коттедже, пользуясь всей инфраструктурой.

Через две недели, когда он уже начал немного волноваться, в его коттедж зашел водитель и сказал, что они выезжают через пятнадцать минут. Привыкший ничего не спрашивать, Андрей молча начал собираться. Они поехали на этой же машине и через час прибыли в Москву, в одно из высоченных зданий бизнес-центра Москва-Сити. Поднявшись на скоростном лифте практически на самый верх, они вошли в холл, где при входе их встретила миловидная девушка и жестом предложила пройти прямо. Андрей успел прочитать название компании — Ivory Group Consulting. Оказавшись в большом офисе в стиле *open space*, Андрей понял, что эта компания занимает весь этаж, а может и несколько этажей. Сотрудники работали за компьютерами, в переговорных комнатах шли собрания, встречи и презентации. Эта совершенно современная офисная атмосфера никак не увязывалась в голове Андрея с домом отдыха и ФСО.

Пройдя через весь офис, они подошли к дверям, которые, в отличие от других, были не стеклянными. Преодолев большой коридор, они оказались в просторной приемной с окнами от пола, откуда открывался великолепный вид на Москву. Водитель жестом приказал ждать, а сам беззвучно удалился. Через пару минут из двери вышел Владимир и, так же улыбаясь, протянул руку.

— Привет, Андрей, как твое самочувствие? — бодрым голосом спросил он, крепко пожимая руку молодого человека.

— Отлично, спасибо. Отдохнул хорошо в вашей санатории. Вопросов только многовато, — немного с иронией, ответил Андрей.

— Всему свое время, — серьезно проговорил Владимир и добавил: — Если сразу все узнаешь, не сможешь вынести.

— В смысле? — не понял Андрей, но Владимир только улыбнулся.

— С тобой кое-кто хочет познакомиться, — сказал он и жестом показал на самую красивую дверь.

«Неужели Лиза», — подумал Андрей, но тут же откинул эту мысль, как невозможную.

Они прошли в огромный кабинет, обставленный современной мебелью в стиле хай-тек, с окнами во всю стену, где с одной стороны был выход на большую террасу.

Возле стола стоял высокий мужчина с волевым лицом и военной выправкой, которому на вид было не больше пятидесяти лет. Взглянув в его выцветшие голубые глаза, Андрей увидел в них такую глубину и силу, что ему стало не по себе.

— Проходи, Андрей, не засоряй пока мозг анализом. Посмотри, как красиво, — сказал хозяин кабинета и вышел на крышу небоскреба. Андрей с Владимиром проследовали за ним.

Их взору открылся потрясающий вид на небоскребы Москва-Сити, Москву-реку и весь город.

Тонкой спицей протыкала облака останкинская телебашня, а вдали линия горизонта соединяла город с небом. Андрей практически увидел самого себя со стороны, маленькой черной точкой на небоскребе, словно с вертолета, который летал вокруг Москва-Сити. Солнце светило в ясном небе, даря энергию миллионам людей, которые спешили по своим делам в огромном мегаполисе, а сверху на них смотрели другие люди.

Они стояли и любовались панорамой Москвы, пока хозяин кабинета не прервал безмятежное молчание.

— Бесплезное копошение большинства этой спешащей массы... — задумчиво произнес он.

Андрей не нашелся, что ответить, а только смотрел на город и наслаждался высотой. Неожиданно мужчина резко обернулся к нему и сказал:

— Меня зовут Николай Николаевич. Я один из хранителей рода Ивори, который является самым великим на протяжении многих тысячелетий. Для меня большая честь, что именно я смогу сказать тебе об этом и передать тебе некоторые знания.

«*Это какой-то бред. Что за секта?*» — подумал Андрей, у которого смешалось все в голове из-за этого антуража и несовместимых друг с другом вещей.

Абсурдность всему происходящему придавало то, что именно говорил Николай Николаевич, с каким лицом он это делал, и в каком месте. Если бы то же самое кто-нибудь сказал Андрею на улице, то он посчитал бы его сумасшедшим и не стал бы никак реагировать, но в данной ситуации этот человек не был похож на сумасшедшего, а энергия его голоса и глаз заставляла верить в то, что он говорит.

Николай Николаевич продолжал:

— На земле живут три рода: Ивори, Ханоты и Милны. Мы — род Ивори, самый разумный из всех на земле. Самые великие открытия и технологии для развития цивилизации в мире были сделаны нашими Ивидами. Мы создали письменность, грамоту, технологии государственности, физику и математику, Интернет — все от квантовой теории до генетики и метафизики. Нас отличают синие или серые глаза, но это не значит, что любой человек с такими глазами обязательно Ивори.

Ханоты — это наши враги. Они принесли силу в этот мир, и он перестал быть миром. Все их открытия так или иначе связаны с войнами или применением силы. Они сделали много открытий в области создания оружия и ведения войн. Например, порох и единоборства — эти изобретения от их Ханов. У них своя философия жизни, и нам ее никогда не понять. Победы они достигают любой ценой, невзирая на правила и законы. У них один закон — закон сильнейшего. С развитием цивилизации Ханоты были под нами, но в XX веке многое изменилось. Все перемешалось, и уже сложно понять, кто чьи отстаивает интересы. Но там, где они, — всегда войны, потому что это их жизнь, их программа. Именно поэтому считается, что семь самых опасных стран в мире — это территория Ханотов: Афганистан, Сомали, Конго, Ирак, Йемен, Южный Судан и Колумбия. Ханоты сейчас везде

и они очень сильны. Они в Африке, Азии и Америке. Если раньше Америка была страной Ивори, то после XX века — все наоборот. Там мало Ивори, а во власти в основном Ханоты которые ведут политику войн и разрушений, — проговорил Николай Николаевич так, что Андрей понимал, что они ему действительно неприятны.

Милны — это самый малочисленный род, не превышающий двух процентов всех посвященных. Хитрый род, но особо не опасен. Они принесли на землю много открытий в области психологии, лжи и обмана. Вся их жизнь — это жизнь в удовольствии. Для этого они много чего придумали — секс, наркотики, алкоголь, шоу, праздники...

В роду Ивори, не чаще, чем раз в десять лет, рождается Ивид, который приносит что-то в этот мир. Ты — Ивид, и твоя миссия — принести нечто большее, чем самые яркие Ивиды нашего рода.

— Почему я? Кто такие Ивори? Что я должен принести? — пробормотал Андрей, и у него от всего происходящего начала кружиться голова.

— Информация, особенно важная или запретная, имеет очень большую энергетическую силу, которая может разрушить тебя. Это, как деньги, которые имеют энергетическую силу, и если они попадают к слабому человеку, то могут просто уничтожить его. Есть такая информация, которая в разы сильнее денег и которую неподготовленный человек, может просто не вынести. Хочешь быть миллионером, научись владеть небольшим количеством денег! — закончил Николай Николаевич и повернулся лицом в сторону города.

Они стояли так несколько минут, пока Андрей не нарушил молчание.

— И... что теперь? Спасать мир? — устало, с ноткой иронии, спросил он.

— Весь мир не надо, только род Ивори. Да и не ты будешь это делать, — серьезно ответил Николай Николаевич, а потом, повернувшись, начал быстро и четко говорить: — С этого дня ты прилежно работаешь на Российское государство в этом аналитическом центре Федеральной службы охраны. Действующих сотрудников ФСО здесь не более пяти процентов персонала, то есть это все топ-руководители и ключевые начальники отделов, а остальные думают, что работают в крупнейшей международной консалтинговой компании. Твоим непосредственным руководителем и наставником будет Владимир, который даст тебе знания Ивори, как только ты сможешь их осознать. Ивори здесь несколько человек, ты вскоре их узнаешь. Жить будешь в жилом комплексе Москва-Сити, в апартаментах на самом верху. Любые поездки вне Москвы ты согласовываешь со мной лично, а в Москве тебя постоянно будут незаметно сопровождать наши сотрудники...

— Что, с этого дня моя жизнь мне не принадлежит? — с сарказмом, спросил Андрей.

— Твоя жизнь не принадлежит тебе с самого рождения, — серьезно ответил Николай Николаевич, а Владимир добавил:

— Если ты волнуешься по поводу охраны, так мы давно тебя охраняем и наблюдаем за тобой уже больше года, как только ты открылся для Ивори.

— В смысле открылся? — спросил Андрей.

— Все узнаешь в свое время, — сказал Николай Николаевич.

— Значит охраняли? Что-то хреново в клубе охраняли, — с искривленной улыбкой констатировал Андрей.

Владимир на секунду замялся, а Николай Николаевич быстро произнес:

— Эта наша ошибка, которая еще раз доказала, что ты тот, о ком мы думали.

— Эти быки, наверное, из темной стороны силы? — пошутил Андрей.

— Да нет, обычные куски мяса, которых большинство, к сожалению, да, к тому же,

позорящие свое, хоть и отдаленное, родство. Их, кстати, в живых уже нет. Разбились случайно на машине, — спокойно сказал Владимир.

— Еще вопрос. Кто такая Лиза? Тоже ваша? — неожиданно спросил Андрей.

— Какая Лиза? — не понял Владимир.

— Лиза, девушка из клуба... — уточнил Андрей.

— Лиза? Да просто девушка из клуба, — спокойно ответил Владимир.

БОИ С СОБОЙ

«Он ненормальный, он псих... — эта мысль только и крутилась в голове Эльхана, в которую он в очередной раз пропустил серию мощных ударов. — Разве можно быть таким жестоким?»

Гонг, и снова на Эльхана обрушилась серия мощных ударов, под градом которых он ничего не мог сделать.

Эльхан с детства помнил главный принцип драки: выигрывает тот, кто сильнее морально и кто увереннее в себе. Так он в седьмом классе смог победить десятиклассника, который, по его мнению, был неправ и слабее, и Эльхан первым налетел на него, не дав тому опомниться. На данный момент оппонент был настолько сильнее Эльхана по всем параметрам, что он был уверен, что никогда не сможет победить эту «машину для убийства».

Во время схватки Эльхан только и думал, как можно скорее закончить бой, зная, что он проиграл. Время, как назло, будто остановилось, а спасительного гонга все не было.

Уйдя в глухую оборону, Эльхан пропустил сильнейший боковой удар ногой в область печени и понял, что через пару секунд он уже не сможет стоять на ногах. Спустя мгновение, словно молния, из правого бока прямо в мозг, разрывая его в клочья, пришла адская боль. Последнее, что он помнил, это разрезающий воздух боковой удар, после которого наступила темнота.

— Вставай, тряпка, — раздраженный голос был очень знакомым. — Хватит валяться, как потаскуха. Вставай!

Эльхан привстал и огляделся. Он находился в комнате, в которую его поселили, а перед кроватью стоял Темир.

«Значит, я был в глубоком нокауте, если меня сюда уже принесли», — подумал Эльхан, пытаясь пошевелиться, отчего его перекосило от боли.

— Тебя избивали, как ребенка, а ты только и думал, как бы побыстрее закончился бой, — гневно говорил Темир.

— Да я ничего не мог сделать, он сильнее меня, — попытался оправдаться Эльхан.

— Ты проиграл тогда, когда подумал, что не сможешь его победить! — закричал Темир. — Ты не воин, а барышня!

Эльхан, преодолевая боль, вскочил с кровати и сверкнул своими полными ненависти и злобы черными глазами.

— Я воин! — выкрикнул молодой человек, готовый, забыв об уважении, броситься на Темира. Сейчас он видел перед собой врага.

— Воин сражается, как будто он уже погиб и находится в Раю, поэтому он ничего не боится потерять, даже свою жизнь. А ты много думаешь и боишься! — презрительно произнес Темир.

— Я ничего не боюсь, — с вызовом, почти рыча, ответил Эльхан.

— Вот завтра и докажешь на арене, тем более Абу придет посмотреть на тебя, — сказал Темир и вышел из комнаты.

Эльхан без сил упал на кровать и закрыл глаза, пытаясь успокоиться после неприятного разговора.

На следующий день он проснулся рано и долго неподвижно сидел, чтобы отвлечься от мыслей, которые мешали сосредоточиться. Ему принесли легкий завтрак, а потом пришел

Темир.

— Готов? — уже другим тоном спросил он.

— К чему? — зло произнес Эльхан, все еще обиженный на Темира.

— Обида — один из главных врагов воина, который съедает его энергию, делая его слабым, как ребенок. Ты можешь быть злым, хотя это тоже эмоции, которые разрушают.

Эльхан хотел что-то сказать, но Темир его перебил.

— Не ищи оправданий... Лучше направь свой мозг на созидание, а не на защиту, в противном случае это будет бесполезный разговор, — спокойно сказал Темир, но энергии в словах было столько, что Эльхан передумал что-либо говорить, а Темир продолжил: — Посмотри, как охотится или дерется лев. Никаких эмоций, только холодный расчет каждого движения. Ничего лишнего — поэтому он царь! Ты сможешь сегодня увидеть, кто такой царь. Через час у тебя бой, — закончил Темир, оставив Эльхана размышлять одного.

Через час он зашел к Эльхану с еще двумя незнакомыми людьми европейской наружности и попросили его пройти с ними. К удивлению Эльхана, они пошли не в сторону ринга, а на главную каменную арену, которую он видел в первый день приезда. Свободных мест практически не было, зрителей собралось больше трехсот человек, а по кругу арены стояли большие решетки, вроде бойцового «восьмиугольника».

«Что за бой должен состояться, и кто это великий боец, на которого намекал Темир?» — недоумевал Эльхан, стараясь отогнать плохие мысли.

Толпа радостно приветствовала Эльхана, но он почувствовал, что все было не так, как всегда. Он вышел на пустую арену и увидел лишь проход, который был тоже закрыт решеткой. Перчаток ему не надели и капу не дали, из чего можно было сделать вывод, что бой будет без правил.

Эльхан вышел на середину ринга и услышал, как с грохотом закрылась решетка за его спиной. Затем до него донесся выкрик Темира:

— Заяц, загнанный в угол, становится волком. Аты не заяц... Понял?

Эльхан уже не слышал, что говорил его тренер, так как гул зрителей нарастал, а когда он через решетку увидел, кто приближается к нему, его ноги сделались ватными, и сердце бешено заколотилось. Эльхану никогда не было так страшно, и внутри живота у него что-то неприятно сжалось.

За клеткой находился настоящий молодой лев, который просовывал лапы через решетку и рычал, обнажая свои клыки.

Эльхан ожидал увидеть кого угодно, только не настоящего царя зверей. Решетку не открывали, и эта пауза еще больше усугубляла состояние Эльхана, так как он начал осознавать весь ужас происходящего, а тело почти совсем перестало слушаться. Публика редела, и он даже услышал какой-то ритмичный напев толпы на непонятном языке.

«Бейся, как воин, тебе нечего терять. Ты уже в Раю», — как ни странно, эта фраза Темира, которую произнес про себя Эльхан, немного успокоила его. Он стал ее повторять про себя — только сухие губы шевелились, будто он произносил молитву.

Решетка стала со скрежетом подниматься, из-за чего зрители вскочили со своих мест, и их рев сделался просто оглушительным.

Эльхан подумал, что меньше всего ему хочется умирать именно так — в другой стране, непонятно зачем.

Чувство обиды переросло в злость на самого себя: почему он должен так бездарно закончить свою жизнь! Злость за секунды переросла в решимость «умереть, так с музыкой»,

и он что есть мочи закричал...

Клетка открылась, и лев в прыжке с ревом ринулся на Эльхана, который успел отскочить вправо, не поворачиваясь спиной к льву. В следующее мгновение бешеной силы удар лапой сбил Эльхана с ног и отбросил к решеткам.

Лев резко развернулся и бросился на Эльхана, который неподвижно лежал на боку у самой решетки.

Лапой отбросив скрюченного человека, зверь вдруг успокоился и стал медленно ходить по кругу. Зал буквально взорвался от воплей зрителей, и было непонятно, кого они поддерживают — Эльхана или льва. Молодой человек лежал на арене и, словно в тумане, где-то далеко, слышал, как беснуется толпа, жаждущая крови. Сознание постепенно стало возвращаться к Эльхану, но от этого он начал ясно осознавать и весь ужас происходящего. Он попытался встать, но сил не было, а из раны в боку хлестала кровь. Держась за бок, Эльхан привстал и встретился взглядом со львом, который рыча, начал двигаться в его сторону.

В светло-желтых глазах зверя Эльхан не видел ничего, кроме цвета. Как будто два шарика наполнили желтой краской и вставили в этого льва, который, ничего не чувствуя, просто шел убивать свою добычу.

Чем больше Эльхан смотрел в глаза льва, тем медленнее текло время, а в какой-то момент он даже подумал, что время совсем остановилось... Но лев все шел и шел на него.

Для зрителей это длилось не более пяти секунд, а для Эльхана все было совсем по-другому. Перестав слышать окружающее, он вдруг оказался в полной тишине, только биение сердца отдавалось в ушах гулками ударами. Тум... тум... тум... более глухой стук отдавался в груди Эльхана. Через мгновение он понял, что это стук сердца льва, и, словно вспышка молнии, его поразила мысль, что этот лев тоже живой и точно так же может умереть.

Время практически остановилось, а в груди, казалось, начинал раскручиваться ураган, и Эльхан почувствовал, что к нему вновь вернулось состояние, которое было с ним на ринге во время боя в Москве.

Он ощутил мощнейший выброс адреналина. От этой энергии его мозг чуть не разорвало, и он закричал с такой силой, будто у нем взорвалась граната и с кусочками его тела разлетелась по арене.

Вновь стал слышен гул зрителей, а время начало отсчет мгновений до решающего прыжка льва.

Прыжок... Лев мгновенно развернулся в том направлении, куда, сам не ожидая от себя такой прыти, успел отпрыгнуть Эльхан.

С ревом лев ринулся в очередную атаку, но Эльхан и от этого нападения ушел, не поворачиваясь к нему спиной.

После очередного натиска льва, лапы которого пару раз все же оставили раны на коже Эльхана, он споткнулся и упал на спину. Лев с ревом придавил его всей своей массой к полу и обнажил огромные желтые клыки.

Эльхан еще раз встретился с ним взглядом и увидел что-то, а что именно, он сможет объяснить себе намного позже, но не сейчас. Взорвавшись от энергии и силы, издав нечеловеческий крик, Эльхан что есть мочи схватил льва за гриву и крепко прижался к нему.

Время опять остановилось, и только скрежет зубов и биение сердца хищника слышал Эльхан, ощущая, как раскручивается у него в груди торнадо.

С рычанием и сверхъестественным усилием потянув за одну сторону гривы, Эльхан

резко вынырнул из-под страшного зверя и оказался на нем. Затем он резким движением сцепил руки мертвой хваткой на шее льва и стал душить его.

Четверть тонны мышц с ревом пытались сбросить противника, но Эльхан сжимал руки все сильнее. Предприняв несколько отчаянных попыток сбросить обидчика, лев захрипел и упал на бок, придавив Эльхана, руки которого, словно тиски, продолжали сжиматься. Через несколько секунд лев начал дергаться и вскоре затих. А Эльхан по-прежнему не ослаблял хватку, ощущая всем телом, как в судорогах постепенно расслабляются мышцы могучего животного. Отпустив, наконец, руки, он откинулся на пол и вдруг стал слышать безумный гул бесноватой толпы. Закрыв глаза и расслабившись, Эльхан потерял сознание.

— Я больше сердце слушаю, а не разум, и сердце мне подсказывает, что это Хан, что это великий Хан, — эмоционально, даже с благоговением говорил Темир Абу.

— Ты во всех видишь великих Ханов, а твои ошибки — это обед для наших львов. Сколько уже скормили зря? — возражал Абу.

— На этот раз Лев стал добычей, а Эльхан жив, — гордо сказал Темир.

— Ну, это и случайностью может быть, да и Эльхан еле живой. Не похож он на великого, что-то в нем не то, — неуверенно произнес Абу.

— Ты хочешь видеть великого Хана таким, каким его представляешь, и никак не готов свой образ сопоставить с этим мальчишкой, — не успокаивался Темир.

— Ладно... посмотрим. Пусть все бои с великими воинами пройдет, — резко и раздраженно закончил диалог Абу.

В это время Эльхан лежал в большой комнате, напоминающей лазарет, а вокруг стояли люди в белых халатах и о чем-то переговаривались по-арабски. Эльхан не понимал, что они говорят, но предполагал, что обсуждают его и его состояние.

Через несколько дней ему стало намного лучше, раны быстро заживали, но его так никто и не навещал, кроме докторов. Наконец пришел Темир и, улыбаясь, спросил:

— Как себя чувствуешь, чемпион?

Эльхан ничего не ответил, а только долго смотрел в черные глаза Темира — хотелось сказать ему много неприятных слов, особенно за неожиданную схватку со львом, но он решил промолчать.

— Ладно, нечего тут глазами сверкать, скоро ты мне спасибо скажешь и, может, помилуешь меня за мои ошибки, — спокойно сказал Темир. — А сейчас восстанавливайся — через три дня у тебя снова бой.

— Кто на этот раз? Тигры? Или может слоны? — съязвил Эльхан.

— Нет, — коротко ответил Темир и вышел.

Мысль о предстоящих боях почему-то совсем не смутила Эльхана, даже наоборот, он почувствовал прилив сил во всем теле и приятный вкус во рту. Во время боя со львом в его груди раскручивался ураган энергии, который, как мотор на полных оборотах, заряжал силой все тело. Очнувшись в больнице, Эльхан также ощущал энергию в груди, как будто мотор все еще работал, а после разговора с Темиром о предстоящих боях в нем что-то всколыхнулось, разливая энергию по всему телу.

За день перед боем Эльхан уже не мог дождаться, когда же наступит завтра. Он переехал в свою комнату и целый день тренировался, набирая все больше и больше сил. Утром следующего дня Эльхан вскочил от желания драться, скорее разорвать предполагаемого противника на куски.

Выйдя на арену, он удивился, что в зале почти не было зрителей — только Абу, Темир и

еще несколько человек, которых он никогда не видел.

— А где зрители? — смело спросил Эльхан, обращаясь к Абу.

— Кто нужен, все здесь! — громко ответил тот, и его слова эхом отдались в пустом зале.

— Кто мой противник? — сгорая от нетерпения, задал вопрос Эльхан.

Никто ему не ответил, так как тишину прервал звук открывающейся решетки, за которой молодой человек уже готов был увидеть кого угодно и что угодно.

На арену вышел крупный негр с хорошо сложенным телом и маленькой коротко стриженной головой. Взглянув на его стойку, Эльхан решил, что это боксер, но страха не было, несмотря на габариты противника.

После удара гонга вихрь в груди Эльхана понес его на противника, и он принялся наносить ему удары страшной силы. Несмотря на габариты и мастерство негра, ему не составляло труда предугадывать действия и опережать противника, словно тот был в два раза медленнее его, а он знал все его мысли о следующем ударе.

Со стороны это был бой на больших скоростях, только удары негра не достигали цели, а удары Эльхана — да.

Поверив в свое превосходство, Эльхан на секунду расслабился и подумал, что у него никогда не было такого сильного противника, и что в Москве он бы лежал на полу уже на первых секундах боя. Именно в этот момент он и пропустил тяжелый удар справа.

На секунду потеряв ориентацию в пространстве, Эльхан быстро пришел в себя, и злость, заведенная ураганом внутри, начала осыпать негра градом ударов. Он рычал, но его рассудок был спокоен, и через несколько секунд сокрушительным ударом он свалил гиганта на пол, с которого тот уже не смог подняться. Мира вокруг не существовало — только он и поверженный противник на каменном полу арены... и только крик Абу прервал это состояние:

— Убей его! Убей...

Эльхан несколько секунд стоял неподвижно, а потом подошел к поверженному сопернику и быстрым, отточенным движением, словно делал это много раз, сломал ему шею.

— Почему так долго думал? Сомневался? — медленно хлопая и спускаясь по ступенькам, спросил Абу.

— Нет, не сомневался. Выбирал, как именно убить его, — спокойно ответил Эльхан, удивляясь и немного радуясь своему хладнокровию.

— Хорошо, Эльхан, завтра следующий бой, — сказал Абу и удалился.

Темир подбежал к Эльхану и что-то начал говорить ему, но тот его не слышал, он вдруг осознал, что убил человека. Противоречивые чувства овладевали им: спокойствие и уверенность в правильности выбора сменялись сомнением по поводу того, имел ли он право отбирать чужую жизнь. Похожее чувство он испытал год назад в Москве, когда после ночной гонки погиб водитель. Прочитав в Интернете об этой аварии, Эльхан тогда тоже был в смешанных чувствах, но, привыкший долго не задумываться, он тогда быстро нашел себе оправдание. Сейчас же все было иначе, потому что он убил собственными руками, но каких-то угрызений совести по этому поводу не испытывал, а только осознавал, что это иногда может быть необходимо для решения определенных задач. Вечером Эльхан, как обычно, планировал уснуть мгновенно, но что-то ему не давало это сделать. Он не чувствовал сожаления по поводу убийства негра, но все равно что-то не давало покоя.

— Ты можешь остаться хорошим?

— Я не хочу им быть.

— Ты заблуждаешься, думая, что хороший — это слабый человек. Что в твоём понимании хороший?

— Ну... это тот, кто делает хорошие дела...

— Зачем он это делает?

— Чтобы доказать всем, что он хороший. Или себе доказать.

— Это тогда не хороший человек. Это совсем другое.

— Вернемся. Ты способен делать хорошо другим людям?

— Да, но не хочу.

— Не могу или не хочу?

— Не хочу.

— Ты боишься быть слабым и заблуждаешься в том, что помогать другим — это слабость. Только сильный человек может делать хорошо не только себе, но и своим близким, просто людям, а может и целой стране. Все зависит от количества силы у него. Это очень тонкая грань, и ты должен пройти путь чтобы выбрать...

— Я не понимаю тебя.

— Надо пройти путь... а потом выбирать с кем ты...

Все следующие дни Эльхан выходил на поединки с разными по силе, мастерству и комплекций бойцами. Во время этих боев он научился контролировать свое состояние, оставаясь хладнокровным и практически читая мысли своих противников. Во время этих боев арена оказывалась битком забита зрителями, из-за чего Эльхан понял, что, когда Абу просил убить поверженного противника, это была проверка, для которой зрители совсем не требовались.

Сейчас же оголтелая толпа гудела еще громче и каждый раз приветствовала его все сильнее.

Эльхан начал всматриваться в их лица, и увидел, что это были европейцы, арабы, азиаты и даже негры. Единственное, что объединяло всех, — это черные или карие глаза, которые блестели от происходящего на ринге.

Бои проходили один за другим, а у Эльхана оставались в памяти только его завершающие удары и победные выкрики. В своем последнем, двенадцатом, бою он дрался, как лев, и практически размолотил противника, но, вопреки ожиданиям, основанным на компьютерных играх, тот бой закончился так же, как и предыдущие. Он думал, что встретится в ринге с супермастером, но этот противник ничем не отличался от других.

Эльхан, привыкший уже не задавать вопросов, просто пошел в свое жилище и решил ждать, пока к нему не обратятся сами.

В течение недели никто к нему не подходил, и Эльхан просто гулял по территории в ожидании чего-то интересного в будущем. Несколько раз он позволил себе расслабиться с девушками, доступ к которым ему предлагал Абу. Эльхан решил сразу, что воспользуется этими благами только после боев. Через семь дней к нему рано утром зашли Темир и Абу.

— Эльхан, у тебя через пять минут бой, — сказал Абу.

— Так вроде все, сказали же, что будет двенадцать боев... — неуверенно произнес Эльхан.

— Врагу тоже будешь говорить, что договаривался воевать до обеда? — ехидно спросил Темир.

Молодой человек быстро оделся и пошел в сторону арены, вокруг которой уже собралось много народу.

Во время этого боя Эльхан почувствовал, как силы оставляют его. Он никак не мог понять, что происходит, но его удары не были столь же сокрушительными, как в предыдущих случаях. Пропустив в очередной раз сильнейший хук, Эльхан едва нашел в себе силы подняться, но следующий удар погрузил его в глубокий нокаут.

Очнувшись, он понял, что проиграл бой, и от этого чувство злости и обиды всецело захлестнуло его. Темир молча помог ему подняться и, кивнув, показал в сторону выхода. Они молча вышли на улицу и молча пошли от лагеря и людей в пустыню.

— Я проиграл, — прервал молчание Эльхан.

— Почему? — спросил Темир.

— Я не виноват, просто отвлекся на звуки снаружи, думал, что авиация противника летит, — начал было оправдываться молодой человек.

— А кто виноват, может, я? Или твои мышцы? — Удивленно спросил Темир. Дальше они шли молча, пока Темир не прервал молчание: — Ты сейчас совершил сразу три ошибки воина. Первая — ты врешь. Ложь разрушает человека, а воина тем более. Твоя сила только в правде. Привыкнешь врать — станешь это делать по всяким пустякам.

Вторая — ты оправдываешься и не умеешь проигрывать. Дойдешь до того, что все вокруг будут виноваты. Сила воина опять в правде: уметь признать поражение. Третья — ты перестал уважать врага, считая его слабее себя, поэтому и пропустил удар. Один удар может изменить ход боя, даже если ты сильнее. А еще ты заиклился на двенадцати боях и дал себе установку успокоиться, поэтому сил у тебя и не было. Враг не учитывает твоих планов, он действует по своим, которые ему удобнее и о которых ты можешь не подозревать. — Темир говорил так, что Эльхану нечего было сказать, и он продолжал: — Во время боев энергия давала тебе энергию, а когда ты расслабился, то лень породила другую лень. Ты, как пенсионер, работавший всю жизнь, как проклятый, и вдруг получивший свободу. Так от этого люди умирают, а ты только проиграл.

Эльхану не понравилось сравнение с пенсионером, но он понимал, что Темир прав, а тот продолжал:

— Ты даже не смог использовать свою родовую энергию, так как был слаб. У нас с тобой будет длинный и серьезный разговор, Эльхан. Для этого нам надо пожить некоторое время на реке Евфрат, которая даст тебе силы, а я смогу многое тебе рассказать. Для меня большая честь, что именно мне Абу поручил сделать это.

Они подошли к автомобилю, который стоял в пустынном месте, словно ждал их там, и через несколько часов они уже были возле древнейшей реки Евфрат.

Красота безлюдной местности сливалась с огромной энергией реки. Эльхан и Темир расположились на возвышенности. С одной стороны от пустыни ее закрывала небольшая гора, а с другой открывался потрясающий вид на воду. Стемнело. Они сидели возле костра, который умело организовал Темир. Подбрасывая в огонь дрова, он неожиданно начал говорить:

— Мы — самый сильный и многочисленный род, который завоевал эту землю много тысяч лет назад. Она принадлежит нам, великим воинам, великим Ханотам. Слабые подчиняются сильным, и выживают сильнейшие — это закон мира, поэтому этот мир принадлежит нам.

— Кому «нам»? — спросил Эльхан.

— Истинным Ханотам, которых все больше и больше, и скоро мы вернем власть в свои руки. — Когда Темир говорил это, его черные глаза блестели безумным блеском, но он не выглядел сумасшедшим. — Внешне наше основное отличие — это черные или карие глаза, но это совсем не означает, что это главный признак Ханота, так как Ханот не в цвете, а в глубине глаз и сердца. Многие наши соотечественники так и не станут истинными Ханотами, но они — наша армия и сила.

— А как выглядят истинные Ханоты? — поинтересовался Эльхан.

— Внешне их невозможно отличить, можно только почувствовать внутреннюю энергию силы. Наш род имеет звериную сущность, поэтому раньше мы заселяли практически всю землю, а истинные Ханоты управляли этой звериной массой. Мы уничтожили почти всех Милнов, загнав их в леса и болота европейской части земли.

Но потом прилетели Ивори, тогда превосходившие нас в развитии, и попытались разорвать связь Ханотов с силой рода. Им это удалось, но справедливости ради надо заметить, что мы и сами в этом виноваты. Однако самое страшное состоит в том, что истинные Ханоты потеряли практически всю энергию, которую накапливали годами, а еще мы потеряли контроль над всей звериной массой, живущей на земле. В истинных Ханотах остались только звериная сущность и сила, а также энергия, которую мы начали накапливать заново. В роду появлялись Ханы, возрождавшие наш род и генерировавшие силу и мощь, которая была только у них.

— Кто такие Ханы? — задал вопрос Эльхан.

— Ханы — это гении рода. Они рождаются, чтобы развивать его, используя сверхспособности, которые заложены в них.

— Какие у них способности? — уточнил Эльхан.

— Главное, что есть в нашем роду, — это сила воина, которая помогала нам выигрывать великие сражения не только на земле. За эти тысячелетия было много великих Ханов, которые оставили свой след в истории как великие завоеватели, воины, изобретатели и так далее. Они возрождали наш род.

— Это известные люди?

— Иногда известные, даже великие, иногда неизвестные, но внесшие в развитие нашего рода ничуть не меньше. Например более тысячи лет назад малоизвестный, но гениальный китайский ученый Гун сун Лэ изобрел порох. Он был великим Ханом, положившим начало новой эпохи войн, при этом о нем так никто и не узнал. Наш род создавал важнейшие изобретения для войн, которые потом использовали Ивори и Милны. Были великие и известные Ханы, завоевавшие полмира, развивавшие наш род Ханотов. По преданиям, придет великий Хан, который будет обладать такой силой, что сможет подчинить Ивори и установить наш закон на земле.

— Что за закон? — спросил Эльхан, у которого от всего услышанного голова шла кругом.

— Закон природы: выживает сильнейший. Это самое простое правило животного мира — простое, но, тем не менее, самое правильное.

Эльхану были близки эти мысли, поэтому он слушал еще более внимательно, несмотря на то, что многие вещи, которые он слышал, раньше посчитал бы бредом. Помолчав несколько минут, он спросил:

— А как выглядят Ивори?

— Да никак, — поморщился Темир, а потом добавил: — Единственное их отличие —

это серые или голубые глаза, но узнать по этому признаку сложно, это могут только истинные Ханы. В большинстве своем эти люди — бессмысленная масса, которая не представляет для нас интереса и опасности. Ивори очень умны, но, в отличие от нас, они не умеют управлять своей массой людей.

— А Ханоты умеют? — спросил Эльхан.

— Да, Ханоты умеют, а истинные Ханы могут повлиять на тысячи. В основном большая часть наших соотечественников — это бездумная человеческая масса, они живут, как муравьи, в своих мирках, думая только о себе. Они — наша армия, легко поддающаяся управлению и внушению через пороки и потребности.

— Какие пороки? — уточнил Эльхан.

— Самые банальные: тщеславие, гордыня, эгоизм, страх. Также в каждом даже самом примитивном человеке с черными глазами, есть животное начало, которое способен открыть любой Ханот. Истинный Хан может отправить на смерть миллионы, и они пойдут, отдавая свои бесполезные жизни за нашу идею и пополняя энергию нашего рода.

— Исламское государство мы создали? — вдруг резко спросил Эльхан.

— Да.

— Там же один сброд? Там тоже Ханоты?

— Эльхан, кто там находится — это биологическая масса, не имеющая мозгов и управляемая через пороки, про которые я тебе только что говорил. Через человеческие слабости туда попадают люди и перестают ими быть окончательно, — ответил Темир.

— Зачем, это нужно, — спросил Эльхан.

— Ты не воспринимай ИГ как что-то ужасное, рассматривай это как оружие. Ты же не смотришь на крылатую ракету или атомную бомбу, как на что-то неизящное или противное. Это оружие, мощное оружие, я бы сказал, что то, что находится внутри атомной бомбы — венец творения тысяч умных людей. Никто же не воротит нос и не говорит, что это как-то не очень. То, из чего состоит бомба, не имеет особого значения по отдельности, важен результат. ИГ — это оружие, очень сильное оружие, также венец творения многих умных людей. То, из чего оно состоит — не важно, важен результат. Те, кто туда идут, совсем не Ханоты — это заготовки и детали, а наши инженеры делают все, чтобы они такими оставались.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— У меня голова кругом. Но то, что ты говоришь, мне близко, — через какое то время сказал Эльхан.

— Если человек пришел в это государство, значит, это его путь. Просто так никто не приходит. Многие родители, дети которых попали сюда, в истерике проклинали ИГ, считая это главной причиной их бед. ИГ — не причина, ИГ — это следствие бездуховности, алчности, эгоизма или тщеславия их детей, которые умерли раньше, чем пришли в ИГ. Все имеет причину и следствие, Эльхан.

— В современный век придумываются новые и новые виды оружия, но бомбу под названием «демократия» еще никто не переплюнул.

— Что плохого в демократии? — спросил Эльхан.

— В этом и сила этого оружия, что массы не только воспринимает его как оружие, а хотят его себе, как дураки борются за него. Зачем уничтожать все живое в государстве, когда оно само себя уничтожит? Дай дураку демократию, так он воспримет это как вседозволенность. Любые идиотские мысли будут выдаваться за свободное мнение, а жуткие

поступки — за что-то нормальное, прикрываемое свободой. Такие люди начнут себе позволять больше и больше, пока не разрушат себя и все вокруг. Так устроен человек. Ты посмотри, что стало со всем Ближним востоком, когда спасали несчастных, страдающих без демократии людей, уничтожив при этом тысячелетние процессы. Это как в самолете: если одному из пассажиров станет некомфортно от шума двигателей за бортом, то для «спасения» этого пассажира уничтожат все двигатели во время полета, а потом, после катастрофы, станут оправдывать свои действия, всем доказывая, что поступили правильно.

Темир замолчал, а они так и сидели возле костра, молча подбрасывая дрова. Эльхан пытался сложить в голове поступившую информацию, которой у него за последние дни накопилось предостаточно.

— Тебе надо убрать много лишнего из головы и пройти этапы развития, чтобы стать истинным Ханом. Чтобы управлять другими, ты должен избавиться от этих вирусов в своей голове, — начал говорить Темир, но Эльхан прервал его:

— Каких вирусов?

— Не перебивай меня. Вирусы — это не только болезни и компьютерные «черви», хотя принцип у всех один и тот же. Я говорю про отрицательные качества, которые поселяются в незащищенной системе. Это те же тщеславие, эгоизм, гордыня, ненависть, зависть и прочее. Чем слабее система, тем легче вирусам заполнить тебя, и они уже тобой управляют, а не ты ими. Настоящий Хан сильнее их, и не они им управляют, а хан управляет ими, только в других людях, — серьезно сказал Темир.

Они несколько минут молчали, каждый думая о своем, после чего Темир, дав переварить информацию Эльхану, продолжил:

— Я буду твоим наставником на этом пути. Возможно, в твоем роду будет тот, кто еще не родился... Род Ханотов — самый великий, мы созданы по другой структуре, в отличие от прочих родов.

— Какой структуре? — спросил Эльхан.

— Ну... как тебе объяснить... как в компьютере есть операционная система, на которой установлены программы. Так вот, у нас иная архитектура, поэтому другие установки и метапрограммы, которые дают нам ряд преимуществ.

— Какие? — продолжил расспрашивать Эльхан.

— Множество. Мы, например, никогда не боеем, так как имеем другое строение ДНК. Мы можем управлять своими эмоциями и желаниями, которые разрушают воинов, — ответил Темир.

Эльхан вдруг на секунду вспомнил о жизни в Москве и даже о своих родителях, но Темир, словно прочитавший его мысли, сказал:

— Не думай о прошлом, которое держит тебя, — идти вперед. Ты уже в другом мире и у тебя свой путь. Те, кто окружали тебя раньше и казались близкими, остались в том мире, и у них свой путь, пусть и не такой великий, как у тебя.

Эльхан подумал, что, действительно, все, что его окружало раньше, сейчас уже не имело никого значения, и это показалось ему приятным. Ход его мыслей снова прервал Темир.

— Сейчас ночь, надо поохотиться. Не дави в себе зверя, выпусти его на волю, — блеснув черными глазами, сказал он, резко вскочив, и стремглав побежал в пустоту ночи. Эльхан, не раздумывая, побежал за ним, совершенно не осознавая, как ориентируется в полной темноте. Нарастивая темп, совершенно не чувствуя усталости, он бежал за Темиром, постепенно догоняя его и видя все, что происходит вокруг. Вдруг, словно ударившая сзади

молния, неведомая сила придала ему ускорение и «разорвала» сознание. На мгновение все вокруг остановилось, только биение сердца в вакууме и...

Иван ушел в лес, поручив сестре поставить Гари на ноги. Светлана каждый день готовила неизвестную, но вкусную еду, в которой чувствовался аромат разных трав. Несколько дней проведя в библиотеке Ивана и окончательно поправившись, Гари был готов к новым приключениям, тем более что то состояние от зелья, которое дал ему Иван, напрочь засело в участке мозга, отвечающем за удовольствие.

Через несколько дней появился Иван и в своей манере, с легкой иронией, сказал:

— Собирайся, Гари, навстречу своей судьбе, пока она сама к тебе не пришла.

— Община готова меня принять? — с такой же иронией спросил молодой человек.

— Если ты готов принять, то и тебя примут! — серьезно ответил Иван.

Быстро собравшись, они пошли в лес, который уже не казался Гари страшным и непролазным. К концу дня они подошли к большой этно-деревне, в которой было более двухсот домов и еще несколько странных сооружений. Даже издалека было видно, что все дома сделаны из современных и качественных материалов, а дороги и лужайки ухоженные и выстриженные. Все столбы и провода были новыми, современными и аккуратными. Все это чем-то напоминало бельгийскую деревушку, только больших размеров и в другом стиле. Эта деревня поразила Гари, который меньше всего ожидал увидеть здесь такую цивилизацию. Поблизости были река и поля, где трудились люди в странных одеждах. Поселение походило на старообрядческую русскую деревню — передачу о примерно такой же Гари как-то видел по телевизору.

Проходя через деревню, Гари внимательно всматривался в лица людей, которые выглядели невероятно красивыми. Гари, которого после Европы было сложно удивить, приводило в замешательство смешение фасонов одежды, манер и причесок. Если весь антураж деревни напоминал старорусский стиль, то одеяния жителей были совершенно разными, ближе к современным.

Навстречу прошли три молодые девушки, кокетливо улыбаясь глубокими изумрудными глазами. У одной Гари успел заметить фрагмент татуировки на шее, а у другой — наушники. Это поразило его, так как он планировал встретить здесь смиренную общину странных и молчаливых людей, а увиденное выходило за рамки придуманного им образа.

Люди, с которыми Гари встречался глазами, улыбались ему в ответ, а их лица казались неглупыми. Через некоторое время он вдруг понял, что у всех людей в деревне были яркие зеленые глаза.

— А... это, почему у всех... глаза... — показывая пальцем в сторону, попытался сформулировать вопрос Гари.

— Да, зеленые глаза у нас у всех, — улыбаясь, сказал Иван.

— А что они все здесь делают? — зачем-то спросил Гари.

— Живут, работают, учатся, отдыхают, — ответил Иван.

Они зашли в небольшое капитальное здание, напоминавшее питейное заведение — что-то вроде бара. К удивлению Гари, это действительно был типичный европейский бар, даже с рекламой пива на английском языке. Улыбаясь, Гари проследовал внутрь заведения, в котором, несмотря на дневное время, уже сидело несколько молодых людей.

— Хм, да у вас тут и бар есть! — удивился Гари.

— Тут все есть, ты даже не представляешь себе, насколько все... — многозначительно

произнес Иван.

Они расположились за удобным столиком, и им сразу принесли два бокала холодного пива. Гари все больше начинала нравиться эта деревня. Попросив девушку, которая была и официанткой, и барменшей, принести поесть, Иван начал говорить:

— Завтра вечером у нас начинаются праздники, и ты сможешь лучше познакомиться с нашим бытом.

— Что за праздники? — поинтересовался Гари.

— Пятница, — улыбнулся Иван.

Гари очень понравилось, что они отмечают пятницу, и он с удовольствием накинулся на еду, которую им только что поставили на стол. Выпив залпом бокал пива, он заказал еще два, уловив при этом многозначительный взгляд Ивана.

— Ну куда разогнался? — покачал головой Иван.

— А что такого? Пиво вкусное... душа требует, — честно признался Гари.

— Не умеешь ты удовольствие получать. Пойми, дело не в скорости и количестве выпитого, а в изменении состояния и ощущении праздника. Пойми, можно пятницу каждый день устраивать, только это не будет приносить удовольствия.

— Ты много знаешь про удовольствие, — прищурившись, заметил Гари.

— Даже больше, чем ты можешь себе представить, — сказал Иван. — Я прошу тебя поменьше со мной спорить и открыть свое мышление на принятие информации, а не на ее фильтрацию. Не хочу ничего тебе объяснять и доказывать, если будешь критично смотреть на вещи.

— Ну, человек, изначально критично смотрит на вещи, — возразил Гари.

— Кто умен и развивается, не будет противоречить по пустякам, а будет получать информацию и не нужную фильтровать. А у кого чувство собственной значимости завышено, тот критичен ко всему новому, потому что это не его мысли, тем самым он сам себе закрывает путь к развитию. Поэтому просто впитывай как должное, а вопросы задавай не для того, чтобы спросить и показаться умным, а когда действительно сам не можешь «допереть». Понял?

— Да понял я, — раздраженно ответил Гари, которому не понравился тон Ивана.

— Да, и засунь свою гордыню сам знаешь куда, только энергию тратишь, — иронично сказал Иван.

— Да нормально у меня все, и нет никакой гордыни, — попытался возразить Гари, но Иван его перебил:

— Мы сейчас живем в век признания личности и индивидуализма, когда каждый суслик считает себя мегаличностью, которой и замечание сделать нельзя. Чувство собственной значимости настолько захватило умы людей, что многие не готовы принимать критику вообще, отвечая агрессией даже на маленькое замечание. Все чаще случаются ситуации, когда человек не прав и ты указываешь ему на это, а в ответ получаешь такую порцию негатива, что в следующий раз повторять подобный опыт не хочется. Я видел, как в метро пожилая женщина сделала замечание молодому хаму, который вел себя по-скотски, назвав его невоспитанным, так он, оскорбившись, чуть в драку не полез. Представь, он оскорбился на то, что его назвали невоспитанным, при этом сразу обматерил женщину. На дорогах ситуация еще хуже, так как там чувство собственной значимости усиливается стоимостью автомобиля и чувством мнимой защищенности, поэтому у многих уровень агрессии просто зашкаливает. Причина всего этого одна — гордыня, основанная на чувстве собственной

значимости и осознании своей исключительности. Когда ты в таком состоянии, любое замечание от человека, который «хуже» тебя, воспринимается с агрессией, и чем более высокого ты о себе мнения, тем больше вокруг людей, которые «хуже» тебя. К сожалению, в век индивидуализма все знают только свои права, забывая про обязанности... — философски закончил Иван, а через мгновение добавил: — Поэтому скажу еще раз: засунь свое мнение о себе, себе же... сам знаешь куда! Для самого себя же сделаешь лучше, — улыбнулся он.

Они некоторое время сидели молча, каждый думая о своем, и Ивану показалось, что Гари осознал часть информации о гордыни, которая мешала ему развиваться.

Когда они вышли из бара, ощущение старорусской деревни опять вернулось к Гари. На полях работали мужчины, где-то играли дети, а в большой крытой беседке на современных стульях сидели кругом человек двадцать и слушали одного, который стоял в центре.

— О, наш Ван Алант опять тренинг ведет. Очень интересный человек, он из Нидерландов. Я вас познакомлю, — сказал Иван.

— Буду очень рад! О чем тренинг? — спросил молодой человек.

— Наверное, толкает очередную новую теорию потребностей человечества... Но он все равно основывается на пирамиде старика Маслоу, — ответил Иван.

— Интересно будет послушать, — признался Гари.

— Согласен, он тебе много чего расскажет, тем более ты в Голландии жил...

Они прошли мимо нескольких больших сооружений и начали спускаться к реке. Навстречу им шли мужчина и женщина. Лицо мужчины показалось Гари очень знакомым. Когда они поравнялись, и Гари встретился взглядом с его зелено-желтыми глазами, молодого человека словно ударило током. Это был один из его любимых голливудских актеров, фильмы с которым он смотрел еще в юности.

— Так это же... он! — изумленно произнес Гари.

— Да, это он, — улыбнулся Иван.

Спустившись к большой реке, они подошли к берегу, вдоль которого на возвышенности стояло несколько красивых беседок. Оттуда открывался великолепный вид. На берегу реки был положен длинный настил из дерева, похожий на самодельную набережную, на которой человек десять делали какие-то упражнения, похожие на йогу.

На пляже много народу купалось и загорало. У Гари было ощущение, что это не глухая тайга, а элитный дом отдыха в Подмосковье.

На деревянной набережной, которая в длину была более ста метров, возле самой воды лежали мягкие кресла-мешки, на них и расположились Иван и Гари. Там же рядом стоял кальян, который умело и быстро раскурил Иван. Он предложил покурить и Гари, ждав шему этого с нетерпением.

— Не торопись, ты как будто спешишь куда-то. Поймай удовольствие в ожидании, — выдыхая дым, сказал Иван.

Для Гари было удивительно, что Иван курит кальян, но он удивился еще больше, узнав, что именно курил его наставник. Вдыхая дым от того, что положил в кальян Иван, Гари почувствовал смесь знакомых и незнакомых вкусов. Гари чувствовал ароматы сена, ромашки, шалфея и даже мяты, однако в столь сложном букете вкусов сложно было понять, что это за смесь.

— Не думай, а просто кури, это вкус и сила природы. Никакой химии, — сказал Иван, словно читая мысли Гари.

«Да я и не... думаю... думаю... пою... нею... аю... ду-ма-ю. Вот... я сказал это или подумал? Нет. Надо сказать ему: “Стоп!” Кому? Лучше молчать, чтобы никого не выдать... или выдать? — хоровод мыслей, опережающих друг друга, разрывал мозг Гари. — Что это со мной? Что он мне дал покурить?» Здоровые мысли появились в его голове, но тут же куда-то исчезли, и Гари уже не мог вспомнить, о чем думал.

— Ты жив, друг? Ты бледен. Расслабься, — раздался голос из ниоткуда.

Гари, который думал почему-то уже о кораблестроении и о важности морской навигации для человека, через мгновение немного пришел в себя и спросил:

— Иван, ты так же «разорван», как и я? Что ты мне дал? Я думаю о кораблях... инопланетных... межгалактических... всех... — Гари замолчал, поняв, что говорит он что-то не то.

Иван в ответ улыбнулся и откинулся на мягких подушках, глядя на водную гладь.

Гари долго не мог прийти в себя, и у него было ощущение, что мысли живут сами по себе, и он совершенно не управляет этим процессом.

— Опять пожадничал! — по-отечески сказал Иван. — В чем удовольствие, если не можешь его осознать? Ну, упейся в «дрова», чтобы ничего не помнить, а потом ходить, как мешком прибитый. Смотри: у каждого удовольствия есть наивысшее состояние, как у каждой горы есть ее пик. Удовольствие альпиниста — это не перелететь гору, а преодолеть трудности и добраться до пика, чтобы там наслаждаться видами и победой. Что происходит с теми, кто не умеет получать удовольствие? Они всеми способами, жадно, как можно быстрее «взлетают» к пику, а потом, практически не задерживаясь на нем, падают вниз, разбиваясь о землю. Алкоголь — это тоже, пусть небольшая, но гора, на пике которой можно получать удовольствие, но большинство людей просто перелетают его, разгоняясь на старте, и разбиваются на той стороне.

Иван закончил монолог, заставив Гари, которому очень понравилась аллегория с вершиной горы и альпинистами, надолго задуматься. Действительно, ему всегда казалось, что вот-вот, где-то за следующей рюмкой, затяжкой или еще чем-то, будет лучше, а пик «перескакивался» очень быстро, превращая Гари в «дрова». Иван продолжил:

— Вспомни себя в сексе, когда пытаешься быстрее достигнуть пика и весь процесс превращается в достижение цели. Секс — это огромная гора, на пике которой можно много чего увидеть и познать, но величины ее многие не видят. Наши предки Милны в древние времена, изобретя Камасутру, много энергии вложили в этот процесс, но, к сожалению, у большинства людей секс остался на животном уровне, особенно у Ханотов, — говоря про последних, Иван поморщился, показывая, как ему неприятны эти люди.

— Кто такие Ханоты, и почему они тебе не нравятся? — спросил Гари.

— Для тебя и так много информации, постарайся воспринять пока эту, а про Ханотов, я тебе расскажу позже, а лучше, если ты все сам увидишь, — сказал Иван и продолжил: — Милны, как никто другой, умеют находиться в этом состоянии. Чем дольше будешь ловить баланс пика, тем больше осознаешь и поймешь в этом состоянии, так как именно в нем открываются многие знания. Через удовольствие наш род получил много знаний, утраченных во время большой битвы.

— Что за битва? — поинтересовался Гари.

— Всему свое время. Не бери больше, чем сможешь вынести. Пока я помогаю тебе, не дальше сам будешь контролировать достаточность всего. Прочитую одного из праотцов рода Милнов, философа Аристиппа, который был учеником Сократа: «Мудрец наслаждается

удовольствием, не поддаваясь тому, чтобы оно овладело им», — сказал Иван, а Гари начал понимать смысл слова «уважение» в отношении удовольствия. — Аристипп мог устраивать такие пышные вечеринки в Афинах, которые тебе даже не снились, при этом находясь на пике удовольствия и долго не «сваливаясь» с него. В эти моменты он открывал новые тайны познания мира, получая удовольствие и чередуя его с работой. — Иван посмотрел в поле, где работали люди, и продолжил: — Много людей, находящихся в нашей общине, могут вообще никогда не работать, так как денег у них более чем достаточно, а некоторые вообще очень известные люди, которых ты видел по телевизору. Нельзя жить в постоянном празднике, так как по законам мира все равно придется что-то отдавать за удовольствия, особенно если они зашкаливают, так что лучше самому выбирать, что отдавать, чем ждать, что жизнь у тебя заберет. Да и деликатес каждый день — уже не деликатес.

Гари хотелось задать столько вопросов, но, помня о тяжести знаний, он решил просто перевернуть услышанное. Так они провалялись пару часов, каждый думая о своем и изредка перекидываясь фразами, пока не наступил вечер. Иван, вставая, сказал:

— Сегодня чистый четверг, я тебе покажу настоящую баню.

Гари с тоской посмотрел на большой деревянный дом, который стоял у реки и который, скорее всего, и был баней.

«Баня?! Вот чего не люблю, так это потеть, да еще неизвестно зачем», — подумал Гари, но вслух ничего не сказал. Иван, словно прочитав его мысли, проговорил:

— Баня — это не просто место, где можно погреться или выпить с друзьями. Это — целая гора удовольствия, на пике которой ты можешь многое открыть для себя. Чем больше ты отдашь усилий для преодоления этой горы, тем больше получишь удовольствия в конце.

Ты не думай, я не дам тебе просто погреться сегодня. Воспринимай это как то, что ты специально сам выбираешь трудности, чтобы неожиданных трудностей было меньше, особенно когда живешь в удовольствии.

Гари не совсем понял, что имел в виду Иван, но промолчал.

Очень вкусно поужинав в доме, в котором был большой ресторанный комплекс, Гари не переставал удивляться, как в такой глуши может быть все настолько изящно и красиво. Глядя на это великолепие, он не удержался и спросил:

— Откуда это все? Кто за все платит?

— Многое мы используем свое, а все остальное раз в неделю нам привозят из Москвы, а туда со всего мира. В нескольких километрах отсюда узловая станция, куда доставляют все, а мы привозим уже сюда. Содержание этого поселения — капля в море от тех возможностей, которые мы имеем. В мире много таких поселений нашего рода. Есть в Америке, в Канаде, на Карибах, в Южной Африке, в Индийском океане, в Тибете, в Австралии, Индонезии, в Европе и России.

— В России еще есть? — удивленно спросил Гари.

— Конечно, есть даже в Москве и не только, — ответил Иван.

— В Москве? Зачем мы сюда приехали? — удивленно спросил Гари.

— Пойми, дело не в месте. Не имеет значения, где ты познакомишься с родом Милнов, главное, чтобы ты прочувствовал его всей душой и телом. Да и не все поселения выглядят, как такая деревня, это просто антураж для получения удовольствия.

— Понятно, так кто же платит за все? — переспросил Гари.

— Многие из нашего рода — это актеры, продюсеры, известные люди, медиамагнаты, владельцы казино, ресторанов и так далее, которые поддерживают род, — не без гордости

заявил Иван.

— И у всех зеленые глаза? — уточнил Гари.

— Конечно, все Милны с зелеными глазами, только не все люди с зелеными глазами — Милны. Большинство — это куски мяса, не сильно отличающиеся от других варваров. Хотя потенциал стать Милном есть у всех, но многим мешает их образ жизни. Они копошатся в своих маленьких проблемках, как червяки в куче дерьма, — поморщившись, сказал Иван. — Пойми, истинные Милны — это хозяева планеты, несмотря на то, что представители этого рода составляют всего два процента от всех остальных.

— В смысле? — не понял Гари.

— Два процента населения Земли имеют зеленые глаза. Истинных Милнов из них гораздо меньше, а когда-то мы заселяли всю планету и управляли на ней всем живым. На Земле были другие материки, а наш род был самым сильным и могущественным в Атлантиде.

— Атлантида... это откуда... — начал было спрашивать Гари.

— Да, Атлантида была высшим центром рода Милнов, но она исчезла во время вторжения: ушла под воду, а вместе с ней — вся наша сила и энергия. На Земле был один род, и все были рода Милнов и могли жить не только на суше, но и под водой. После катастрофы мы утратили многие возможности, в том числе и умение жить под водой. Кто остался жив, переселились на новый материк, который сейчас называется Евразией. Сначала в Европу, а через сотни лет многие переселились в нынешнюю Россию и туда, где мы сейчас находимся. На данный момент Милны живут во всем мире, но преимущественно в Европе и России. Несмотря на то, что нас очень мало, мы реально многим управляем в мире. Помни: это наша земля, это наш мир, — искренне и очень серьезно закончил Иван.

— Как мы управляем? — спросил Гари.

— Через удовольствия. Мы их создаем, — ответил Иван.

Встав из-за стола, они не заплатили ни копейки, только на выходе сказали «спасибо» приятному улыбчивому мужчине, вероятно, главному в этом ресторане. У Гари было странное чувство, когда они просто встали и вышли, как будто поели дома. Его мысли прервал Иван:

— Ты здесь как дома. Чувствуй гармонию, лови моменты и удерживай их. А сейчас я покажу тебе настоящую баню, — бодро сказал он, а Гари в очередной раз подумал о «бредовости» этой идеи, но перечить Ивану не стал — уж больно ему здесь нравилось.

Было уже часов девять вечера, когда они зашли в больших размеров дом на берегу реки. Внутри было все красиво, а самое главное — чисто. Посередине огромного зала был большой бассейн с колоннами, а вокруг него несколько дверей с разными видами бань — от турецкого хамама до современной инфракрасной сауны. В бассейне изящно плавали несколько полностью обнаженных девушек, а на каменных скамьях проходили сеансы массажа.

Пройдя все это великолепие, они оказались возле дверей русских бань и вошли внутрь.

Гари хотел выйти через несколько минут, но Иван останавливал его, говоря, что еще не время. Когда сил находиться в этом аду больше не было, Иван за секунды до потери сознания выпускал Гари, который пулей вылетал к купели с холодной водой. В следующий раз они вышли в другие двери и оказались на помосте, с которого можно было прыгнуть в реку. Несмотря на теплый летний вечер, проточная вода освежала не хуже ледяной купели.

У Гари уже не было сил, но Иван держал его до последнего, из-за чего после ледяной

воды у Гари по всему телу проходила мелкая приятная дрожь. Они отдыхали в удобных креслах на помосте, любясь водной гладью и оранжевым солнцем, которое скрывалось за дальним лесом. От этого великолепного вида и возвышенного душевного состояния Гари захотелось закричать и куда-то побежать, а потом снова вернуться... Но сил никаких уже не было. Ему никогда и в голову не могло прийти, что обыкновенная баня может принести столько удовольствия. Раньше он вообще считал, что в баню ходят мужики с красными мордами, чтобы там бухать или в саунах греться, да проституток трахать. Оглянувшись, Гари увидел, что ни у кого на столиках нет алкоголя, да и вид у всех был более чем приличный.

— В бане, как на тренировке, важно поймать баланс. Нужно отдаться полностью, но без ущерба для здоровья, тогда будет удовольствие от процесса. Ты отдаешь много — и много получаешь, а если зайдешь только на минутку, ничего и не получишь, — философски заметил Иван и хитро добавил: — Для полного расслабления мы сейчас попьем особого чая, а потом пойдем на массаж.

Хитрость в его голосе была продиктована тем, что после чая Гари почувствовал приятную легкость во всем теле, которое требовало, чтобы с ним что-то сделали.

Массажистка была красивой и высокой зеленоглазой брюнеткой лет тридцати пяти с сильными руками и широкими плечами, что не портило ее потрясающую фигуру. Ее сильные руки вскоре начали так мять Гари, что он забыл о предыдущих испытаниях паром, а она управлялась с его костями и мышцами, как с пластилином. Она то ломала его, то делала такие странные упражнения, что Гари проваливался практически в состояние анабиоза, не осознавая себя. Такого удовольствия от массажа он никогда не получал. Когда она намазывала его маслом в области паха, Гари начал ощущать другие чувства, поднимавшиеся из низа живота. Через час, закончив массаж и мягкими движениями размазывая остатки масла вокруг обнаженного и практически эрегированного члена Гари, она спросила по-английски:

— Are you ready to finish?

— What? — только смог произнести Гари, после чего она нажала несколько раз на какие-то точки в области паха, и Гари чуть не потерял сознание от оргазма, который полностью лишил его энергии и сил. Уже проваливаясь в забытие, он понял, что физическое расслабление достигло своего апогея.

Через несколько минут, когда Гари пришел в себя, он увидел, как Иван разговаривает на чистом английском с массажисткой, а та, откидывая назад голову, заливается звонким и приятным смехом. Посмотрев на Гари, она улыбнулась и приятным голосом сказала ему:

— Welcome home...

— Скажи, как давно с тобой это произошло? — спросила женщина Лизу, которая была в ту ночь с Андреем и видела его падение с крыши.

Женщину звали Яна, она была практикующим психотерапевтом. Ее пригласили родители Лизы, чтобы вывести дочь из депрессивного состояния, в котором она находилась уже больше месяца.

— Молчанием ты делаешь себе только хуже. Да и когда проговариваешь ситуацию, оказывается, что не такая она и сложная, — настаивала Яна, но Лиза лишь смотрела на нее пустым взглядом. — Ну хорошо, не хочешь говорить, напиши мне свою ситуацию, — с другой стороны подошла Яна.

Лиза взяла красный фломастер и написала на листе: «Из-за меня погиб человек», после чего закрыла лицо руками и заплакала.

— Можно, я попрошу тебя кое-что сделать? Я сейчас уйду, а ты напиши, пожалуйста, на бумаге, в чем заключается твоя вина, и, если можно, по пунктам. А потом напротив этих пунктов напиши, пожалуйста, то, что ты могла бы сделать в самой благоприятной ситуации, чтобы это предотвратить. Договорились? — Тон Яны был спокойный, словно у руководителя, который договаривается с подчиненным, чтобы тот выполнил какое-то задание.

Лиза в ответ кивнула — такой поворот событий был для нее неожиданным.

Прошло больше месяца с той роковой ночи в клубе, когда она познакомилась с Андреем. Лиза была уверена, что он погиб, упав с балкона. Когда началась суматоха и приехала полиция, она сидела в углу, не осознавая до конца, что произошло, потому что так близко смерть девушка никогда не видела. Конечно, кто-то где-то в ее мире умирал, но вот так, чтобы человек, от которого она весь вечер не могла оторвать глаз, вдруг погиб...

В ту ночь подруга увезла ее домой, и Лиза не участвовала в следственных мероприятиях, а для расследования она так и осталась одной из девушек, с которой общался Андрей перед трагедией. Главным свидетелем стала Ирен, которая активно участвовала в расследовании, что вскоре перестало иметь значение в связи со смертью главных подозреваемых в автомобильной аварии.

Лиза только на следующий день осознала весь ужас ситуации, и ее депрессивные состояния сменяли волны панических атак. Она боялась смотреть новости и заходить в Интернет, чтобы случайно не наткнуться на информацию о происшествии, а также не общалась с подругой, которая была с ней в ту ночь.

Чем больше проходило времени, тем хуже становилось состояние Лизы вопреки мнению, что время лечит. Ее родители, с которыми она жила, решили через знакомых обратиться к психотерапевту. Опасений было много, принимая во внимание истории про внедрение в психику человека, тем не менее, спустя какое-то время, Лиза сама попросила о помощи со стороны.

Оставшись одна с листком, на котором психотерапевт предложила написать ей свою вину по пунктам, Лиза осознала, что писать ей практически нечего. Бумага не может передать эмоции, а факты давали понять, что вины ее нет, и что при любом раскладе она бы все равно ничего сделать не смогла. Уже в следующий приезд Яны, Лиза смогла разговаривать с ней, а потом с каждым ее приездом стала постепенно возвращаться в

нормальное состояние.

На улице стояло жаркое лето, и Лиза почти стала прежней, вот только у нее появилось что-то, чего раньше не было, — какое-то понимание, которое грузом лежало в подсознании, и думать о нем не хотелось. Но все это очень отягощало жизнь девушки, особенно сильно проявляясь по вечерам.

До происшествия в клубе Лиза любила мечтать о чем-нибудь, и это доставляло ей огромное удовольствие, так она как бы обретала гармонию, которой не было в повседневной суетной жизни современной московской девушки. Она могла мечтать о путешествиях с друзьями, придумывать свой мир, в котором немного другие законы жизни, или воображать свою новую квартиру. Нередко в фантазиях она спотыкалась о материальные преграды, поэтому часто мечтала о деньгах как инструменте для достижения своей цели. Она не была «зациклена» на деньгах, но, тем не менее, суммы себе представляла. Более того, она никогда не думала о безграничных или очень больших суммах, так как ей сразу становилось неинтересно. И все же это позволяло отвлекаться, а главное — ее мозг постоянно работал и развивался, и она придумывала все новые и новые образы.

Но после происшествия, она, сколько ни пыталась, так ни разу и не смогла заставить себя мечтать.

«*Все проходит и это пройдет*», — с такой мыслью проснулась Лиза в солнечный день, который предвещал только хорошее, но в этот день ничего сверхъестественного не произошло. Ей стали нравиться дни, в которых ничего не происходило, так как отсутствие эмоций, как ей казалось, укрепляло ее дух. Человеку свойственно ко всему привыкать, и Лиза постепенно вернулась в нормальное состояние, зашагав большими шагами по жизни, до следующего препятствия...

Андрей проснулся в огромной спальне с панорамными окнами от пола, которые наполняли комнату солнечным светом летнего московского утра. Несколько секунд мозг из состояния *stand by* переходил в обычный режим, пока легким возбуждением в груди не пришли воспоминания о вчерашнем дне. Улыбнувшись своим мыслям, Андрей подошел в одних трусах к окну, и его сердце заколотилось от увиденной красоты, которая простиралась у его ног.

Было чувство, будто он стоит на краю целого города, а другой город раскинулся внизу. Пальцы ног касались огромного стекла, и это единственное ощущение, которое давало понять, что он не стоит на краю крыши. Смотря вниз, казалось, что дом наклонен вперед и вот-вот упадет, от чего дух захватывало еще сильнее. От этого чувства эйфории Андрей даже вскрикнул, так и продолжая стоять, наблюдая за Москвой с высоты птичьего полета. Вечером, когда он пришел сюда, сил хватило только дойти до кровати и мгновенно уснуть, даже не посмотрев квартиру. Сейчас Андрей увидел все великолепие роскоши и пространства. Квартира была двухкомнатная, но общей площадью больше ста пятидесяти квадратных метров. Огромный зал-студия, также с панорамным остеклением, плавно переходил в футуристическую кухню, в которой было все — от хай-тек техники до продуктов в огромном холодильнике. На столе лежала карточка с ПИН-кодом, брелок-ключ от автомобиля, а также записка с временем, этажом и номером кабинета. До назначенного времени было больше двух часов, поэтому Андрей, приняв роскошную ванну и сделав себе ароматный кофе, в белом махровом халате расположился на подушках возле окна. Ему показалось, что так он может сидеть вечно, но понимание ответственной работы впереди привело его в гардеробную.

Не уставая удивляться, Андрей увидел несколько костюмов, как ни странно, его размера. Внизу стояла батарея туфель известной дорогой марки также его сорок третьего размера. Размер рубашек Андрей даже не стал смотреть. Примерив несколько костюмов и рубашек, он убедился, что вся одежда сидит на нем так, будто была сшита на заказ.

Наконец определившись с одеждой, молодой человек спустился на лифте в кабинет, номер которого был написан на бумажке. Глядя по пути в зеркала, Андрей завидовал сам себе — так хорошо он выглядел. Подойдя к нужному кабинету, он увидел табличку, которая не меньше, чем все остальное, приятно удивила его:

ДИРЕКТОР ДЕПАРТАМЕНТА МАРКЕТИНГОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ СОКОЛОВ А.А.

Когда Андрей вошел внутрь, его взору предстал просторный кабинет также с панорамными окнами возле большого стола, на котором стоял современный компьютер. На стене висела огромная ТВ-панель, а на столе лежал телефон последней модели, который зазвонил, не дав ему оглядеться.

— Привет! — Андрей сразу узнал уверенный голос Владимира. — Ну ты освоился? Как тебе?

— Владимир, нет слов. Я в себя до сих пор прийти не могу... — восторженно начал Андрей, но Владимир перебил его.

— Ты же понимаешь, что за все придется платить? — серьезно произнес он.

— Ну конечно, а... как? — неуверенно спросил молодой человек.

— Отдадим тебя на органы — «отобьем» аренду твоей квартиры, — шутливо ответил Владимир, а потом серьезно проговорил: — Ты должен жить... не существовать, а именно жить... для рода твоего. И работать... А пока осваивайся, я скоро к тебе зайду, — сказал он и отключился.

Андрей включил компьютер, который предложил ему сразу ввести новый личный пароль со сложными комбинациями. После того как он придумал пароль, который точно никто никогда не знал, ему было предложено приложить палец для идентификации. Войдя в систему, Андрей понял, что разбираться с интерфейсами незнакомых программ предстоит очень долго.

Постучав, в дверь вошла милая девушка лет двадцати со словами:

— Андрей Андреевич, к вам хочет зайти ваш заместитель. Приглашать?

Непонятно, что именно поразило Андрея: то ли, что его назвали по имени и отчеству, то ли, что у него есть заместитель.

— Конечно, приглашайте, — сказал он, но его удивление стало еще больше, когда в кабинет зашел веселый Владимир.

— Машенька, сделай нам кофе, пожалуйста. И сосисок в тесте, — обратился он к секретарше, а затем повернулся к Андрею: — Привыкай, Андреич, у тебя в департаменте сорок человек в пяти отделах. Без зама тут никак. — Владимир улыбнулся и, увидев обескураженное лицо Андрея, добавил: — Я тут, пока тыходишь в курс дела. Потом себе другого зама найдешь, из «наших».

Владимир полдня рассказывал о структуре компании и показывал различные презентации на компьютере. Со стороны это «introduction to company» ничем не отличалось от обычной ознакомительной беседы, кроме некоторых деталей. Владимир говорил, какие отделы возглавляют сотрудники, которые работают на контору, и кто из них Ивори.

Андрей пытался все запоминать, но Владимир давал слишком много информации. Наконец они дошли до интерфейса, в который также нужно было входить по отпечатку

пальца, после чего Владимир быстро произнес:

— Это интернет-ресурс, через который ты можешь попасть практически в любую базу данных, включая базу данных ФСО по людям и многие наши архивы. Это миллионы терабайт информации, которая тебе нужна будет только выборочно, так как все взять невозможно!

— А я могу входить в социальные сети на страницы людей? — лукаво спросил Андрей.

— Так и знал, что спросишь, — ухмыльнулся Владимир, и уверенно ответил: — Конечно, только в нашей базе больше информации, да и честнее она. А эта ярмарка тщеславия в социальных сетях тебя только с толку собьет. Хотя много информации и оттуда можно взять!

— А почему ярмарка тщеславия? — поинтересовался Андрей.

— Да на кого ни посмотришь, у всех все отлично, все успешные, а на деле... Да сам все увидишь, не «отмоешься от грязи». Короче, сегодня у тебя день на баловство — все равно полезешь куда не нужно, а в течение оставшейся недели тебе необходимо научиться работать с базами так, как будто всю жизнь с ними работал. Понял? — спросил Владимир.

— Конечно! — ответил Андрей.

— Я тебе покажу основы, а дальше ты сам. Вопросы задавай компьютеру. Не бери много информации, «входи» постепенно, иначе надорвешься. По общим или административным вопросам обращай к Маше. Со своим коллективом познакомишься на следующей неделе, — сказал Владимир и начал объяснять принципы работы с контентом.

После того как Владимир ушел, Андрей, как и говорил Владимир, «пропал» внутри социальных сетей, незаметно взламывая страницы своих бывших подруг, друзей, знакомых и их знакомых, читая все внутренние переписки. Взламывая почтовые ящики своих, как ему казалось, близких людей, Андрей начинал понимать смысл слов Владимира о «грязи». Удивляли совсем не те, о которых можно было подумать что-то, а те, о которых он никогда бы не подумал ничего плохого. К концу дня Андрей почему-то был уверен, что друзей у него нет, да и, наверное, не было никогда.

Вечером к нему в очередной раз зашла секретарша Маша и, блеснув лукаво серыми глазами, спросила:

— Андрей Андреевич, вам что-нибудь от меня еще нужно? Я могу идти? — Андрея «резануло» его отчество, почему-то напомнившее ему об отце, которого он никогда не знал.

— Спасибо, Мария, все в порядке. Конечно, можешь, — ответил он, а сам залез в базу, введя данные своего отца.

К сожалению, в базе данных ФСО ничего не было. Андрей и раньше хотел найти отца но мать не любила говорить о нем. Когда Андрей спрашивал, она нервничала и говорила, что он ушел в другую семью и никогда больше не появлялся. Позже Андрей пытался найти его через социальные сети, но это было больше из любопытства. Не найдя отца в базе, Андрей продолжил удовлетворять свое любопытство.

Ближе к ночи его пронзила идея: Андрей решил найти девушку Лизу, с которой познакомился в клубе. Не зная никаких ее данных, он так ничего и не нашел и постепенно, изучая информацию, оказался внутри переписок Ирен, с которой пришел в клуб. После всего прочитанного ему захотелось побежать в душ и отмыться от той грязи, в которую он попал:

«Лен, у тебя есть кто-нибудь на примете, я хочу Рому «слиты, с ним перспектив никаких...», «Я приеду, если свозишь меня на море...», «Кажется, я опять залетела...», «Пусть он кровью умоется, сделай с ним что-нибудь...», «тысяча баксов за ночь, могу с

подругой приехать...», «кому бы нормально дать...», «Дети отстой, маленькие твари...»

Когда Андрей читал эти сообщения, у него волосы вставали дыбом от ее эгоизма, самолюбия и цинизма. Дойдя до переписки, касавшейся событий последнего месяца, он почувствовал себя еще хуже:

«Прикинь, сходила в клуб, сбежал жених с балкона», «Да живой вроде, только овоц будет, по ходу... ну, какой в постели, такой же будет в кровати...», «Замучали следователи...», «говорят, поправился, но лучше б сдох...»

Читая это, Андрей вспомнил, что следователь ему говорил, что Ирен устроила настоящую истерику и вырывалась из рук, чтобы прыгнуть за ним с крыши.

Андрей где-то читал, что некоторые эгоистичные натуры могут впадать в истерику, но только из-за того, что сильно жалеют себя, а на следующий день они, как ни в чем не бывало, уже радуются и живут нормальной жизнью.

От всего этого Андрею стало противно до тошноты. Он почувствовал, что устал, поднялся в квартиру и провалился в беспокойный сон.

Следующие пару дней Андрей думал о переписке Ирен, о том, почему она такой человек и что движет ею. Его удивляли ее цинизм и жестокость, а самое главное — уверенность в отсутствии собственных ошибок. Встреча с Лизой настолько обозлила Ирен, что она готова была убить и его, и ее. Кто бы что Ирен ни сделал, хорошее или плохое, если это не то, чего хочет она, то этот человек все равно будет «козлом». Думая об Ирен, Андрей вспомнил многих красавиц, с которыми он был когда-то знаком и которые свой эгоизм и свою дурость ласково называли «капризами» и «причудами».

У Андрея начались будни начальника отдела в крупной компании и по совместительству — работа в ФСО. Как именно он работает на ФСО, Андрей еще не понимал, но помнил, что за ним постоянно следят.

Он быстро освоил базу данных, а еще быстрее — корпоративную работу в новом отделе. Владимир появлялся уже не каждый день, а Андрей быстро влился в коллектив, который мало чем отличался от коллективов других коммерческих компаний Москвы, за исключением того, что Андрей знал, на кого компания работает.

Владимир практически не говорил больше про Ивори, а Андрей не мог ничего найти ни в Интернете, ни в базах данных. Также он с интересом отметил, что почти у всех в компании глаза были серые или голубые. Кареглазые или зеленоглазые встречались только среди обслуживающего или линейного персонала.

На Андрея сразу обратили внимание многие девушки компании, но ему пока было не до этого, так как объемы новой информации заставляли его сидеть на работе до глубокой ночи.

В свой первый выходной на новой работе Андрей проспал до одиннадцати часов, а, проснувшись, долго смотрел на летнюю Москву с высоты птичьего полета, попивая ароматный кофе. Ему определенно нравилась новая жизнь, а все, что было прежде, хотелось забыть, кроме Лизы да, пожалуй, матери, с которой он не жил с восемнадцати лет.

Отбросив эти мысли, Андрей обратил внимание на ключи от автомобиля, которые лежали на столе с первого дня его проживания здесь. Значок «Land Rover» на брелоке обещал незабываемые эмоции и призывал использовать его по назначению.

Взяв ключи и одевшись, Андрей на лифте спустился в подземный гараж. Прямо возле лифта на него смотрела хищная морда огромного внедорожника черного цвета последней модели. Андрей нажал на кнопку, и машина сигналом подтвердила, что именно она ждала его всю неделю и готова показать всю мощь своего двигателя. В бардачке лежали документы

на машину на имя Андрея и удостоверение ФСО, также на его имя. Он еще не успел все рассмотреть, когда у него зазвонил телефон:

— Привет, писаешь кипятком? — тишину салона нарушил радостный голос Владимира.

— Конечно, это же супермашина. Она же денег стоит! — захлебываясь от эмоций, сказал Андрей.

— Только помни, что удостоверение — это тебе не карт-бланш на езду без правил. Не будь слабым, не расстраивай меня. Удостоверение доставай только в крайних случаях... и не для ГАИ. Понял? — серьезно сказал Владимир.

— Конечно! — ответил Андрей, заводя табун лошадей.

Пересев на такой автомобиль со старой «Тойоты», Андрей чувствовал себя хозяином всего — от дороги до целого города. Другие машины, которые также были участниками движения, казались только помехами, как рыбацкие лодки на пути круизного лайнера, заходящего в небольшой порт. Чувство собственной значимости выросло ровно настолько, насколько новая машина была дороже его старой «Тойоты». Стилль вождения тоже настолько изменился, что Андрей несколько раз подрезал другие автомобили, сигналил и мигал фарами.

Заехав в банк, карточка которого лежала с ключами от машины, Андрей радостно подпрыгнул от цифры баланса, которую увидел на чеке, выданном банкоматом.

Ему жутко захотелось поделиться своей радостью, а еще больше — похвастаться тем, что у него сейчас было. Но за прошедшую неделю Андрей слишком много узнал о своих «друзьях» через Интернет и видеть никого не желал. Единственным, кто оказался не совсем ужасным в переписках, был его друг Антон, но «прочитав» практически всю его жизнь, Андрей увидел и всю его примитивность. Немного подумав и постояв на обочине, он через две сплошные развернулся и все же поехал в сторону дома, где жил Антон.

Устав от восхищения Антона по поводу машины и вопросов, куда он пропал, Андрей снисходительно предложил ему отдохнуть вечером.

— Куда пойдем? — радостно спросил Антон.

— Давай поедим в ресторане, а потом поедим куда-нибудь в клуб, — немного наигранно-спокойно предложил Андрей и добавил: — Только сначала заедем ко мне — я переоденусь.

Поднявшись из подземного гаража в квартиру, Андрей пропустил Антона вперед.

— Твою... же... ты... это... твоя квартира? — задыхаясь, спросил Антон и прошел, не снимая обуви, что не понравилось Андрею.

Зайдя в зал, он подошел к окну и осторожно потрогал его.

— Вот это вид... Потрясающе! — медленно проговорил Антон, глядя на вечерний город, в котором, хоть солнце уже и село, было еще светло. — Откуда все это? Жениха нашел? — пошутил Антон.

Андрею не понравилась эта шутка, он ничего не сказал, но вдруг подумал, что раньше он бы с радостью посмеялся вместе с ним.

Андрею этим вечером многое не нравилось в Антоне, пока алкоголь не уравнил их интеллекты, и Андрей, наконец, не расслабился. Однако он казался не таким, каким его знал Антон. Андрей был немного заносчив с барменами и официантами и в разговорах постоянно подчеркивал свою значимость.

Окунувшись в ночную жизнь, они побывали в самых дорогих клубах — быстрыми образами пролетали разные люди и места в ярких софитах.

Последнее, что помнил Андрей, — это VIP-комната в элитном клубе, кожаные белые диваны и две девицы по разным сторонам. Антона с ним не было, а вместо него — какой-то человек без возраста с сигарой. На столе стояли стаканы с алкоголем, много рассыпанного кокаина и карточка, которая недавно так приятно удивила Андрея. Очередное отражение себя сквозь разводы белого порошка на стекле, и... все, дальше как в тумане.

Утром Андрей проснулся не в лучшем состоянии от боли и пустоты в голове. Выйдя из спальни, он увидел двух полуобнаженных девиц из клуба, которых едва помнил. Они совершенно не стеснялись своих тел, тем более, что там было чем похвастаться. Одна из них уже «разнюхивала» кокаин, непонятным образом оказавшийся в его квартире, а другая что-то ела за столом.

— Опа... Вы кто? — хрипло спросил Андрей, на что та, которая ела, улыбнулась, а другая даже не повернулась в его сторону, пока не закончила свою «дорогу». После этого, вскинув голову и открыв глаза, она сказала:

— Привет, контора. Как спалось?

Андрей вздрогнул от этих слов и посмотрел ей в глаза. От того, что он в них увидел, ему стало не по себе. В больших глазах девицы не было ровным счетом НИЧЕГО.

— Какая контора? — с недоумением спросил молодой человек.

— Сам свистел вчера, что Родину охраняешь, — ответила другая девица.

— Да нет, девчонки, это «гон» был, наверное, я даже не помню. Я вас-то не помню...

Запустив пятерню в спутавшиеся волосы, Андрей направился к холодильнику.

— Дамы, мне бы отдохнуть... — начал было он, но одна из них перебила его:

— Ладно, не парься, ты это... денег обещал вчера, — сказала она.

— Так вы это... работаете? — начало доходить до Андрея.

— Ты чего, совсем дурной? Нет, мы просто отдыхаем. Сам болтал вчера, что денег у тебя море, можешь дать на шмотки, — обиженно надув губки, проговорила ее подруга.

— Да, ладно, я просто спросил, — извиняющимся тоном сказал Андрей, доставая из кармана мятые купюры и искренне не понимая, где стирается грань между проституткой и «просто отдыхаем» за деньги.

Они стали собираться, а та, которая нюхала кокаин, сняла с себя футболку, оставшись в одних трусах, выставив напоказ красивую силиконовую грудь и надевая лифчик, спросила:

— Может на второй круг пойдём?

— Не... не, я это... — начал оправдываться Андрей.

Они быстро оделись, и уже в дверях другая девица, изобразив губками поцелуй, сказала:

— Пока, Антончик, я записала свой номер тебе в телефон, звони.

Они обе вышли за дверь, а Андрей не стал выяснять, почему он назвался Антончиком и где, собственно говоря, сейчас сам Антончик, так как в его голове был полный штиль.

Наспех перекусив, он упал на кровать и провалялся там почти весь оставшийся день. К вечеру настроение у него было не самое лучшее — делать ничего не хотелось, потому что энергии на это не было совсем.

Как ни странно, понедельник оказался лучше воскресенья, так как заставил двигаться, вырабатывая тем самым желание.

«Энергия создает энергию», — с этой мыслью Андрей погрузился в новую работу. Он ждал появления Владимира, предполагая, что про некоторые его «отжиги» тот мог знать, и ему не хотелось, чтобы его отчитывали.

Владимир пришел ближе к обеду и дружелюбным тоном предложил подняться к

Андрею в студию и пообедать.

Пройдя в квартиру и подойдя к окну, он, не дав Андрею что-то приготовить, жестким голосом заговорил:

— Ты вел себя, как урод! Тупое животное, которое спустили с поводка, и у него «оторвало голову»!

Андрею неприятно было это слушать, он начал было оправдываться, но Владимир резко перебил его:

— Тебе не для этого все дается, чтобы ты просирал все в туалетах клубов. Есть закон: «За все надо платить». Если дали что-то авансом, то необходимо отработать. Это знают даже примитивные в развитии люди. Среди них, конечно, есть и такие, которые «подарки судьбы» расценивают как заслуженную награду или как должное, но это или совсем идиоты, или те, у кого самооценка зашкаливает. Ты выбери, что у тебя: ты примитивен и глуп или у тебя самооценка зашкаливает? — отчитывал его Владимир, предлагая выбор без выбора. Андрею нечего было сказать, но Владимир настаивал на ответе.

— Самооценка... — неохотно проговорил Андрей.

— Так вот, засунь свою самооценку себе подальше! — почти крикнул Владимир. — Ивори самый разумный род, но даже самый высокий интеллект можно вырубить тем количеством дерьма, которое ты принял за ночь. Мало того, твой язык развязался, и ты начал болтать все подряд этим безмозглым силиконовым дурам, которые живут только инстинктами и, слава богу, ничего не вспомнят уже завтра, — закончил он, потом походил по комнате пару минут и уже спокойно, но довольно жестко, сказал: — Да еще едешь на машине, нарушая все правила, особенно скоростные...

— Но я же никого не сбил, в аварию не попал... — попытался оправдаться Андрей.

— Твою мать, ты еще оправдываешься! Ты наивно считаешь, что виновность определяется только, если что-то случилось? Виновность определяется принятым решением, а трагедия дело случая. Представь себе, что два человека едут со скоростью сто тридцать километров в час, при разрешенных шестидесяти. У одного из-за припаркованной машины выскакивает человек, а у другого — нет. Так вот, один сядет в тюрьму, а другому ничего не будет. Степень вины у обоих одинаковая, но наказание зависит только от случая. Понял? С алкогольным опьянением за рулем то же самое, только закон у нас такой, что, пока не случилось горе, ответственность не наступит. Вина одинаковая, была пьяная авария или нет, и судить надо по максимально возможным последствиям, если бухой сел за руль. Тебе это понятно?

— Ты прав, мне нечего сказать, — покорно произнес Андрей.

— Делай выводы, — поставил точку Владимир и вышел из квартиры.

Состояние Андрея было хуже некуда, но, собравшись, через некоторое время он вернулся на рабочее место. Вечером к нему зашел Владимир и уже спокойным голосом начал говорить:

— Андрей, надеюсь, ты услышал то, что я хотел тебе сказать.

— Угу — кивнул Андрей.

— Пойми, пока ты думаешь только о себе, ты топчешься на месте, не развиваешься. Развитие — это умение думать не только о себе, но и о других. Когда ты отвечаешь только за себя — это хорошо, но когда ты способен отвечать за других — вот это развитие. Чем больше ты можешь думать за других, помогать людям, тем сильнее ты развиваешься. Бог совершенен, потому что отвечает за всех, а большинство людей копошатся в самих себе, и у

них не хватает ума думать о ком-то еще. Некоторые способны думать максимум только о своих детях, да и то, чтобы доставить удовольствие себе. Они, если и интересуются тобой, так только когда им это интересно, совершенно не подозревая, что топчутся на месте, совершенно не развиваясь. К сожалению, таких большинство, и, если хочешь развиваться, начни думать о других, помогать другим, отвечать за других — это будет твоим развитием, — сказал Владимир и вышел, а Андрей еще долго сидел, стараясь понять, к чему были все эти разговоры, но их основной смысл до него все же дошел.

Андрей погрузился в дела, и течение времени пошло по-другому, сменяя выходные буднями. Через пару месяцев он полностью освоил новую работу и получал удовольствие от всех процессов своей новой жизни.

Как-то он услышал от Владимира фразу: «Знание немногих принципов избавляет от знаний многих фактов», и только спустя некоторое время осознал ее глубинный смысл. Обладая доступом к информационному контенту, Андрей увидел, как много лжи и обмана скрывается за «фактами», и понял, что часто не нужны никакие «факты», если знаешь основные принципы. Андрей был искренне удивлен, когда осознал, что его развитию мешали всего лишь несколько таких «фактов» и пара черт в характере.

К концу лета он знал почти всех в компании и даже два раза летал в Соединенные Штаты Америки в командировку, предварительно как следует подтянув свой английский. Андрей понимал, что командировки носят не только рабочий характер, но и имеют какое-то отношение к конторе и к роду Ивори, к которому он практически себя уже относил.

Пообщавшись и познакомившись там со многими людьми, Андрей в очередной раз отметил, что все, с кем он встречался, имели синий, голубой или серый цвет глаз. Андрей много думал об Ивори, но никаких источников информации у него не было, однако он понимал, что ему расскажут больше, когда придет время.

В один из дней к нему зашел Владимир и сказал:

— Андрей, определенные знания ты уже освоил, поэтому пришло время кое-что добавить в твою копилку. Сейчас собирайся в небольшую командировку, на работе тебя не будет неделю, Маша все оформила.

— Куда едем? В Штаты? — спросил Андрей.

— Ага, в Соединенные Штаты Московской области, — отшутился Владимир.

Через час они подъехали к лесному КПП, где у Владимира тщательно проверили документы. Проехав через лес, они оказались возле здания, на крыше которого было несколько антенн, а справа стояло еще одно — с огромной спутниковой антенной. Все было современным и качественным, без тени наследия советского прошлого.

Пройдя через охраняемый вход и сканер, они очутились внутри, где их ждал Николай Николаевич, который улыбался, чего Андрей никогда не видел.

Проводив их в свой ультрасовременный кабинет на верхнем этаже, Николай Николаевич предложил выйти на открытую террасу.

Андрей про себя отметил любовь Николая Николаевича к балконам и террасам, которую не разделял в связи с недавними событиями, но проследовал за ним. Оттуда открывался великолепный вид на лесной массив и небо, зелеными и голубыми красками сливавшиеся в горизонте.

— Как твои дела, Андрей? Как работа? — начал разговор Николай Николаевич.

— Да все отлично, и работа отлично, — ответил Андрей.

— Очень развернуто... хотя какой вопрос, такой и ответ, — пожурил себя Николай

Николаевич и, глядя в даль, спросил: — Готов к новой ступени развития?

— Конечно, — бодро ответил Андрей, и Николай Николаевич начал свой рассказ:

— Это один из научно-исследовательских институтов нейropsychологии, который принадлежит Ивори и находится в ведении ФСО России. Здесь собраны лучшие специалисты в области психологии, психотерапии и генетики, а также нейроспециалисты, врачи и компьютерные гении. Практически все они — Ивори, которые своими открытиями развивают наш род. На стыке медицины, психологии, генетики и информационных технологий здесь творят чудеса, о которых человечество узнает только через года или десятилетия. Данный институт исследует человеческую память, то есть все связанные с ней аспекты, в том числе генетическую память, — не без гордости говорил Николай Николаевич, жестикулируя руками, чтобы усилить эффект. — Память — это величайшая загадка, которую разгадывают наши гении. Есть память прошлого, которая передается из поколения в поколение на генном уровне и которую мы практически можем моделировать и восстанавливать. Есть память будущего, которая связана с памятью прошлого и влияет на нашу жизнь. Ее мы только изучаем...

— Вы хотите предсказывать будущее? — спросил Андрей.

— Будущее есть прошлое, а прошлое есть будущее. Но понять это пока невозможно, не пройдя много этапов, — загадочно ответил Николай Николаевич и, улыбнувшись, добавил: — Мы можем видеть память рода, что дает нам право в скором времени поменять все учебники истории.

— В них все неправда? — удивился Андрей.

— Да нет, правда, только своя правда, которая прямо противоположна тому, что было на самом деле, но для писавших историю все равно остается правдой. С помощью науки и современных технологий ты сможешь увидеть и почувствовать наш род изнутри. Предлагаю отправиться в путешествие, — с вызовом сказал Николай Николаевич.

На лифте они спустились на несколько этажей ниже первого, оказавшись в огромных холлах с кабинетами и лабораториями в стиле хай-тек. Люди в белых халатах посадили Андрея в кресло в комнате, похожей на душевую, только в три раза больше. Там же он увидел шлем, который, как он догадался, необходимо было бы надеть. Вопреки представлениям Андрея, к нему не подсоединяли никаких датчиков, только предложили надеть тонкие перчатки. Последним, что услышал Андрей, надев шлем, были слова Николая Николаевича:

— Возвращайся, твое место здесь.

ВОИНЫ ХАНОТОВ

Молодой правитель скакал галопом по горной теснине в сторону небольшого ущелья навстречу огромному диску солнца, которое начинало вставать над монгольскими степями. Небольшие клубы пыли, поднимаемые его конем, рассеивались под копытами лошадей всадников, скачущих за ним. Сердце стучало в такт топоту копыт, а бедра ног ощущали каждую мышцу коня, несмотря на накинутую на него защитную накидку. Темп нарастал, и он уже не мог отличить свое тело, от тела своего скакуна, слившись с ним в одно целое.

«*Успеть... успеть... успеть*», — пульсировало у него в висках, а рука уже тянулась к рукоятке сабли. Когда всадники выскочили на пустынную местность, их взору предстала равнина, на которой стояла орда воинов, как пеших, так и конных, не менее десяти тысяч человек. В нескольких километрах от них, на другом конце поля, стояла другая орда воинов, но в три раза меньше, чем первая.

«*Где же вы, где? Только бы вы не опоздали...*» — пронеслось в голове молодого правителя, а его тело вместе с конем, оружием и всадниками сзади, прорезая воздух, словно стрела, готово было вонзиться в стан врага. Копыта нескольких сотен лошадей, отбивая дробь, передавая по земле вибрацию орде противника, стоящей спинами к ним, заставили нескольких воинов обернуться и начать осознавать происходящее.

Вдруг, когда несущейся «стреле» всадников оставалось совсем немного, черное облако откуда-то справа, беззвучно взлетев, на секунду затмило солнце.

Небольшая часть воинов десятитысячной армии врага увидела приближающуюся сзади «стрелу» во главе с молодым монголом, но ни они, ни их товарищи не могли заметить облако из тысяч стрел, которое накрыло их через несколько секунд.

Стрелы пронзали тела врагов, пробивая латы и одежду. Сбивая шапки с одних, стрелы вонзались в других, не давая никому шанса. Через несколько секунд второе облако из тысяч стрел обрушилось уже на передние ряды, готовившиеся отразить атаку спереди — единственного противника, которого видели воины.

Третье облако из тысяч стрел внесло окончательную суматоху в стан врага, а оставшиеся в живых в панике побежали назад, где конная «стрела» окончательно разорвала их армию, сметая все на своем пути.

Он рубил саблей, как безумный, словно тигр, раскидывающий лапой беспомощных детенышей антилоп.

«*Тебе... тебе... на... еще... куда... а-а-а... на... р-р-р-а... еще... тебе...*» — мыслей практически не было, только инстинкты и жажда крови захватили правителя.

Наконец подбежала орда, единственная, которую видел враг, и принялась добивать оставшихся, а лучники справа догоняли невидимыми молниями убегающих воинов.

Кровь врага на лице уже мешала видеть, но сабля, в очередной раз, навсегда успокаивала неприятеля. Стоны раненых, крики убегающих и постепенное понимание, что это победа, поднимали боевой дух до состояния безумия.

Не все воины бежали, некоторые сражались до конца, но таких было не много и становилось все меньше.

Постепенно над степью начал разноситься победный крик, заглушающий стоны и придающий скорости убегающим врагам.

— Слава Тэмуджину! — закричали воины, подняв вверх оружие.

— Слава великому батыру! — подхватила вся шеститысячная орда.

Молодой монгол с гордо поднятой головой сидел на коне, шурясь узкими глазами на взошедшее солнце. Необъяснимое чувство победы, ранее не ведомое, придавало ему такую уверенность, что казалось, весь мир лежит у его ног. Он только что победил своего злейшего врага, тестя Унг-хана, и это была его первая крупная победа.

Унг-хан посмел перечить молодому Чингисхану и был разбит в монгольских степях, а военачальник войска Унг-хана Сангук поплатился за свою беспечность и уверенность в численном превосходстве над армией Чингисхана. Не побеспокоившись даже провести разведку, Сангук совершенно не ожидал внезапной атаки и был полностью разгромлен.

Выстроив оставшихся в живых пленных воинов в ряд, молодой хан проскакал два раза вдоль них на коне, остановился посередине и прокричал:

— Я даю вам право выбора: или вы становитесь моими союзниками и служите мне до конца, или погибнете сейчас, на поле, как ваши товарищи...

Молодой правитель был полностью уверен в выборе воинов и, резко развернувшись, поскакал прочь, навстречу солнцу, которое уже высушило кровь врага на его лице...

Молодой хан открыл глаза, шурясь от солнца, которое было уже высоко. Осознав, что лежит на земле, он собрался было встать, но услышал знакомый голос:

— Вставай Эльхан, солнце уже высоко!

Резко вскочив, молодой хан увидел перед собой Темира, который стоял и улыбался. Монгольских степей вокруг не было — только пустынная твердь, а через мгновение, словно электрическими импульсами, память стала возвращаться к Эльхану.

— Что со мной... как это я... — заплетающимся языком бормотал Эльхан, смотря на свои руки, на которых не было крови, но пальцы хранили тактильную память рукоятки сабли. — Где мое войско?..

— Какое войско, где ты был? — спросил Темир.

— Великое войско Чингисхана, разбившее армию ненавистного Унг-хана, — начал Эльхан, но Темир перебил его.

— О, это первая великая победа Тэмуджина, будущего Чингисхана, в монгольских степях. Знатный бой великого воина, — произнес Темир.

— Но как я там оказался? Я был там... — Эльхан очень хотел, чтобы Темир ему поверил.

— Да, я знаю. Это еще раз доказывает, что ты Хан, ты принадлежишь к нашему роду Ханотов. Ты восстановил связь с родом и теперь иногда можешь читать свой род, но только в определенном состоянии.

— Что значит «читать»? Мне надо отыскать Унг-хана и вырезать остатки его корейско-монгольского отребья, — все еще не придя в себя, заявил Эльхан.

— Эльхан, ты здесь. Возвращайся, — сказал Темир, помогая молодому человеку подняться. Солнце было уже высоко, означая то, что Эльхан всю ночь и все утро провел в измененном состоянии. Внутренняя сторона бедер устало болела, как будто долго скакал верхом, а руки были напряжены, еще чувствуя саблю.

— Почему все болит, как будто я только после боя? — спросил Эльхан, когда они прошли уже какое-то расстояние.

— Психосоматика — сила мозга, отражающаяся на теле. Ты нашел связь с родом, и ощутил все, что ощущал в 1193 году, на другом уровне. Не забивай голову, дойдем до места, там отдохнешь, а ночью поговорим, — сказал Темир.

Дальше они шли молча, пока не дошли до жилища на реке Евфрат. Молча поев, Эльхан уснул крепким сном и проспал до вечера.

Проснувшись в темноте, он увидел Темира, который сидел с закрытыми глазами возле костра и, беззвучно шевеля губами, шептал что-то, похожее на молитву. Потом они долго молча сидели у костра, подкладывая дрова. Эльхан уже пришел в себя, а недавнее приключение вспоминалось ему, как хорошо запомненный сон, который навсегда остался в памяти.

— Каждое чтение рода должно тебе что-то дать. Что ты осознал? Какие законы воина ты понял? — спросил Темир, смотря на огонь.

— Главное — нападать внезапно и бить первым, — уверенно ответил Эльхан.

— Согласен, но в той славной битве было много еще чего, что можно прочитать, — сказал Темир. — Надо читать не только свои успехи и неудачи, делая выводы, но и успехи и неудачи врага, также делая выводы. Что сделал неправильно Сангук? — задал вопрос Темир.

— Ну, он сгруппировал все войска в одном месте, а конных смешал с пешими, — быстро ответил Эльхан.

— Ты думаешь тактически. Стратегическая его ошибка в том, что он переоценил свои силы, зная, что вас в два раза меньше и что он сильнее, — сказал Темир. — Нельзя недооценивать врага! Кстати, это касается не только видимых врагов, — серьезно добавил он и спросил: — Что еще понял?

— Что ты меня спрашиваешь, как школьника на экзамене? — недовольно отреагировал Эльхан.

— Пойми, я могу тебе все сам рассказать, но так ты меньше осознаешь. Когда отвечаешь, мозги лучше соображают, поэтому умерь свою гордыню и слушай, — спокойно проговорил Темир и снова спросил: — Почему ты не отдал приказ убить пленных?

— Мне нужно было создать армию. Эта масса воинов, как оружие, которое не повреждено во время боя, достается новому хозяину, поэтому я просто их взял. Тем более что я дал им право выбора, — ответил Эльхан.

— Всех воинов можно переводить в союзники? — продолжил задавать вопросы Темир

— Не знаю... наверное... может, нет... — Эльхан не мог найти точного ответа.

— Нельзя сделать союзниками идейных воинов, и тех, кто родину защищает. А эти, как рабы, как управляемая масса. Вот тебе еще один закон воина. Кстати, все революции делались десятью-пятнадцатью процентами идейного населения, а все остальные лишь принимали волю других. Помни об этом, — сказал Темир, после чего они долго еще сидели молча, смотря на костер, и каждый думал о чем-то своем.

Дня два они жили на берегу, тренировались в единоборствах, стреляли и много разговаривали. К вечеру третьего дня Темир разжег костер и предложил выпить горячий напиток, который по вкусу напоминал алкоголь, но был крепче и имел много оттенков.

— Что это? — попробовав, спросил Эльхан.

— Это пульке — напиток богов! — ответил Темир.

— Пульке?! — переспросил Эльхан.

— Пульке — традиционный напиток ацтеков, был настолько популярен в латинской Америке, что за его злоупотребление приговаривали к смертной казни. Он состоит из текилы и мескаля, получаемых путем ферментации растений семейства агавовых. Содержит алкоголь, который нейтрализует страхи неизвестности и потери, при этом сохраняя ясность ума и физическую активность. Его в умеренных количествах давали воинам перед битвой,

чтобы у них не было страха смерти, но при этом они оставались эффективными в бою, — рассказал Темир.

Выпив, Эльхан почувствовал, как тепло растекается по всему телу, давая необычные ощущения. Так как он редко употреблял алкоголь, то быстро почувствовал легкое опьянение.

Темир достал четыре барабана, два из которых отдал Эльхану, и принялся тихонько настукивать, предложив Эльхану делать то же самое.

Темп и громкость нарастали. Эльхан поймал ритм Темира, после чего энергия звука усилилась во много раз.

Ночь, река, костер, лицо Темира на фоне пламени — все это вместе с барабанным боем словно закружило Эльхана. Постепенно Темир начал напевать что-то похожее на тихий, повторяющийся боевой клич. Громкость ударов и напевы в унисон усиливались, и через некоторое время они уже кричали в такт барабанам, не чувствуя своих тел.

Эльхан находился в состоянии транса, не понимая, где он, где его тело, и что происходит. Внезапно перед своими закрытыми глазами он увидел яркую вспышку, и все вокруг наполнилось яростным криком...

...в ответ раздался оглушительный крик нескольких сотен человек, приветствующих его.

Фернандо открыл глаза и увидел свою армию, которая входила в боевой транс под бой барабанов и повторяющиеся напевы.

— Да, Кортес! — слышалось отовсюду, от четырехсот пятидесяти измученных и израненных воинов, воодушевленных речью своего военачальника.

Прикрыв глаза и опустив окровавленную голову, Фернандо Кортес вернулся в недавнее прошлое — в неудачные походы, ранения и большие потери на чужой земле. Он понимал, что его армия разбита и что на их пути стоит тридцатитысячная армия ацтеков, которая уверена в исходе предстоящего боя. Пороха и пушек не было, поэтому предстояло идти в рукопашную с отборной армией, в десятки раз превосходящей его.

Подхватывая ритм, Фернандо с криком вскочил на коня и с двадцатью двумя лучшими воинами поскакал в сторону полчищ врага, а пешие следовали за кавалерией.

Фернандо скакал первым на врага, от количества и вида которого можно было сойти с ума. Никаких мыслей и страхов не было — только напевы, которые звучали в голове, вводя конкистадора в еще больший транс. Примерно то же самое происходило и с остальными воинами, как пешими, так и конными.

С нечеловеческим криком конница ворвалась в стан врага, копиями разметая всех вокруг. Захлебываясь в человеческих телах, словно в море, конники пробивались все глубже, расчищая проход. Разогнавшееся копьё кавалерии пробивало щит из человеческих тел, как бумагу. После нескольких рейдов пешие воины вступили в битву.

Кровь ацтеков так обильно покрывала лошадей, что уже сложно было увидеть их цвет, а битва все не прекращалась. Фернандо, словно обезумевший от запаха крови зверь, уничтожал врага, находясь в состоянии, близком к безумию. Словно полубог, уверенный в своем бессмертии, он снова и снова бросался в атаку, сотнями оставляя на поле убитых и раненых.

Охваченные боевым трансом воины Кортеса не чувствовали ни страха, ни усталости, а только планомерно уничтожали врага. Большое количество людей было, скорее, помехой, чем преимуществом, — ацтеки мешали друг другу.

Военачальники их армии вышли на этот бой, как на праздник, уверенные в своей быстрой победе и дальнейшем жертвоприношении пленных конкистадоров. Командиры и

жрецы ацтеков были одеты в яркие и блестящие убранства — на них-то и были нацелены атаки Фернандо. Видя, что командиров уничтожают первыми, жрецы стали покидать поле боя, тем самым приводя в замешательство и смятение воинов ацтеков и сокрушая их боевой дух.

Фернандо с кавалерией направлялся к тому месту, где были самые лучшие наряды.

Пробивая путь к главнокомандующему ацтеков Сиуаку, Кортес встретился на мгновение с ним взглядом. Черные глаза военачальника индейцев сверкнули и исчезли из поля зрения Кортеса, который уже не обращал внимания на остальных врагов, отменяя их, как котят, так как теперь у него имелась только одна цель, и ее нужно было осуществить. Фернандо почувствовал страх в глазах Сиуаку. Главнокомандующий ацтеков испугался, решив держаться подальше от яростного Кортеса пробивавшегося к нему через толпу его воинов.

Он начал суетиться, но в такой толпе отходить было сложно, и Сиуаку, повернувшись спиной к врагу, попытался прорваться через своих же воинов. Мгновение спустя тяжелое копьё Фернандо Кортеса пробило насквозь тело Сиуаку, войдя ему в спину и тяжело ранив еще одного воина.

Увидев смерть главнокомандующего, жрецы поддались панике и стали разбегаться в разные стороны, а вслед за ними начала разбегаться и вся армия. Исход битвы был решен, только кое-где проходили локальные сражения.

Фернандо слез с коня и подошел к поверженному Сиуаку, который практически висел на копьё, нелепо поджав ноги. Его черные безжизненные глаза смотрели вверх, застыв в недоумении от того, что как такое могло случиться, ведь еще пару часов назад Сиуаку готовился к празднику, а не к поражению.

Кортес рывком вытащил окровавленное копьё из тела индейца и медленно поднял над головой. Кровь стекала по копьё и по руке и капала на лицо Фернандо, стоявшего с закрытыми глазами. Открыв глаза, он издал такой нечеловеческий крик, что находившиеся неподалеку его солдаты вздрогнули от неожиданности. Постепенно все оставшиеся в живых конкистадоры Кортеса подхватили боевой клич, который с каждой секундой становился все сильнее.

Фернандо, размахивая копьём, кричал и кричал, заводя себя все больше, опьяненный победой и кровью врага...

Фернандо Кортес не собирался умирать на этом поле, но шел биться, как в последний раз, и Бог отвел ему еще двадцать семь лет жизни победителя.

...Эльхан медленно открыл глаза, шурясь от яркого солнца. Сознание и память на этот раз быстрее пришли к нему, однако все равно состояние было странным. Не было ощущения сна, а только чувство, будто битва происходила вчера, и сегодня Эльхан проснулся после нее. Все тело болело, а на губах ощущался солоноватый вкус крови.

Тяжело приподнявшись, Эльхан присел и долго молча смотрел на Темира.

— Еще одно такое путешествие, и я сойду с ума, — медленно проговорил он, мотая головой.

— Я тоже так думал вначале, но потом привык. Человек ко всему привыкает, — философски заметил Темир. — Ты где был?

— Фернандо Кортес разгромил армию ацтеков, превосходящую его отряд в пятьдесят раз по численности, без пороха и пушек, — с гордостью сказал Эльхан.

— А-а, битва при Отумбе. Славная была мясорубка, — улыбнулся Темир. — Ну, какие законы воина усвоил? — задал он вопрос, который уже ждал Эльхан.

— «Кролик, загнанный в угол, превращается в тигра», — процитировал молодой человек и добавил: — А также я в очередной раз осознал, что нельзя недооценивать врага. Ацтеки вышли на бой, как на праздник, надев свои лучшие одежды. Их умы уже были в веселье и на жертвоприношении, но никак не в бою.

— А что про страхи понял? — спросил Темир.

— Ну, что нельзя бояться и поворачиваться спиной к врагу, — ответил Эльхан.

— Запах страха невидим и неосязаем, но зловония его велики. Чем ты сильнее становишься, тем лучше начинаешь чувствовать страх и влиять на него. Страх парализует не только тело, но и волю, и передается другим, как вирус, захватывая всех. Если научишься управлять своими страхами, сможешь тогда управлять и страхами других, — сказал Темир. — Помнишь мультик про Маугли... когда один удав пришел к тысячам бандерлогов? Они могли разорвать его в клочья за секунды, но страх полностью парализовал их волю, поэтому он был сильнее их всех.

Они целый день провели в коротких беседах, а вечером Темир резко встал и сказал Эльхану:

— Пришло время большой охоты, Маугли...

Яркие лучи июльского солнца наполняли светом большую, со вкусом и по-современному обставленную комнату. На полках было много книг, по ярким обложкам можно было понять, что многие современные. На стене висела огромных размеров ТВ-панель, а по углам была расставлена профессиональная система звука. Гари плохо помнил, как попал сюда после бани и массажа, но, добравшись до кровати, уснул практически мгновенно.

Мысли были настолько светлыми, а настроение прекрасным, что Гари лежал и просто улыбался. Через некоторое время к нему зашел Иван.

— Ну, как твоя голова? Очистился от всего ненужного? — с улыбкой спросил он.

— О, да, никогда не думал, что это может доставить столько удовольствия, — искренне ответил Гари.

— Я живу по принципу, что утро без кофе — это не утро. Поэтому предлагаю тебе испить чашечку на свежем воздухе, — предложил Иван.

Они сели в удобные кресла из ротанга на веранде с видом на реку и лес. Сидя на веранде и любуясь этой красотой, Гари вдруг на мгновение почувствовал себя самым счастливым человеком. Что-то внутри сжалось от мыслей, как было хорошо вчера, как прекрасно здесь на веранде и что ждет его в будущем.

— Чем планируешь сегодня заняться, да и не только сегодня? — задал вопрос Иван.

— Не знаю пока, а чем можно? — спросил Гари.

— Ну, чем хочешь, здесь всем можно заниматься. Возможностей много, главное — что-то делать, работать. Можешь заняться творчеством, можешь — прикладным искусством, а можешь — физическим трудом, — с улыбкой ответил Иван. — Здесь люди пишут музыку, работают в поле, снимают фильмы, разрабатывают программы для компьютеров, занимаются всяческим спортом, общаются друг с другом, рисуют, готовят, учатся, учат, строят, пишут книги, создают сайты, зарабатывают деньги, пилят, строгают, воспитывают детей, медитируют и многое другое. Средств и возможностей предостаточно.

— А что посоветуешь мне ты?

— Ну, ты прямо как ребенок. Сам решения принимать умеешь? Тебе решать, что делать. Подумай, посмотри, и сам решишь — ответил Иван и не без удовольствия добавил: — Сегодня, кстати, пятница, поэтому вечером будет праздник. Так что готовься к путешествию на два дня.

Целый день Гари удивлялся жизни поселения, и чем больше видел, тем больше ему все нравилось. Люди были красивы не только внешне, но и как-то внутри. Даже пожилые люди казались красивыми, а их лица и глаза светились счастьем. У Гари было ощущение, что он всех знает, как будто они близкие родственники. Когда он встречался с кем-нибудь глазами, то ему улыбались, а он улыбался в ответ. Иногда его понимали без слов, что удивляло, и он постепенно начинал думать и делать, как они.

— Неужели здесь все гармонично? Люди не ссорятся между собой? — ближе к вечеру спросил Гари Ивана.

— Да нет, ссорятся, только гораздо меньше, чем в обычном обществе. Не забывай, что здесь все

Милны, а это по-любому другая ступень развития. Большинство конфликтов происходит

по незначительным причинам, а развитый человек не обращает на них внимания. А еще у нас практически отсутствует соревновательность, основанная на гордыне, что также позволяет нам существовать в гармонии. Единственное, что нам может мешать в социальном плане, — это эгоизм, точнее, его форма излишней любви к себе, что свойственно всем Милнам. Если развиваешься, то и эгоизм постепенно сможешь удерживать в рамках нормы, чтобы он не мешал другим и своему развитию. — Иван сделал небольшую паузу, а потом подмигнул Гари: — Обдумаешь позже, а сейчас надо начинать великое восхождение на гору удовольствия. Скажи, что главное для альпинистов перед восхождением? — спросил он, но тут же сам и ответил: — Первое — это настрой. Не получишь удовольствия, если думаешь о плохом или идешь с негативным настроением вообще. Второе — это подготовка. Все должно быть учтено — от экипировки до маршрута и команды. Можно использовать простые правила употребления алкоголя: «С кем. Когда. Где. Чего. Сколько». Ничто не должно напрягать во время пути. Третье — быстро не бежать, чтобы не выдохнуться, и выбирать сложный, но по силам маршрут. Четвертое — не бояться, но быть осторожным. Безрассудство дорого стоит. Пятое... ты мне скажешь сам, что ты понял... потом.

Гари с Иваном весь вечер общались с разными людьми в кафе, на террасе, в баре. Потом в большой компании вкусно поели в ресторане и спустились к причалу. Там, в окружении кресел-подушек стояли кальяны, вокруг которых собралось несколько разных компаний, от мала до велика. Было еще светло, хотя времени было около одиннадцати вечера. Где-то играли на гитаре, где-то просто общались, где-то пели и смеялись.

Иван с Гари курили из разных кальянов, что именно, Гари уже не спрашивал, но понимал, что что-то легкое, перемешанное с ароматным табаком. Настроение было великолепное. Вокруг стала загораться иллюминация в виде фонарей и гирлянд, а кое-где была слышна музыка. После полуночи Иван предложил Гари что-то выпить. Гари, привыкший уже доверять Ивану, все равно спросил:

— Что это? Надеюсь, то, что я пробовал на Аркаиме?

— Нет, не оно, а то, что тебе нужно сегодня, расслабляйся! — улыбнувшись, ответил Иван.

На возвышенности, недалеко от поселения, была слышна музыка, и просматривалось какое-то движение. Гари, Иван и еще несколько молодых людей решили пойти туда. Поднявшись на большой холм, они вышли на просторную площадку, на которой уже собрались около трехсот человек, танцевавших под известные современные композиции. Слева находился большой деревянный бар, в котором стояло много известных марок алкоголя.

Обстановка напоминала Гари один из фестивалей, на котором он как-то побывал, только здесь не было моря и песка. Гари был на многих фестивалях, как в Европе, так и в России, но то, что он увидел, заставило его удивиться еще раз. Один известный и современный трек сменялся другим, и народ, подняв руки вверх, приветствовал новые композиции. Подойдя ближе к большой DJ-стойке, Гари был окончательно ошеломлен, так как за стойкой работал его любимый голландский DJ Tiesto, которого он слушал в клубах Амстердама и Ибицы.

«Не может быть, чтобы он оказался в этой глуши!!!» — думал молодой человек, но чем больше он на него смотрел, тем меньше сомневался.

Подойдя к нему совсем близко, Гари увидел блеск его зеленых глаз, сосредоточенных на пульте, и склоненную набок голову — диджей вслушивался в один из наушников. У Гари так

заколотилось сердце, что кровь мгновенно начала пульсировать в висках и он чуть не потерял сознание.

Внезапно Гари ощутил, как к нему тихонько подступает другое состояние, которое постепенно овладевает его телом и сознанием. Оно ему очень нравилось. И под очередной трек он слился с толпой и музыкой одновременно.

Волны мелодий разносились над танцующими, а Гари чувствовал, что волны касаются его и он может управлять ими.

Страх не было — только огромное желание любви и просто продолжения того, что сейчас с ним происходило. Он разговаривал с разными людьми, танцевал, немного пил, купаясь в волнах эйфории и музыки любимого диджея.

Потом он долго о чем-то разговаривал с Tiesto, а также с другими людьми, которых не раз видел по телевизору. На пике своего веселья Гари захотел двигаться дальше, и им овладело желание снова выпить того, что давал ему Иван. Найдя его, он спросил:

— Иван — это лучшее, что со мной когда-либо случалось. Спасибо тебе. Давай повторим... то, что ты мне давал.

— Гари, тебе хорошо сейчас? — резко спросил Иван.

— Да, супер! — ответил Гари.

— Зачем тогда еще, если тебе хорошо?! Наслаждайся моментом, грань легко можно не увидеть и свалиться. Отдыхай, — по-отечески ответил Иван.

Через какое-то время Гари опять плавал в волнах любви и эйфории, источником которой он сам и являлся.

Постепенно все вокруг становились другими — уже не теми, с кем он общался, да и музыка стала немного другой...

* * *

...на больших кроватях, которые стояли прямо на улице, он увидел, что кто-то занимается любовью, совершенно никого не стесняясь, а люди вокруг начали раздеваться, скидывая свои странные одежды.

— Деметрий, друг, я вижу ты скучаешь без меня. — Молодой, высокий и красивый юноша подошел и взял Гари за руку.

Они, держась за руки, подошли к колоннам греческой ротонды, внутри которой было много красивых обнаженных девиц и стоял стол с яствами и напитками.

— Как я люблю Афины, эту ночь и даже тебя, Парис! — сказал Гари в образе великого царя Афин, коим он и являлся.

С ротонды открывался великолепный вид на афинский акрополь, который возвышался огромным силуэтом на фоне черного неба. Красивый сад, расстилавшийся перед акрополем, был освещен множеством факелов, а в центре сада, под легкой парусиной, стояла огромных размеров белая кровать, на которой могло поместиться до тридцати человек, которые там и находились. На этой кровати проходила настоящая оргия, как впрочем и во всех уголках этого прекрасного сада. Молодые красивые девушки и юноши ласкали друг друга, словно влюбленные друг в друга создания. Их движения и ласки были настолько естественны, что казалось, это просто часть пейзажа. Гармония движений прослеживалась во всем, словно фауна переходила во флору и обратно.

Ощущение эйфории сжимало грудь Деметрия, как будто это было для него впервые.

— Слава великому Деметрию! — раздавалось вокруг сквозь музыку, стоны и звон бокалов.

Все вокруг кружилось, а скорее, это он кружился вокруг всего — вокруг сада, ротонды, акрополя и Афин. Самые красивые афинские девушки ласкали тело Деметрия или, наоборот, жестко хватали за его крашенные волосы, принуждая делать то, что хотели они.

Вино, яства, музыка, мужские и женские тела, огни, пляски — все смешалось в одно и продолжалось очень долго, пока Деметрий не умер в очередной раз на ком-то, и его голова бессильно не откинулась назад.

Веселье продолжалось, несмотря на то, что активности стало меньше...

* * *

Над равниной забрезжил рассвет, постепенно наливая красками все вокруг, словно кто-то постепенно добавлял «brightness» и «color» в настройках природного компьютера.

Музыка была спокойной, но постепенно вместе с рассветом диджей наращивал темп. Несколько десятков человек еще танцевали, улыбаясь и всматриваясь в лица друг друга, а кто-то, наоборот, отдыхал на лежаках, специально для этого предназначенных. Несколько пар занимались сексом, совершенно не стесняясь окружающих, только улыбаясь всем, с кем встречались взглядами.

Гари открыл глаза, наблюдая несколько минут за тем, что происходит. Антураж вокруг уже не напоминал греческие Афины, но ощущение того, что он там был, не покидало его. Физиологически Гари понимал, что занимался сексом в эту ночь, но с кем именно — не знал, так как в памяти остались образы только греческих девушек и юношей.

Несмотря на то, что уже наступило утро, ощущения конца праздника не было. Все выглядело так гармонично, что хотелось начать заново это путешествие, что многие и делали.

Гари долго сидел, периодически встряхивая головой, возвращаясь к ночному путешествию в древнюю Грецию.

«Что это со мной было? Как будто все это со мной действительно было!» — такие мысли пугались в его голове, но не вызывали беспокойства. Странно то, что депрессии и плохого самочувствия тоже не было, как будто просто не гулял всю ночь, а спал.

— Привет, — услышал радостный голос Ивана Гари.

— Ух, привет, Иван. Вопросов много к тебе, — улыбаясь и щурясь на солнце, сказал Гари.

— Да знаю. Всему свое время, — улыбаясь в ответ, сказал Иван.

Они еще некоторое время посидели, скрестив ноги и щурясь на восходящее солнце, затем Иван спросил:

— Где был?

— Афины, Греция... — ответил Гари.

— М-м-м, золотые времена Милнов в Греции! Кем ты был? — поинтересовался Иван.

— Деметрием...

— Хорошие времена, но жадность и похоть все испортили, — задумчиво протянул Иван, а после с едва скрываемым раздражением продолжил: — Впустил змей Ханотов, а

справиться силы не хватило... Ну, да ладно, суть не в этом! Что увидел, что почувствовал?

— Радость, наслаждение... любовь, — с улыбкой сказал Гари.

— Да, было прекрасное время, но все проходит. Милны хотели привнести в их убогий мир любовь и удовольствие, но Ханоты, не способные это понять, с инстинктами животных, превратили идею в грязь, а Ивори слишком заносчивы... — начал рассказывать Иван, делая паузы и глядя на Гари. — Помнишь великую Римскую империю, которую создали Ханоты?

— Это империя Ханотов? — удивился Гари.

— А чья же еще! Они создали великолепную армию и великолепную модель управления, но сгнили именно изнутри. Не умея получать удовольствия и чувствовать границы, они зашли слишком далеко в своих развлечениях. Они уважали своих внешних врагов, считая их силой, но совершенно не чувствовали силу удовольствия, не уважали ее. Ты даже не представляешь, какая грязь и чернуха была на их «весельях» — любого из Милнов стошнило бы от увиденного. Под конец эпохи правления римлян их извращенные мозги доходили до такого, что это были уже не люди, а демоны. Ты слышал про содомию и вакханалии?

— Ну, так, больше как определение, — ответил Гари.

— Римляне, в основном Ханоты, не зная барьеров, дошли до крайних форм возможных извращений. Придумывались праздники в честь богинь, когда можно было делать что угодно. Например, в честь богини Фортуны женщины низших сословий ублажали на улице увиденных мужчин, а на празднике Приапа, мальчики-подростки прилюдно лишали невинности девочек. Поклонницы бога Вакха занимались извращениями со всеми, даже со своими сыновьями. На этих оргиях, которые называли вакханалиями, все занимались всем со всеми. Часто тех, кто отказывался участвовать в этих непотребствах в честь богов, просто убивали.

— Какая мерзость! — поморщился Гари.

— Скажу больше: в Римской империи творились мерзости и похуже: там процветал культ мазохизма и дикого садизма с пытками. Например, по приказу Калигулы отрубали руки и разрезали живых людей пополам, чтобы достичь максимального удовольствия, наслаждаясь агониями жертв. А император Нерон устраивал массовые совокупления мужчин на арене цирка и наблюдал за ними, а потом набрасывался на них в шкуре тигра, насилуя и иногда убивая оппонентов. Это были уже не люди...

— Какой кошмар... это просто жуть какая-то. Зачем ты мне все это рассказываешь? — с гримасой отвращения на лице спросил Гари.

— Просто уважай силу, какой бы она ни была, — серьезно сказал Иван. — Ты становишься свободным, когда умеешь контролировать свои желания, а не когда свободно открываешь настежь двери, впуская в себя все, чаще всего плохое.

— Где-то я уже это слышал, — произнес Гари, пытаюсь вспомнить, где, а Иван продолжал:

— Знаешь, человек, как сосуд с чистой водой. Если не ставить фильтр на входе, то со временем вода станет черной от грязи. Зло концентрированнее, чем добро, и придется намного больше залить чистой воды, чтобы цвет изменился. Когда вода будет потемневшей, впуская туда грязь, ты просто уже не заметишь ее, так это будет нормально для тебя, в отличие от того, когда сосуд был чистым. Вспомни, когда ты что-то плохое делал в первый раз, и как это делал потом, не переживая, что это плохо. Впустив в себя много плохой энергии, человек со временем уже не может собой управлять, сам являясь этой субстанцией.

Слабость в этом понимании — отсутствие принципов, установок, морали, которые являются фильтром для плохого и хорошего. Например, ребенок — он слаб, так как не имеет установок и принципов, а фильтром для него являются родители или близкий социум, который и сформирует его принципы в будущем. Если принципы или мораль слабые, то по мере взросления ребенка они не станут помехой даже для небольшого зла. Что уж говорить о серьезных соблазнах, серьезной силе, к которой многие относятся без должного уважения, что и является главной ошибкой.

Я пытаюсь дать тебе понимание того, что такое уважение силы, не важно, отрицательной или положительной. Это понимание в совокупности с принципами и установками даст тебе возможность контролировать концентрацию внутри себя и получать удовольствие на грани возможного, — закончил Иван.

Гари впервые осознал смысл этих простых понятий, которые раньше неоднократно слышал в разных вариациях. Главное, он увидел свои ошибки, совершаемые в жадной погоне за удовольствиями.

Весь день прошел спокойно — в общении, в играх и легких расслаблениях. Гари познакомился с известными людьми, которые на публике казались порой заносчивыми, однако здесь вели себя более чем корректно.

Ощущение легкости и беззаботности поражало сознание Гари, а главное — ему нравилось состояние, когда никуда не нужно бежать и спешить. Он приоткрыл лишь одну из дверей знаний, и перед ним открылось еще десять новых, которые захватывали дух от неизведанного. Как будто прочитав его мысли, Иван спросил:

— Что, никуда не нужно торопиться?

— Да уж... даже странно! — ответил Гари.

— Ритм задает социум, который тебя окружает. В Москве изо всех щелей сквозит ценность денег, потому что успешность воспринимается только их наличием. На самом деле успех — это реализация своих целей, а не общепринятых. В современном мире ценности другие, и успешен тот, у кого много денег и власти. Люди, попадая в мегаполис, видят вокруг большое количество денег и пытаются их получить, отчего темп жизни нарастает. Что говорить, даже желание соответствовать окружению заставляет людей суетиться, отчего жизнь походит на соревнование. Люди становятся раздражительнее, даже когда нет причины, могут быстро ехать в пробке, злясь на других водителей, хотя при этом могут никуда не спешить. Здесь все по-другому, потому что все здесь успешны, а успех не измеряется количеством денег на банковских счетах, — сказал Иван.

— Да, кстати, ты говорил про пятое правило при восхождении на гору удовольствия, — решил уточнить Гари.

— Я думал, что ты мне расскажешь.

— Я не знаю, — ответил Гари.

— Знаешь, практически все альпинисты погибали из-за одной причины. Они были нацелены на результат, и получали удовольствие не от процесса восхождения, а от результата покорения вершины. В погоне за этим удовольствием они не жалели ни сил ни средств, избавляясь от всего им мешающего, бросая все на достижение цели. Сколько случаев было при покорении Эвереста, когда многие, пытаясь покорить вершину, проходили мимо умирающих или травмированных альпинистов, не оказывая им никакой помощи, оставляя их на верную смерть, потому что это могло помешать им достичь своей цели. Когда твое удовольствие — это достижение цели, то для получения его ты можешь бросить все

силы, забыв про мораль и безопасность, что и приводит к гибели души или тела. Достигнув цели, ты начнешь искать новые и новые удовольствия, однажды переступив черту...

— Какую черту? — осторожно спросил Гари.

— Если переступишь, то этого не заметишь, а если нет, то сам поймешь, что это за черта, — задумчиво и загадкой ответил Иван.

— Так что же пятое? — не унимался Гари.

— Пятое — это получать удовольствие от того, что есть сейчас, от процесса, а не от достижения результата. Да, и уважать любую гору, на которую всходишь, ограничивая себя в маршрутах, которые могут быть сильнее тебя, — ответил Иван.

Вечером на большой сцене намечалось театральное представление, на которое Иван рекомендовал сходить, поэтому Гари решил больше не загружать себя знаниями, полученными от него. Вкусно поужинав в компании интересных людей, он вместе с ними направился к открытой сцене.

Всегда скептически относящийся к театру Гари на этот раз оказался поражен. Дело было вовсе не в сюжете представления и не в том, что одной из актрис была Мила Йовович. Просто на сцене чувствовалась такая энергетика, что грудь разрывало от эйфории.

Вихрь страстей, чувств и эмоций полностью захватил сознание зрителей, а актеры играли так, что буквально «умирали» на сцене.

Раньше Гари считал, что актеры театра и кино незаслуженно получают огромные деньги за представления или фильмы. Увидев, сколько энергии отдают на сцене актеры, и поняв, что каждое представление — это проживание маленькой жизни, Гари кардинально поменял свое мнение. Мила Йовович, американская актриса с украинско-сербскими корнями, поразила Гари больше всего, и не оттого, что он видел фильмы с ее участием, а потому, что она и была сценой. Своей игрой Мила поднимала эмоции на самый верх, а потом бросала их на землю, чтобы через мгновение снова поднять.

Под конец представления в черное небо взвились салюты, и Гари показалось, что он начинает терять сознание от всего происходящего и от нового, ранее неведомого чувства.

После представления кто-то остался около сцены разговаривать и сидеть за столиками, а остальные разошлись по своим делам. С набережной реки в черное небо взлетели фонарики с огнем, словно медленные искры большого костра счастья стремились еще дальше — в черное бесконечно небо.

Актеры и многие зрители пошли в большой бревенчатый трехэтажный дом, размерами похожий больше на коттедж. Там в просторном зале был организован фуршет, оформленный не хуже современного корпоративного банкета, за исключением того, что официанты отсутствовали вообще.

Посмотрев на бар, Гари, повидавший многое, удивился в очередной раз. Разнообразие напитков могло сравниться только с магазином элитного алкоголя на центральной улице какой-нибудь европейской столицы. Решив не экспериментировать, Гари взял виски *Green Label* со льдом.

— Why don't you take Cola? — искренне удивился большой рыжеволосый мужчина, похожий на ирландца.

— I prefer whisky on the rocks, — улыбнувшись, ответил Гари, после чего ирландец расхохотался, подмигнул и отошел в сторону.

Гари был восхищен игрой Милы Йовович на сцене и не мог отвести от нее глаз на фуршете, на котором она также присутствовала. Она не выпускала из рук бокал с

шампанским и постоянно была в какой-нибудь компании, громко смеясь и разговаривая. Что-то необыкновенное было в ней, притягивая и не подпуская к себе, но что именно, Гари понять не мог.

Изрядно выпив, но так и не опьянев, он оказался в компании с Милой Йовович, которая разговаривала по-русски с какой-то девушкой. Встретившись взглядом с Милой, Гари вздрогнул, словно его ударило молнией. Он понял, что именно было в ней не так. Привыкнув за несколько дней к зеленым глазам, он заметил, что цвет глаз Милы был не совсем такой, как у всех. Один ее глаз оказался зеленым, а другой — голубым. Это сочетание было великолепным, но, в свете последних событий, произошедших в жизни Гари, это было нетипично. Поймав и словно прочитав его взгляд, Мила улыбнулась и сказала:

— Ні... Have you got a question?

— Нет, просто ваши глаза... — почему-то по-русски пробормотал Гари.

— Красивые? — кокетливо спросила Мила.

— Ну... они... другие и разные, — ответил Гари.

— Ну, и я другая и разная, — расхохотавшись, с милым акцентом ответила Мила.

Дальше Гари общался более уверенно, и через какое-то время, несмотря на разницу в возрасте и ментальности, они уже разговаривали, как старые друзья. Мила Йовович естественно смеялась над шутками Гари, а он просто не мог поверить, что общается с «пятым элементом», по которому сходил с ума еще в детстве.

Они непринужденно беседовали, и как-то незаметно оказались на открытой деревянной террасе, где их общение было уже похоже на свидание близких людей. Гари смотрел в глаза Милы, и ему хотелось кричать, плакать, смеяться — в общем, все, что он только мог себе представить. В этом кураже они оказались совсем близки к тому, о чем еще пару месяцев назад Гари даже мечтать не мог. Но в самый ответственный момент Мила, улыбнувшись, сказала:

— Стоп. — Прижимая палец к его губам, она слегка оттолкнула Гари.

— Основной смысл — получать удовольствие... — начал было говорить он, но Мила перебила его.

— Ты не до конца еще осознал смысл услышанных здесь слов, и самое большое удовольствие для тебя будет, если у нас с тобой ничего не будет, — без тени оскорбления или пренебрежения сказала она.

— Но как же ты? Ты же тоже хочешь этого... — пытался запрыгнуть в уходящий поезд Гари.

— О, я найду, как себя расслабить, — загадочно сказала она и, поцеловав Гари чуть выше губ, вернулась в компанию, которая находилась в зале.

Гари остался стоять, переполненный чувствами растерянности, смятения, возбуждения и непонимания. Придя в себя от всего, что с ним произошло, он спустился вниз, где в очередной раз встретился с игривым взглядом Милы, которая вела себя так, как до общения с ним.

В этот момент его отвлек Иван, появившийся практически из ниоткуда.

— Ну, как ты? — Он дружески хлопнул Гари по плечу.

— В смешанных чувствах, — ответил Гари, но тут же спросил: — Скажи, а Милны бывают с разными глазами?

— С разными глазами может быть кто угодно. Повторюсь, что с разными глазами может быть и животное, но может быть и человек из рода Милнов или Ивори... и даже

Ханотов. Есть уникальные люди, которые могут чувствовать всех, но они не принадлежат ни к какому роду и одновременно принадлежат ко всем. Они чувствует оба рода или даже все три. Но чаще всего это Милны и Ивори, которые похожи по некоторому строению и структуре, — ответил Иван, а потом, лукаво улыбнувшись, спросил: — Ты заинтересовался Милой Иовович?

— Ну... да нет... просто у нее глаза разные... — начал бормотать Гари.

— До нее ты еще не дорос, у тебя энергии маловато, — сказал Иван.

— В каком смысле «мало энергии»? — не понял Гари.

— Ну, она пока существенно сильнее тебя и знает это, поэтому между вами быть ничего не может... пока. Ты, может, и получишь удовольствие, но она точно нет, поэтому расслабься и развивайся. Тем более она другая... и может быть с любым из любого рода, так как чувствует и понимает их лучше, чем мы их понимаем! Ты пока не заморачивайся, живи и радуйся, в скором времени все поймешь, — серьезно завершил разговор Иван.

Гари в скором времени растворился в клубах дыма, алкоголе, веселье и компании разных людей, так что утром он проснулся с мыслями о вчерашнем вечере. Ему было о чем подумать в этот солнечный день, тем более что выходные заканчивались и должны были наступить будни, о которых он ничего не знал. Честно говоря, Гари устал отдыхать, и было желание чем-то себя занять, чтобы было интересно и полезно одновременно. Он еще лучше осознал значение слов Ивана, о том, что ценность удовольствий в сдерживании и чередовании и что «перед новой порцией суши необходим имбирь».

Начались будни, и Гари принялся «искать себя» в полезности обществу. Он был сильно удивлен тем, что раньше все его дела так или иначе были связаны с деньгами, даже мечты и желания упирались в суммы. В этом уникальном месте не было намека на деньги вообще, и первое время Гари просто не знал, чем заняться. Он понял, что практически ничего не умеет делать. Тысячи направлений, чем себя можно занять, отметались сначала как неинтересные, но истинный мотив был в непрестижности, связанной с низким заработком. Постепенно Гари избавлялся от стереотипов, видя, как известные люди «из телевизора», совершенно не гнушаются разной работой, даже иногда очень «пыльной». Гари пробовал себя во всем: в ремеслах, в умственном труде и даже в ораторском искусстве, но больше всего, как ни странно, ему понравилось ловить рыбу и потом готовить ее на кухне. Если бы раньше Гари сказали, что это то, чем он будет заниматься и от чего будет получать удовольствие, он бы никогда не поверил, потому что всегда считал, что все рыбаки — придурки, а повара — чернорабочие.

Узнав, что многие обитатели поселения живут здесь до глубокой осени, Гари захотел остаться со всеми, познавать новую жизнь, а уж потом решить, что делать дальше.

ИВИДЫ РОДА

Декабрь 1885 года. США

— Мистер Томас, могу я рассчитывать на прибавление к жалованью в новом, восемьдесят шестом году? — на ломаном английском спросил высокий усатый мужчина, на вид лет тридцати.

— Что?! О какой прибавке ты говоришь? Прибавка положена только тем, кто отлично работает! — повышая голос, ответил мужчина лет сорока, по-видимому, являющийся его боссом.

— Но я практически живу на работе. Мои изобретения приносят основную прибыль вашей компании, — пытался оправдаться подчиненный.

— Ты говоришь о прибыли? Что ты вообще понимаешь в ней? Я начал работать в тринадцать лет, продавая газеты в поездах, уходящих из Детройта. Я выходил в семь утра и приходил в девять вечера, а в двадцать три года у меня уже была своя компания, численностью в пятьдесят человек. Мои изобретения — это революция в энергетике нашей страны! А ты мне говоришь что-то про прибыль от своих изобретений! Ты еще смеешь говорить о прибавке к жалованью?! — окончательно завелся босс и разразился оскорблениями.

— Но вы в мае мне обещали, что, если я смогу улучшить изобретенные вами двигатели постоянного тока, вы мне заплатите пятьдесят тысяч долларов. Я сделал новые модификации ваших двигателей со значительно лучшими характеристиками, чем прежние, — не унимался работник.

— Ты как эмигрант просто пока не понимаешь американского юмора. Это была шутка, — сказал босс.

— Я могу идти, мистер Томас? — сухо прервал его молодой ученый.

— Иди и работай, чтобы твои изобретения были хоть кому-нибудь полезны, — ответил руководитель компании.

Чувство несправедливости сжимало грудь, особенно оттого, что отчасти Томас был прав: Никола не разбирается в бизнесе, и его изобретения действительно не приносили ему доходов, зато приносили их мистеру Томасу Эдисону, на которого он работал. Восточноевропейское мышление Николы не позволяло ему понять законы американского бизнеса, несмотря на то, что он проработал в Америке уже больше года. Переехав в 1884 году в Соединенные Штаты, он планировал заниматься наукой, но некоторые законы бизнеса так и не смог понять.

После неприятного разговора Никола вернулся в свой дом в Питтсбурге и принял решение уволиться, при этом продолжая работать над своими изобретениями по восемнадцать часов в день.

Март 1887 года. Нью-Йорк

— Здравствуйте, мистер Тесла. Как добрались? — задал вопрос дорого одетый высокий мужчина лет сорока пяти, с которым Никола Тесла встретился в ресторане.

— Спасибо, мистер Джордж, все отлично, — коротко ответил Никола.

— Перейду сразу к делу. Я знаком с вашими изобретениями и как бизнесмен и ученый хотел бы предложить вам работать на меня. Сразу не отказывайтесь — просто выслушайте меня до конца, — безапелляционно начал говорить Джордж. — Я успешный бизнесмен не

только потому, что разбираюсь в том, чем занимаюсь, но и потому, что умею уважать достижения и таланты других людей. Я поддерживаю начинания молодых дарований, давая им возможность реализовать свой потенциал.

Я искренне считаю ваши изобретения величайшими, а Эдисон, несмотря на то, что он талантливый изобретатель и ученый, еще и бизнесмен, который пользуется вами, как ресурсом, выжимая из вас все, — эмоционально сказал Джордж, что склонило Николу к принятию положительного решения, но все же он решил выдержать паузу, а Джордж Вестингауз тем временем продолжал: — Дело еще в том, что Эдисон упрям и очень зависит от бизнеса, особенно от тех финансистов, которые вложили деньги в развитие и монополизацию постоянного тока в Америке. Он не учитывает потери при передаче постоянного тока на большие расстояния и ресурсы, затраченные на кабели. У меня есть ресурсы, а у вас талант и изобретения, поэтому мы можем бросить вызов Эдисону и его монополии на использование электрического тока, — закончил свою мотивационную речь Джордж Вестингауз.

— Но все моторы работают на постоянном токе, — возразил Тесла.

— Вот вы и сделаете невозможное, — заявил Джордж.

— Я согласен, — коротко ответил Никола Тесла, не подозревая, что своим решением изменит мир.

15 мая 1888 года. Американский институт инженеров-электриков

Аудитория института была заполнена до отказа, так как тема лекции-презентации под названием «Новый мотор переменного тока» казалась революционной. В помещении было шумно и светло, пока не погас свет и кафедру не осветили разряды электричества, похожие на молнии, которые в темноте смотрелись очень эффектно. Постепенно становилось светло, и аудитория ученых, инженеров и студентов смогла разглядеть силуэт Николы Теслы. Своим появлением он, несомненно, произвел впечатление, однако презентация его изобретений обещала быть не менее интересной.

На лекции Тесла в очередной раз подтвердил старую истину, что все гениальное просто: его изобретение было основано на фундаментальных принципах, поэтому его легко понимали все.

Когда он демонстрировал, как его моторы могут менять направление движения, и доказывал, что передавать электроэнергию на большие расстояния можно без потерь, его голубые глаза светились таким же электрическим блеском.

Внезапно, раздраженный тем, что новичок-эмигрант захватывает внимание публики, профессор Томсон выступил с речью:

— Возможно, вам известно, что я также трудился над этой темой и уже сделал то же самое... — Он подробно, до деталей, описал принцип действия своего мотора, допустив ошибку, о которой потом долго сожалел.

Никола Тесла выждал время для решающего удара.

— Да, мистер Томсон, ваш мотор действительно так хорош, что все еще пользуется щетками, то есть коллектором, чего в помине нет в моем новом моторе, принцип работы которого полностью отличается от вашего, — весело ответил он под одобрительный гул аудитории, но при этом нажил себе злейшего врага, который злобно сверкал на него черными глазами.

В конце зала сидел Эдисон, пристально смотревший на сотрудника, которого практически сам выгнал из своей компании и изобретения которого стали теперь очень

неудобны для него и его предприятия. Сила денег была настолько велика, что в Эдисоне сейчас говорил не ученый, а бизнесмен, который уже начал придумывать схемы черного пиара для новых изобретений Николы Теслы.

Вскоре Тесла завоевал расположение ученого сообщества, нажив также и немало врагов, которые считали его сумасшедшим, но истинный мотив их ненависти был в зависти или нежелании принимать инновации. Многие говорили, что в его изобретениях нет ничего нового, что все когда-то об этом думали... Тем не менее этим выступлением в мае 1888 года Никола Тесла положил начало войне токов. Деньги, власть и личные интересы оказались настолько сильны, что данная война закончилась лишь более чем через сто лет, в 2007 году, чего гениальный ученый, стоя на данный момент перед аудиторией, знать не мог.

6 мая 1921 года. Нью-Джерси, США

— Не могу сказать, что я придерживаюсь ваших взглядов, дорогой друг, однако все равно рад вас видеть, — сказал Никола Тесла уже знаменитому на тот момент Альберту Эйнштейну.

— Ну, в этом мы с вами похожи. Я тоже не во всем готов с вами согласиться, — улыбнулся Эйнштейн и добавил: — Парадокс в том, что многие считают наши теории одинаково гениальными, а они противоречат ДРУГ Другу.

— Все люди гениальны, но каждый в своем. Если судить рыбу по ее способности лазить по деревьям, то она проживет всю жизнь, считая себя дурой, — сказал Тесла.

«Хорошая мысль», — отметил про себя Эйнштейн.

Их встреча состоялась во время посещения станции Маркони, после приветственной резолюции конгресса США. Никола Тесла был инициатором их разговора.

— Слышал, что вы женились, — заметил Никола.

— Да, как ни странно, мне это пошло на пользу. С семнадцатого года меня одолели болезни, но после женитьбы все так же быстро прошло, как и началось, — сказал Эйнштейн.

— А что с вами было, дорогой друг? — щурясь, спросил Никола.

— Да все подряд: печень, почки, язва желудка, слабость. Все болезни пришли из ниоткуда и непонятно как, — ответил Эйнштейн.

— Вы, как создатель теории относительности, не можете говорить о «ниоткуда» и «непонятно как», — улыбнулся Тесла,

— Да, вы подловили меня, — улыбнулся в ответ великий физик.

— Ваши болезни тоже были вам нужны. Значит что-то делали не так, — пошутил Тесла.

— Может быть, но, тем не менее, после женитьбы все как рукой сняло, — сказал Эйнштейн.

— Главное, чтобы ваши отличные идеи так же не сняло рукой... Женской рукой, — задумчиво произнес Никола.

— Что вы имеете в виду? — удивленно спросил Эйнштейн.

— Одна женщина может вдохновить на величайшие открытия простого человека, а другая может задушить великие начинания гения, — ответил Тесла.

— Все может быть, — ответил Эйнштейн, по тону которого было понятно, что эти слова ему неприятны.

— Могу предположить, что ваша женитьба повлияла на ваше понимание теории эфира, точку зрения на которую вы поменяли в прошлом году. Не могу полностью согласиться с ней, но ваша общая теории процесса, в результате которого атомы поглощают электромагнитное излучение, действительно меня заинтересовала, — признался Никола

Тесла.

— Спасибо, конечно, но почему вы не согласны с теорией эфира? Эта теория доказана мною, и пока никто не смог внятно доказать обратное, — попытался возразить Эйнштейн.

— Я доказал, — сказал Тесла, пристально посмотрев в глаза Эйнштейну. Его голубые глаза были статичны, но энергии в них было больше, чем в сорокадюймовым рефракторе Иерской обсерватории, возле которого они стояли. Эйнштейн немного смутился, но потом спросил:

— И когда же, позвольте узнать?

— В июне 1908 года...

25 июня 1908 года

— Это будет величайшее открытие, — вскидывая руки, говорил Никола Тесла накануне своего эксперимента. Он судорожно ходил взад-вперед по комнате, разговаривая сам с собой.

— Я смогу осветить дорогу к Северному полюсу, — возбужденно повторял он. — Это будет новое слово во всем, — говорил он себе.

В это время к нему зашла женщина, от взгляда которой он слегка вздрогнул.

— Ты уверен, что люди уже готовы к пониманию этих знаний? Ведь они могут попасть к Ханотам или даже к Милнам, — строго проговорила она.

— Приветствую вас, Беатрикс. Согласен, что это опасно, но нельзя же прекращать эксперименты! — возразил он.

— Ты понимаешь последствия для всех нас, если управлять энергией будет кто-то другой? Все мое время, но я считаю, что никто пока не готов к этому знанию, даже Ивори, — сказала она и вышла, оставив его наедине со своими размышлениями.

Долгое время Никола Тесла молча сидел в одной позе, и только к вечеру он вернулся в свое прежнее состояние и приступил к подготовке эксперимента.

30 июня 1908 года

Ранним утром небо над Восточной Сибирью в междуречье Лены и Подкаменной Тунгуски разорвал оглушительный взрыв, который был слышен за тысячи километров от его эпицентра. Яркая вспышка ослепила и без того солнечное небо так, что можно было подумать, что на небе два солнца. Сейсмическую волну зарегистрировали несколько сейсмостанций в России, Германии и других странах. В радиусе двухсот километров была выжжена земля и повалены деревья, словно произошел взрыв мощностью не менее сорокапятидесяти мегатонн.

Позднее данный взрыв назовут Тунгусским метеоритом, но слухов и гипотез возникнет множество — от инопланетного вторжения до взрыва природного газа над землей. В последующие годы будут предприняты десятки экспедиций, которые станут опровергать и доказывать все новые и новые версии катастрофы.

Однако на данный момент создателя этого взрыва мучили противоречивые чувства. Никола Тесла был напуган силой энергии в действии и доволен историческим прорывом в области физики и в понимании управляемости этой энергии.

В течение нескольких дней после взрыва он садился и вскакивал, хватаясь руками за голову, и все повторял:

— Люди к этому не готовы... Люди к этому не готовы...

Чувство сильнейшего страха было повсюду, но отсутствовало понимание, кто и отчего испытывает этот страх. Но он был, находясь как будто в пустоте. Постепенно разбросанные мысли начали собираться во что-то цельное, но все равно без своего «я». Через неопределенное время самоидентификация личности прошла, преодолев ту черту, когда память и сознание соединяются.

Лежа с закрытыми глазами, Андрей вспоминал свою жизнь, постепенно восстанавливая память. Он чувствовал себя, как человек, просыпающийся с похмелья, но все еще смотрящий очень яркий сон.

Прожитая часть жизни великого Теслы казалась Андрею сном, воспоминания о котором навсегда сохранятся в памяти. Андрей долго лежал с закрытыми глазами, словно боясь того, что, если он откроет их, то навсегда забудет о своем великом путешествии. Постепенно его собственные чувства и переживания начали вытеснять из сознания образ Николая Теслы. Открыв глаза, Андрей окончательно вернулся в свое состояние.

Вот только голова раскалывалась от дикой боли. Оглядевшись, он увидел, что находится в большой пустой комнате, напоминающей гостиничный номер.

До вечера к нему никто не зашел, и Андрей был этому рад, потому что хотел побыть один. Он постепенно ощущал, как уходит головная боль, а мысли становятся яснее. Вечером его покой нарушил как всегда радостный и энергичный Владимир, зашедший к нему в комнату:

— Привет, путешественник, как самочувствие?

— Ну... как-то не очень пока... Голова болит... — хриплым голосом ответил Андрей.

— Это нормально, ты еще молодцом держишься, — подбодрил его Владимир.

— Я... был... в начале двадцатого века... — начал было рассказывать Андрей, но Владимир прервал его:

— Я все знаю. Пока не напрягайся, потом расскажешь! Главное, что ты почувствовал Ивида рода Ивори, так как это ты и был. А сейчас отдыхай, завтра поедем в центр, с тобой хочет встретиться Николай Николаевич.

Снова оставшись один, Андрей упал головой на подушку и долго смотрел в одну точку, приводя в порядок свои мысли.

Молодой человек и девушка шли бульвару в центре Москвы и о чем-то разговаривали. Точнее, говорил больше молодой человек, а девушка только слушала. Со стороны можно было понять, что молодой человек пытается казаться интересным для девушки, однако особой радости на ее лице не прослеживалось.

Девушкой была Лиза, которая встретила с Андреем в клубе и до сих пор считала его погибшим, периодически виня себя в его смерти. Лизе все подряд говорили, что ей необходимо развеяться, и что самое лучшее средство для этого — новый роман.

У Лизы уже не осталось той легкости, которая была ей присуща раньше, а ее огромные голубые глаза больше не блестели игривым огоньком. Молодые люди чувствовали это, и ухажеров стало существенно меньше. Но все равно попадались те, кто не чувствовал ее состояния, а ориентировался только на сигналы своего желания. Таким оказался и новый ухажер Лизы Сергей. Он был внешне интересным высоким брюнетом с большими карими глазами. Сергей мог нравиться многим женщинам и знал об этом. В жизни он мало

задумывался о себе и об устройстве мира, так как это ему было неинтересно. Складывалось впечатление, что единственное, что его заботило в жизни, — это желание добиться первой близости. Обладая в юности привлекательной внешностью, он достаточно рано достиг желаемого с женщиной, поэтому можно было подумать, что его развитие остановилось в том возрасте. Конечно, он развивался: учился в каком-то институте и казался вроде неплохим парнем, но это был его предел.

Сергей познакомился с Лизой на улице, и после нескольких встреч с ней его багаж интересных историй иссяк, а все его рассказы сводились к описанию каких-то пьянок и к тому, что какой-то очередной друг вел себя по-скотски. Ему сложно было развеселить Лизу, и он чувствовал себя с ней некомфортно, а поэтому начал уже практически открыто говорить про секс.

«Хороший секс — самое лучшее лекарство. Надо, чтобы кто-то отдрал тебя как следует, — вертелись в голове Лизы слова ее подруги, поэтому она не отказалась от предложения Сергея поехать к нему на ночь, когда его родители уехали в деревню на Украину.

Их первая близость была неудачной. С точки зрения физиологии все было нормально, но Лиза казалась еще более безразличной, чем при обычных встречах. Она, конечно, пыталась расслабиться, да и Сергей, который привык работать в сексе только на себя, старался применить все искусство Казановы. Но в итоге, доставив себе удовольствие, он, не привыкший вникать, о чем думает его партнер, отвалился и заснул. Лиза в ту ночь не спала, пытаясь разобраться в своих мыслях. Она не чувствовала его, не возбуждалась от его красивого тела, и еще было что-то такое, что отталкивало от него.

Две следующие интимные встречи не сильно отличались от первой, но Лиза, по понятным только ей причинам, не уходила от Сергея. Она просто жила, и, наверное, ей нужно было, чтобы кто-то был рядом. Сергей пару раз спрашивал ее, почему она такая странная, но в ответ слышал, что все в порядке.

Они встречались уже три месяца, однако в отношениях с Сергеем у Лизы не изменилось ничего, скорее, он ее даже раздражал, но она все равно ничего не меняла в своей жизни. На ту очередную прогулку Лиза пошла, потому что, как ей казалось, так надо было. Она думала о чем-то своем, иногда поддакивая Сергею.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЭЛЬХАНА

Самолет летел уже более трех часов, заняв свой эшелон в воздухе и иногда дрожа всем фюзеляжем при малой турбулентности. В салоне было довольно тихо, лишь фоном ровно гудели двигатели. Внезапно загорелось табло «Пристегните ремни», и самолет стал постепенно снижать высоту, готовясь к посадке.

Эльхан открыл глаза и, не меняя своего положения в кресле, смотрел в одну точку. Его спутник, турок невысокого роста, продолжал спать. Эльхан не испытывал к нему симпатии, но за время нахождения в Сирии и рядом с Темиром научился не задавать вопросов и сдерживать свои эмоции. Зачем он летит в Москву и как надолго, Эльхан не знал, да и не было ему интересно.

Мягко коснувшись земли, самолет начал торможение, и Эльхан растолкал своего спутника. На выходе их ждали двое крупных мужчин, похожих на татар. Практически не общаясь, они вчетвером сели в большой черный внедорожник «мерседес» и направились в сторону Москвы.

Немного потолкавшись в утренних пробках, они въехали в центр города. Эльхан отметил, что водитель, несмотря на престижность и габариты машины, вел аккуратно, вежливо уступая дорогу другим участникам движения. Подъехав к одному из старых особняков, они остановились около ресторана, на вид ничем не отличавшегося от множества других.

Зайдя внутрь и поднявшись на второй этаж по служебной лестнице, они оказались в большом зале, обставленном иначе, чем первый этаж ресторана, что указывало на то, что сюда обычных посетителей не пускают.

Когда они прошли в отдельный кабинет, навстречу вышел улыбчивый молодой мужчина среднего роста и крепкого телосложения. Эльхан заметил край татуировки на его шее, которая, очевидно, что-то обозначала. Вообще, внешне этот мужчина больше напоминал якудза, особенно благодаря татарскому разрезу глаз и полностью лысой голове.

Мужчина по-дружески обнялся со спутниками Эльхана, спросив их о чем-то по-татарски, а потом повернулся к Эльхану и посмотрел ему прямо в глаза.

— Рустам, — представился он, продолжая улыбаться.

— Эльхан, — не отводя взгляда и пожимая протянутую руку, ответил Эльхан.

Они несколько секунд смотрели друг другу в глаза, и Эльхан почувствовал, как его ноги становятся ватными, а тело начинает терять силу.

Несмотря на то, что все эти ощущения он испытывал всего несколько мгновений, Эльхан понял, насколько он слабее Рустама. Со стороны это не было заметно, так как приветствие заняло несколько секунд, и Рустам продолжал улыбаться, приглашая гостей за стол.

Они долго разговаривали ни о чем, пока не поели и не обсудили самые разные темы. Внезапно Рустам серьезно посмотрел на Эльхана и сказал:

— Эльхан, я вижу в тебе великого Хана великого рода Ханотов. Мы находимся в постоянной борьбе с Ивори, особенно в России. Тебе необходимо начинать помогать роду. Темир хорошо подготовил тебя, но силу ты получишь от побед. Настало время действий.

Когда Рустам обратился к Эльхану, его голос изменился, став четким и металлическим, а главное, энергия его слов дошла до всех клеток тела молодого человека. Эльхан вспомнил,

что значения слов составляют только семь процентов смысла, а все остальное — энергия слов и тела. Ему даже показалось, что энергия и слова Рустама находились в соотношении девяносто девять к одному, что Рустам мог говорить что угодно, а Эльхан все равно бы понял, что тот хочет сказать.

— В Казани есть проблемы официальной власти с настоящей. Они обнаглели вконец. Ты завтра полетишь туда и решишь этот вопрос. Детали узнаешь на месте, — закончил Рустам, передав Эльхану конверт.

Потом Рустам ел, пил, разговаривал и много шутил со своими гостями, а Эльхан переваривал информацию, время от времени поглядывая на улыбчивого хозяина стола и понимая, что его внешность может быть очень обманчивой для простых людей. Чем больше Эльхан смотрел на Рустама, тем больше тот подходил под описание, которое он когда-то слышал про идеального руководителя: «Железная рука в мягкой перчатке».

Закончив кушать, Рустам улыбнулся и обратился к спутнику Эльхана, который летел с ним из Турции:

— Джемал, наш брат идет на большое дело, времени отдыхать там не будет, поэтому пусть он сегодня хорошо отдохнет.

Джемал кивнул и куда-то вышел, а Рустам, улыбаясь, обратился к Эльхану:

— Ты, наверное, совсем одичал в пустыне без женщин?

— Да я это... — начал было говорить Эльхан, но Рустам перебил его:

— Отключись сегодня от мыслей, сними напряжение с красивыми женщинами.

Вечером Эльхана отвезли в шикарные апартаменты с сауной и большим бассейном с кинотеатром. Две красивые брюнетки проводили его внутрь и помогли раздеться. Он долго плавал с девушками в бассейне под какой-то фильм, потом они его парили в нескольких банях, при этом не обнажаясь. Во время профессионального массажа Эльхан решил перейти к кульминации сегодняшнего расслабления. Начиная гладить их тела, он не сомневался, что сегодня ему предстоит долгожданный секс, причем сразу с двумя одновременно. Увидев его настроение, они ласково отвели его в большую комнату с огромной кроватью. Эльхан лежал на кровати, готовый уже схватить девушек и разорвать остатки их одежд.

Внезапно распахнув двери, в комнату вошла высокая стройная девушка лет двадцати пяти. Смуглое красиво тело и немного раскосые черные глаза выдавали в ней гремучую смесь кровей. Ее тело было идеально, она напоминала героиню известной компьютерной игры. Длинные густые черные волосы треугольником вниз доставали почти до пояса, а в черных глазах горел такой огонь, что Эльхану стало немного не по себе.

При виде ее две девушки, которые обслуживали Эльхана весь вечер, куда-то быстро исчезли, но он этого даже не заметил, потому что не отрывал взора от новой гостьи. Он присел на краю кровати, пытаясь что-то сказать, но та подошла к нему почти вплотную и поставила одну ногу на кровать. Голова Эльхана была на уровне ее пояса, поэтому он практически смотрел под юбку, которую, скорее, можно было назвать накидкой. Под накидкой ничего не было, и это стало последней каплей. Кровь в нем закипела и ударила в мозг. Резкий толчок гостьи повалили Эльхана на спину, после чего сцену, которая происходила на кровати, человеческой назвать было невозможно: они, словно два диких животных, сцепились в смертельной схватке, издавая нечленораздельные звуки. Эльхан на мгновение подумал, что не он использует эту красотку, а она делает с ним, что сама захочет. Спустя некоторое время, находясь почти без сознания, Эльхан очнулся на полу, с расцарапанной кожей, а его недавняя партнерша, в похожем состоянии — лежа на животе на

кровати.

Привстав, Эльхан посмотрел на нее, в очередной раз восхитившись ее телом. Мышцы на спине и на ногах девушки были напряжены, что придавало ей вид амазонки. Этого вида, блеска ее глаз и запаха, хватило, чтобы Эльхан снова накиннулся на нее и это безумие повторилось снова.

— Как тебя зовут? — спросил Эльхан.

— Лена, но все меня зовут Зена, — ответила гостья.

Эльхан впервые услышал, как она произносит слова, а не издает стоны. Удивившись русской речи и русскому имени, Эльхан уточнил:

— Почему Зена? Как Зена — королева воинов?

— Ну... типа того.

— Скажи, а ты кто? — спросил Эльхан.

— Я теперь твоя жена... Так решил наш род, — ответила Зена.

МИССИЯ В КАЗАНИ

За рулем внедорожника Андрея сидел Владимир, который вез его в Москву на встречу с Николаем Николаевичем. Андрей ехал на пассажирском сиденье, молча переваривая то, что случилось в последнее время. В голове все смешалось, и почему-то хотелось встретиться с Николаем Николаевичем. Без труда добравшись до центра Москвы, внедорожник заехал в подземный гараж одного из неприметных строений. Андрей был удивлен, увидев электронную систему безопасности, которая ненавязчиво защищала это ничем не примечательное здание от проникновения чужих.

Пройдя в кабинет к Николаю Николаевичу, Андрей на мгновение встретился с ним взглядом, едва уловив что-то такое, чего ему не хватало в жизни. Как будто Николай Николаевич, несмотря на озабоченность на лице, рад был их встрече.

— Привет, Андрей, рад тебя видеть в наших рядах с новым мышлением, — поприветствовал его Николай Николаевич.

— Здравствуйте, Николай Николаевич, — поздоровался Андрей, а Владимир только кивнул головой.

— Вижу, у тебя есть, что мне рассказать и о чем у меня спросить, но это потом, со временем. Сейчас есть важная задача, и тебе необходимо ее выполнить, уже без Владимира. Он будет заниматься новым проектом, к которому ты подключишься позже, — начал говорить Николай Николаевич, не сводя глаз с Андрея, который не мог понять, что было на уме у хозяина кабинета. Как будто последний хотел ему что-то сказать, но по каким-то причинам не мог этого сделать.

Андрей также понимал, что Николай Николаевич знает, что Андрей чувствует какую-то недоговоренность, но озвучивать ничего не стал. Николай Николаевич тем временем продолжал:

— В Татарстане власть Ханотов ослабла в последнее время, поэтому необходимо обеспечить поддержку влияния нашего рода в этом регионе. Тебе необходимо поехать туда, в местное отделение ФСБ, где недавно на высокий пост назначен наш человек. Нужно незаметно обеспечивать его охрану и провести несколько мероприятий. Более подробно тебе на месте расскажет наш сотрудник. Это все.

Владимир еще на некоторое время задержался в кабинете, а когда вышел, они поехали пообедать в ресторан. Владимир дал Андрею некоторые вводные относительно его будущей миссии.

— Ты поедешь туда под другим именем и с разработанной для тебя легендой. Ты — богатый, но бестолковый папенькин сынок, который не оставляет попытки начать самостоятельный бизнес. В Казани ты хочешь купить здание в центре под частную гостиницу, чтобы потом раскрутить сеть. Твоя задача показать, что ты лох, но у тебя есть деньги и поддержка папы, — начал инструктаж Владимир.

— Но как мне показать, что я лох, — спросил Андрей.

— Будь собой, — пошутил Владимир. — А если серьезно, то ничто так не определяет некомпетентность, как постоянное употребление в разговоре сложных терминов, типа: «инвестиции», «точка невозврата», «капиталовложения» и тому подобное. Главное, когда будешь это говорить, делай лицо серьезным, подтверждая фразу: «Остерегайтесь специалистов с серьезными лицами, потому что именно с этими лицами делаются самые

большие глупости». Если выдашь себя хоть в чем то, ты пропал. Помни об этом! — сказал Владимир, передав Андрею конверт с новыми документами, золотой карточкой, наличностью и дорогими часами. — Наш коллега тебя уже «продал» заинтересованным людям в Казани, но перед этим с тобой хотел бы встретиться один из них, который в данный момент находится в Москве. Помни: ты — Веселовский Евгений, и твоя легенда начинается уже сейчас. Звони ему, — закончил Владимир и передал Андрею бумажку с номером телефона.

Позвонив и договорившись о встрече, Андрей сел в «Ленд Ровер» и отправился в назначенное место, благо ехать было недалеко. Припарковав машину, он зашел в ресторан на Чистых прудах, где сразу увидел молодого человека лет тридцати, сидевшего за столиком на летней веранде. Представившись Евгением, Андрей вошел в роль и начал рассказывать о своих бизнеспланах. Через какое-то время человек, который представился Павлом, допив кофе, предложил пройти по бульвару и продолжить беседу. Правды ради надо заметить, что Андрей уверенно играл роль великого «бизнесмена» с планами покорить мир.

Беседа о перспективах рынка Казани, Андрей вдруг почувствовал, как бешено застучало его сердце, готовое выпрыгнуть из груди. Ноги подкосились, внизу живота разлился холодок, все его тело обдало жаром.

Навстречу им шла... Лиза с каким-то молодым человеком, который ей что-то живо рассказывал. Лиза подняла глаза, и на расстоянии пяти метров их взгляды встретились.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Время остановилось, в больших голубых глазах Лизы Андрей прочитал все эмоции одновременно: ужас, радость, страх, изумление, испуг, вопрос, ненависть, любовь...

Несмотря на то, что время остановилось, ноги все равно предательски шли, сокращая дистанцию между ними. словно в вакууме, они приближались друг к другу, хотя со стороны это было не заметно, просто на секунду Андрей запнулся, а потом снова что-то стал говорить. И тут, разорвав воздух и сознание Андрея, прозвучал божественный и в то же время дрожащий голос Лизы:

— Андрей?.. Это ты?..

— Нет, вы ошиблись, — совершенно чужим голосом ответил Андрей. Ему не нужно было изменять голос, чтобы его не узнали, просто тот ответ был действительно не его.

Павел немного удивленно посмотрел на Лизу и ее спутника, которые остановились, но, пройдя мимо, продолжил слушать Андрея, уверенно сдавшего экзамен в театральное училище.

Андрей шел и что-то говорил заинтересованному человеку из Казани, но мысли его остались на бульваре, где он встретился с Лизой. Все его существо хотело развернуться и побежать туда, где осталась Лиза... и чей взгляд он чувствовал спиной еще некоторое время. Андрей ненавидел нового знакомого Павла, который стал помехой встрече с Лизой, и в то же время был благодарен ему за то, что они, хоть и случайно, встретились. Тем не менее оставаясь профессионалом, Андрей пообщался с Павлом еще минут тридцать, после чего попрощался с ним, договорившись о встрече с партнерами в Казани. Расставшись с Павлом недалеко от станции метро «Чистые пруды», Андрей стремглав помчался в сторону того места, где он встретил Лизу. Но там уже никого не было...

Юн жив... жив... жив! Это был точно он. Почему... почему... он не узнал меня? Что теперь делать?..» — миллион мыслей металась в голове Лизы, не давая ответа.

Пройдя в глубокой задумчивости несколько метров и не отвечая на вопросы Сергея, она

вдруг резко остановилась и сказала:

— Мне надо идти. Не звони мне больше... Пока.

Развернувшись, Лиза пошла в сторону метро. Она не шла — она летела, сама не зная, что с ней, а Сергей, не привыкший анализировать и выяснять природу вещей, постоял пару минут и зашагал дальше по жизни, комфортно чувствуя себя в своем маленьком мирке.

* * *

Эльхан и Андрей прилетели в Казань в один день, но только разными рейсами и тут же отправились каждый по своим делам.

Андрея встретили люди, о которых говорил Владимир и с которыми он должен был играть роль богатого папенькиного сынка. Встретив его по восточным обычаям, «деловые» люди повезли Андрея в дорогой ресторан. Долго разговаривая ни о чем, Андрей отлично играл роль избалованного отпрыска, рассуждая о рынках сбыта и о новых проектах. Потом они проехали по нескольким увеселительным заведениям, где он старался оплачивать счета сам, небрежно обращаясь с деньгами. Когда гости стали отказываться и платить за него, ему показалось, что ему верят, поэтому переигрывать он не больше не стал. Андрей поймал себя на мысли, что если бы он действительно был «богатым отпрыском», то сразу бы задумался о том, почему ему оказан такой прием и что никто просто так ничего не делает.

В одном из элитных клубов, когда все четверо были уже в изрядном подпитии и клялись в вечной дружбе, Андрей вдруг поймал на себе пристальный взгляд черных глаз молодого мужчины, который быстро растворился в атмосфере всеобщего веселья.

Андрей был изрядно пьян, но его мозг отлично соображал, анализируя каждое слово его новых «друзей». Этот взгляд привел Андрея в такое замешательство, что он почти протрезвел. Он не боялся слежки за собой, он даже был к ней готов, просто эта секунда будто изменила что-то внутри, сделав тело напряженным, а ум ясным.

— Ты где так долго пропадал, Эльхан? — спросил его крупный мужчина, который был так накачан, что, казалось, у него отсутствовала шея.

— Да в туалет ходил. Скажи, Ринат, а ты знаешь эту компанию? — спросил Эльхан, показывая в сторону столика, где веселился Андрей с его новыми «друзьями».

— Тебе зачем? У нас своих дел полно, — ответил Ринат и добавил: — Пару из них знаю. Занимаются всем, что может принести деньги. Мы, кстати, их покрываем. Но ты не отвлекайся лучше, а меня дальше слушай. Нам кислород совсем перекрыли этим назначением. Эта собака обложила со всех сторон так, что мы достать его не можем. Хотели на взятке его поймать, так он вообще — неприступная крепость. Ивори своих везде ставит, здесь такого никогда не было. Надо решать с ним быстро.

— Убить? — спросил Эльхан.

— Нет, лишний шум нам не нужен. Нам только хуже будет, если этой мрази здесь понаедет. Надо хитрее быть. Подставить или сделать так, чтобы сам ушел. Надо думать, всем нам надо думать, — ответил Ринат.

— Можете на меня рассчитывать, — уверенно сказал Эльхан.

Обсуждая, что делать дальше, он не переставал размышлять о том молодом мужчине, с которым встретился взглядом. Так и не найдя ответа на свой вопрос, Эльхан искал глазами ту компанию, но никого там уже не было, и он мыслями вернулся к обсуждению.

Андрей хорошо вжился в новую роль, днем осматривая объекты, а вечером гуляя с новыми «друзьями», при этом каждый день связываясь с Владимиром и докладывая обстановку.

Через несколько дней Евгений, он же Андрей, определился с покупкой объектов, и они приехали в дорогую гостиницу, обсудить детали будущей сделки. Андрей до этого много говорил про своих влиятельных знакомых, которые помогают ему решать вопросы в бизнесе, и теперь он ненавязчиво поинтересовался:

— А как обстоят дела с местными обычаями и с решением разных вопросов, чтобы не было проблем?

— Все схвачено на самом высоком уровне, — ответил один из новых знакомых.

— Насколько высоким? — уточнил Андрей.

— На высшем уровне ФСБ Татарстана!

— Перед покупкой я хотел бы лично встретиться с кем-нибудь из принимающих решения и обсудить несколько вопросов. Мне необходимо знать, кто в дальнейшем будет страховать сделку и бизнес в городе, который я совершенно не знаю. В противном случае мой отец не одобрит перевод такой суммы, — заявил Андрей, медленно выговаривая каждое слово последнего предложения.

Его новые знакомые переглянулись между собой, явно не ожидая такого поворота событий от московского «мешка с деньгами». Сумма сделки была очень нескромная, даже по столичным меркам, поэтому возразить им было нечего. Ничего не ответив, они пообещали решить этот вопрос и вечером, перезвонив, сообщили:

— Дорогой, мы устроим тебе встречу с таким человеком, что ты забудешь про все свои сомнения!

Эльхан сидел молча и слушал, что ему говорят. Он не задавал уточняющих вопросов, а просто сидел и слушал, не упуская ни одной важной детали. Ринат познакомил Эльхана с заместителем начальника управления ФСБ по Республике Татарстан Ильнуром. Они втроем сидели за столиком на палубе небольшой моторной яхты, медленно курсирующей по широкому руслу Волги.

— Он очень хитрый, так просто не подобраться. Взятки не берет, не гуляет, в общем, никак себя не компрометирует, — продолжал медленно говорить Ильнур, отламывая кусок лежавшей на столе лепешки. — Сейчас совсем стало туго. Своих людей везде поставил, нам дышать нечем. Раньше даже подумать такого не мог, всегда порядок был. Каждому татарину нужен «бай», и наша контора отлично справлялась с этой задачей. Изменение выстроенных годами структур повлечет за собой много не самых лучших перемен в бизнесе. Новый начальник твердый, как шанкр, да и хитрый, как лис. Но, как говорится, хитрость лисы определяется не ее умом, а глупостью курицы. Поэтому наша вина тоже в том есть: мы расслабились и недооценили противника. Он не простой Ивори, это высокий уровень их рода. Вот почему, Эльхан, ты здесь, — сказал Ильнур, впервые пристально посмотрев ему в глаза. — Рустам — Хан рода Ханотов — говорит, что ты молодой великий Хан нашего рода. Что думаешь? Как нам по-умному убрать Ивори?

Эльхан, выдержав паузу, начал медленно, но четко говорить:

— Я придерживаюсь главного принципа воина: «Думай так, как думает твой противник». Основные ошибки, которые были у вас, заключаются в эгоизме и чувстве собственного превосходства. Мы думаем, как мы хотим, а он думает, как мы, поэтому он всегда на шаг впереди. Все наши действия предсказуемы, потому что он мыслит

принципами, а мы — фактами, он — стратегией, а мы — тактикой. Надо понять его цель и, отталкиваясь от нее, постараться предугадать, какие шаги он предпримет.

Ринат и Ильнур внимательно слушали Эльхана, который уверенно продолжал свой монолог:

— Уверен, что он попытается выявить, кто в конторе повязан деньгами и коммерцией. Для этого надо будет вытащить вас на поверхность. Что делает охотник, когда хочет поймать крупную добычу? Он не станет сидеть в джунглях и ждать, пока хитрый зверь выйдет на него. Он будет ждать его возле водопоя, где зверь появится обязательно, или подкинет ему хорошую приманку. Водопой — это ваши постоянные клиенты, и в опасной ситуации вы будете с ними осторожны и подставляться не станете, а вот с приманкой другое дело — чем вкуснее и большее приманка, тем легче поймать зверя, потому что его звериное чутье исчезает пропорционально размерам приманки, — проговорил Эльхан, а потом неожиданно спросил у Ильнура: — Скажи, Ильнур, были в последнее время интересные денежные предложения?

— Ну... — Ильнур переглянулся с Ринатом, как бы спрашивая его, можно ли полностью доверять Эльхану, но потом ответил: — Есть интересный проект. Завтра на встречу поеду, клиент хочет лично со мной познакомиться, чтобы удостовериться в сохранности инвестиций.

— Не кажется ли тебе это странным? — с сомнением произнес Эльхан.

— Да нет! За него авторитетные люди говорили, да и когда такие деньги вкладываешь, хочешь гарантий безопасности. Это нормально, — заверил его Ильнур.

— А часто с тобой лично хотят встретиться? Часто такие инвестиции из столицы приходят?

— Ну... разное бывает. Но такие суммы — редкость, да и встречался я только со своими... — начал вслух размышлять Ильнур.

— Есть хорошее правило: «Если что-то выходит за рамки обычного, надо на это обратить внимание, там возможен подвох». Расчет может быть простым: чем крупнее и слаще дичь, тем менее осторожен зверь. А то получается история, как с жадным таксистом, хочешь расскажу? — спросил Эльхан и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Так вот, такси останавливает опасный пассажир в опасном районе. Таксисту этот пассажир не нравится, но он все равно спрашивает, куда и сколько. Если пассажир предложит сто рублей, таксист откажется, а если тысячу, то согласится, думая, что в этом случае есть за что рисковать, и не понимая, что главная цена — это его жизнь. Жирный кусок слепит, и человек готов рискнуть, до конца не понимая, чем рискует. Если бы он честно задумался, почему пассажир платит такие деньги, то не посадил бы его в автомобиль. Все по классике: кто затеял охоту на автомобиль таксиста, тот предложит сразу высокую цену, — закончил свой рассказ Эльхан.

— Думаешь, подстава? — спросил его Ринат.

— Может, и нет. Может, действительно лох хочет расстаться с деньгами... В нашей ситуации все возможно, поэтому надо быть осторожнее. Я могу пойти на встречу, а тебе, Ильнур, лучше не светиться, — уверенно сказал Эльхан.

— Хорошо, только пусть Ринат пойдет с тобой, Эльхан, — после небольшой паузы согласился Ильнур.

На следующий день Эльхан в сопровождении Рината направился на встречу с Андреем и его новым знакомым. Встречу назначили в одном из самых дорогих ресторанов Казани.

Эльхан и Ринат специально задерживались, чтобы создать перед другой стороной образ очень важных персон. Андрей, в свою очередь, это прекрасно понимал, поэтому как ни в чем не бывало общался со своим знакомым, не выходя из роли Евгения. Однако чувство близкой опасности не покидало, но что именно его беспокоило, объяснить не мог.

Когда к ним подошли Эльхан и Ринат, Андрей сразу понял, что причина для беспокойства у него действительно была: он увидел тот взгляд, который поймал на себе несколько дней назад в клубе. Ни с каким другим взглядом он бы его не перепутал, а особенно те ощущения, которые он испытал тогда и испытывал сейчас. Андрей не мог объяснить себе, что конкретно он чувствует. Это было похоже на ощущение, возникающее, когда встречаешь очень хорошо знакомого человека, который тебе неприятен, и не можешь понять, откуда его знаешь. Как будто ты всю жизнь боялся его встретить, и неожиданно он появился. Взгляд Эльхана полностью парализовал Андрея. Он почувствовал в этих глазах такую силу, что ему захотелось убежать. А самое неприятное — Андрей понимал, что все его страхи читает Эльхан. Со стороны это трудно было заметить: всего лишь маленькая заминка и небольшая пауза в начале знакомства. Через несколько секунд Эльхан протянул Андрею руку и произнес:

— Эльхан.

— Евгений, — пожимая его руку, представился Андрей.

Затем все познакомились и начали разговор. Андрей старался не смотреть на Эльхана, чтобы скрыть свое беспокойство, все яснее понимая, что встречу он провалил. Минут через пятнадцать он почувствовал сильное сердцебиение, и его бросило в жар. Чем больше он об этом думал, тем хуже ему становилось. Эльхан, в свою очередь, казался внешне спокойным, но внутри его также бушевал ураган эмоций. В глазах Андрея он увидел что-то, чего никогда раньше не видел, и что ему не понравилось. Сам не зная почему, Эльхан почувствовал, что этот разговор становится ему неприятен, и что он постепенно выпадает из состояния уверенности. Словно в поединке, в котором он вначале выигрывал, а потом вдруг стал пропускать удары. Разозлившись, Эльхан взял себя в руки, стараясь понять суть проходящей беседы. Разговор как раз подходил к финальному моменту — обсуждению услуг от Федеральной службы безопасности. Когда Андрей спросил о том, кто будет помогать и кому платить, Эльхан неожиданно резко ответил:

— Платить будете налоги государству, под его защитой и будете.

— А сколько и кому? С кем вопросы обсуждать? Кому звонить? — попытался уточнить Андрей.

— Ну... сколько у нас налог государству? Его и платите. С государством и вопросы обсуждайте. А звонить? Я не знаю. Наверное, в полицию, если сложности будут. Я не знаю! — выпалил Эльхан, видя, как меняются лица сидевших за столом. — Мы, наверное, неправильно друг друга поняли. Мы только по объектам консультации даем: что выгоднее, а что нет с точки зрения бизнеса и инвестиций, а по остальным вопросам мы вообще не в курсе.

Эльхан и Ринат стали быстро собираться, спешно прощаясь с партнерами по переговорам. Пожимая руку Андрея, Эльхан еще раз взглянул ему в глаза. Им обоим не нужно было ничего объяснять, они поняли друг друга, словно два зверя, повстречавшиеся на водопое, где нельзя было вступать в схватку. Эльхан увидел настоящего Ивори, которого отвергал всем своим существом, словно ненависть поколений вселилась в его душу. Андрей, в свою очередь, познал другую силу, кардинально отличавшуюся от силы Ивори, каждой

клеточкой своего тела осознав всю их непримиримость.

— Почему мы ушли? Что ты там понес? — допытывался Ринат в машине.

— Это подстава, — уверенно сказал Эльхан.

Дальше они ехали молча, пока Ринат не прервал молчание:

— Как ты узнал?

— Я чувствую опасность. От него исходила опасность, и он не тот, за кого себя выдает.

Это даже не Ивори — это Ивид, — заявил Эльхан.

Через некоторое время, встретившись с Ильнуром, он рассказал ему, что Ивид, который приехал из Москвы, пытается добраться до него путем подставных действий.

— Провалившись, они придумают что-нибудь еще. Надо поразмыслить, зачем они это все устроили. Наверное, чтобы подставить тебя и выйти на остальных Ханотов, чтобы прижать их официально. Они поняли, что мы их раскусили, поэтому надо действовать активно, опережая противника. Во-первых, необходимо, чтобы ты прикрыл себя со всех сторон, где тебя можно скомпрометировать. Все, за что тебя могут поймать, необходимо ликвидировать. Левые заработки, крышевание, любовные утехи и непристойное поведение — все это должно быть исключено. Думаю, ты сам лучше знаешь, на чем тебя можно поймать, — втолковывал Эльхан Ильнуру, который внимательно слушал. Несмотря на то, что Ильнур был опытным оперативником, Эльхану он уже доверял и готов был следовать его рекомендациям. — Во-вторых, необходимо установить слежку за этим Евгением, коим он, вероятно, не является. И еще: ты должен пробить его по всем своим базам, но, скорее всего, там все чисто, если уж он по твою душу здесь.

Они наверняка подумают, что теперь мы захотим убрать твоего начальника под видом несчастного случая, поэтому усилят его охрану по всем периметрам. Пусть так и думают, а мы им в этом поможем — инсценируем пару попыток покушений, чтобы отвлечь их внимание. Мне тоже надо будет засветиться в слежке, чтобы этот Ивори меня заметил, и если он будет обеспечивать безопасность твоего босса, то значит они заглотили нашу наживку. В это же время группа твоих людей должна сострять на него компромат, чтобы он сам ушел, — закончил излагать свою тактику Эльхан.

Ильнур долго сидел молча, переваривая информацию, а потом сказал:

— Слышу слова великого Хана. Правильно о тебе Рустам говорил. Сделаем, как ты советуешь...

Андрей был обескуражен этой встречей в ресторане. Больше огорчало не то, что его раскусили и что теперь придется менять план операции, а то, что он впервые столкнулся с силой, которая была ему непонятна и перед которой он чувствовал себя уязвимым. Как будто охотник на акул вдруг упал за борт и оказался в воде нос к носу с хищницей. Андрей не мог объяснить словами свои ощущения, он только мог чувствовать, но, что с этим делать, пока не знал. Связавшись с Владимиром, Андрей рассказал о своем провале и предположил, что Ильнур, догадавшись, что под него «копают», может необдуманно решиться на то, чтобы убрать своего руководителя. Получив от Владимира рекомендации по охране важной персоны, Андрей приступил к скрытному наблюдению за объектом, как и еще несколько сотрудников ФСБ, усиливших охрану своего руководителя, не осознавая при этом, что реализовывает план Эльхана.

Эльхан же бросил все силы на реализацию второй части своего плана, то есть нахождения компромата на начальника управления ФСБ по Татарстану, в то время как тот принимал меры по обеспечению своей безопасности.

При проведении мероприятий по охране объекта Андрей замечал слежку за собой, организованную очень профессионально. Один раз, находясь в периметре объекта, он встретился глазами с Эльханом. Это было в оживленном месте, поэтому тот быстро растворился в толпе. Андрей знал, что может с ним встретиться, и даже желал этого, чтобы проверить свои ощущения. Владимир, узнав от него о том, что Эльхан был в периметре объекта, рекомендовал готовиться к активным действиям со стороны противника.

И действительно, на следующий день Андрей заметил возросшую активность вокруг объекта. Появились люди на неприметных машинах, которые вели слежку, причем делали это не совсем профессионально. Потом возле дома объекта начались ремонтные работы, которые, как выяснилось после оперативной проверки, были несогласованными и неофициальными. Сотрудники ФСБ задержали всех подозрительных лиц, но на поверку они оказались мелкими сошками, обыкновенными уголовными элементами, которых просто попросили следить за объектом или выполнять другие задания. Андрей понимал, что здесь что-то не так, но, что именно, не знал, так как практического опыта в подобных делах у него не было, поэтому план Эльхана пока работал.

Отвлекая основное внимание оперативников на предотвращение вероятного покушения, верные помощники Ильнура со всех сторон пытались подставить нового руководителя республиканского управления ФСБ. За несколько дней было расставлено несколько неплохих ловушек, одна из которых должна была точно сработать, и Эльхан с Ильнуром готовились нанести решающий удар.

Андрей очень вымотался за эти дни, находясь в постоянном напряжении и позволяя себе заснуть только в то время, когда спит охраняемый им объект. Он дремал в машине недалеко от улицы, на которой расположено здание регионального управления ФСБ, когда позвонил Владимир.

— Андрей, операция закончена, сегодня же вылетай в Москву «Аэрофлотом». Рейс в 19.10. В аэропорту тебя встретят, — коротко сказал он и положил трубку.

Ничего не понимающий Андрей пару минут посидел в машине, после чего поехал в гостиницу «Золотое кольцо» собирать вещи.

За час до этого звонка в кабинете заместителя начальника управления Федеральной службы безопасности Ильнура, раздался телефонный звонок:

— Ильнур Рашидович, зайдите ко мне.

Спокойный и уверенный голос в трубке заставил

Ильнура вздрогнуть, а его тело покрылось испариной. Ему всегда было не по себе, когда звонил новый шеф, но этот звонок не предвещал ничего хорошего. Войдя в кабинет, он сразу встретился взглядом с серыми глазами шефа, глазами Ивори. В кабинете возле окна спиной к двери стоял еще один человек, а сбоку сидели три старших оперативных работника из новой команды шефа. Человек у окна повернулся, и Ильнура прошиб холодный пот. Перед ним стоял практически второй человек в конторе, отвечающий за внутренний порядок и идеологию в органах. Его появление в кабинете шефа не предвещало ничего хорошего. Он пристально смотрел Ильнуру в глаза, отчего последнему захотелось убежать как можно дальше или вообще спрятаться под одеялом, как в детстве. Ильнур все понял: он уже не служит в конторе, его переиграли, вопрос только в том, как много на него накопили. Ход его мыслей прервал стальной голос шефа, который протянул ему папку:

— Здесь вся информация на тебя, Ильнур. И не только на тебя, но и на твоих людей в конторе, которые уже дают показания. Ты заигрался, Ильнур, пришли времена других, —

последние слова шеф произнес с особой интонацией, и Ильнур понял, что власти Ханотов в этой структуре уже не будет.

Вечером этого же дня Эльхану позвонил Рустам из Москвы.

— Эльхан, лети в Москву, твоя миссия в Казани закончена, — сказал Рустам и положил трубку.

Шасси самолета мягко коснулось взлетнопосадочной полосы аэропорта «Шереметьево», после чего лайнер, включив обратную тягу, начал тормозить. Андрею не терпелось узнать причину своего внезапного отъезда, но внешне он был спокоен. Его встретил голубоглазый сотрудник конторы, который повез молодого человека в Москву. Когда они выезжали из аэропорта, было еще светло, а когда заехали в знакомый паркинг одного из небоскребов Москва-Сити, уже начинало темнеть. При выходе из лифта Андрея встретил Владимир, который, улыбаясь, впервые позволил себе обнять его. Перекинувшись парой фраз, они пошли в кабинет Николая Николаевича, который, по словам Владимира, очень хотел встретиться с Андреем. Николай Николаевич, расставив руки, также обнял его.

— Поздравляю, Андрей, с почином тебя, — сказал он, по-дружески хлопая молодого человека по спине, а потом, не убирая рук с его плеч, торжественно произнес: — Задание выполнено, ты справился!

— Но я... ничего не сделал, я не... понимаю, — растерянно проговорил Андрей, однако Николай Николаевич перебил его:

— Все узнаешь, пойдем подышим на воздух.

Они вышли на крышу, и перед ними открылся сногсшибательный вид с высоты птичьего полета на вечернюю летнюю Москву. Начинало темнеть, и красное зарево заката расплывалось по всему урбанистическому горизонту. Тысячи желтых квадратиков светящихся окон начинали включаться, больших, маленьких и совсем точек, как звезды на небе раскинулись по всему горизонту вечерней Москвы. В соседней башне «Федерация» в зажжённых окнах можно было рассмотреть работающих людей, каждый из которых жил своей маленькой жизнью, считая, что она и есть мир. Миллионы таких мирков предстали взору Андрея и Николая Николаевича, но у них был свой мир и свои вопросы, которые требовалось обсудить.

Возле парапета находился столик, на котором стояла бутылка дорогого коньяка, немного легкой закуски к нему и три бокала. Николай Николаевич предложил присесть и выпить, а после нескольких минут любования видами Москвы, повернулся к Андрею:

— Скажу тебе сразу: ты не являлся основной фигурой в этой операции, но добавлю, что свою работу ты выполнил блестяще, даже несмотря на встречу в ресторане с Ханотом. Ты проиграл ту встречу, потому что это был Хан их рода, и у тебя просто не было шансов.

Они сильнее, и ты должен помнить об этом, чтобы не выходить на прямой контакт. Скажу тебе больше: это был не простой Хан, так как под его стратегию нам пришлось добавлять несколько шагов и переигрывать партию, которую мы выиграли с небольшим перевесом. — Николай Николаевич говорил, а Андрей вспоминал встречу с Эльханом и заново переживал те ощущения. Собравшись с мыслями, он спросил:

— А какова была моя роль в этой операции?

— Ты отвлекал внимание на себя в то время, когда Владимир с сотрудниками копали в том месте, на которое Ильнур не обращал внимания. Нам помог сотрудник из его окружения. Пока Ильнур следил за внешним периметром, то есть за тобой, его взяли изнутри. У него не хватило ума обезопасить себя со всех направлений. Позже я расскажу

тебе детали, но это было похоже на то, как взяли в свое время Аль Капоне. Американский гангстер отлично оградил себя от внешних угроз со стороны полиции и не был напрямую замешан в криминале, делая все руками других людей. Свою защиту он сосредоточил на криминальных делах, а его взяли за неуплату налогов, — сказав это, Николай Николаевич уловил едва заметное огорчение в глазах Андрея и постарался подбодрить его: — Надеюсь, ты не расстроился, потому что твоя роль была очень значимой, так как появление этого Хана могло сорвать все планы. Для тебя это было боевое крещение — встретиться с Ханом, да еще на пересечении интересов рода. Он тебя теперь точно не забудет и попытается взять реванш.

— Кто он такой? Откуда? — спросил Андрей.

— Пока не знаем, но он не простой Ханот, даже не простой Хан, — ответил Николай Николаевич, и продолжил: — Мы успели завершить операцию за несколько часов до того, как они догадались бы, с какой стороны ждать опасность, и легко устранили бы ее. Ильнур слишком долго находился в состоянии вседозволенности и безнаказанности, поэтому не осознал до конца всю опасность ситуации. А ведь Эльхан практически спас его, но твоя работа и недоработка самого Ильнура решили исход дела.

После этого объяснения Андрей не знал, что чувствовать. С одной стороны, ему было приятно, что он оправдал доверие, а с другой — его использовали, как приманку, для отвлечения внимания. Они еще некоторое время постояли молча, потягивая коньяк и наслаждаясь видами уже ночной Москвы. Словно читая мысли Андрея, Владимир сказал:

— Андрей, ты — сотрудник государственной службы и Ивид, поэтому не заморачивайся по поводу роли, в которой выступаешь. Пойми, если для спасения страны и нашего рода мне надо будет на время стать проституткой, я сделаю это. Я стану самой крутой шлюхой, которую только может представить себе наш враг, и выполню любое задание. Поэтому я здесь! И ты здесь! И мы можем теперь тебе доверять, так как проверили тебя и убедились, что ты готов поступиться своими личными интересами ради общего дела.

— Как проверили? — не понял Андрей.

— Лиза... — ответил Владимир, глядя ему в глаза.

Андрея словно ударило током. Все то время, пока находился в Казани, он заставлял себя не думать о ней. И тут услышать такое! Ноги не слушались его, кровь била в виски, а голова начинала кружиться.

«*Неужели она тоже подставная?*» — вертелось в голове Андрея, который схватился руками за парашют, чтобы не упасть, но все-таки нашел в себе силы спросить:

— Она наш сотрудник?

— Нет, она обычный человек. Мы знали твоё отношение к ней, поэтому решили тебя проверить — тогда, на бульваре, — ответил Николай Николаевич.

Андрей стоял молча и смотрел вперед, собирая логический пазл той встречи. У него начали сходить некоторые моменты того дня. Он вспомнил, что Павел, с которым он встретился на Чистых прудах, вел себя как-то неестественно, словно пытался казаться, а не быть. Андрей тогда это списал на его желание выглядеть значимым перед богатеньким папенькиным сыном, которого играл Андрей. Когда он дошел в своих воспоминаниях до встречи с Лизой и ее искренних эмоций, его успокоившийся было пульс снова участился, а сердце готово было выпрыгнуть из груди. Только мозг работал четко, просчитывая логические связи и приходя к выводу, что Лиза не являлась звеном этой сложной схемы, а была использована лишь для его проверки. Успокоившись, Андрей не почувствовал, что его обманули, напротив, он был даже рад, что у него все сошлось. Через пару минут он

повернулся и спросил:

— Я могу ее увидеть?

— Конечно, только завтра. Приведи мысли в порядок, — улыбаясь, ответил Николай Николаевич, а Владимир добавил:

— Завтра пришлю тебе ее контакты.

Через несколько минут они ушли, оставив Андрея одного дефрагментировать разбросанные мысли и любоваться видами ночной Москвы.

Андрей не знал, что во всей этой операции он оказался не просто пешкой, а лишь маленьким звеном. Николай Николаевич и его коллеги отвлекли внимание спецслужб на снятие заместителя начальника управления ФСБ по Татарстану, чтобы разыграть многоходовку, целью которой было ослабить бдительность руководителя службы охраны Президента РФ, завербованного английскими спецслужбами, которого Николай Николаевич «вел» уже два года. Операция закончилась успешно, и к тому времени, когда состоялся их разговор с Андреем на крыше небоскреба, Николай Николаевич и Владимир уже провели все необходимые мероприятия. Дело оставалось только за малыми деталями.

В то время, когда Андрей любовался видами ночной Москвы и думал о Лизе, а Николай Николаевич и Владимир завершали разговор с бывшим руководителем службы охраны Президента, Эльхан ехал на встречу с Рустамом в его подмосковный особняк. Там молодого человека проводили в большой спортивный зал, оформленный в японском стиле. Стены зала украшали портреты каких-то людей и надписи на разных языках. В центре на татами сидел Рустам, одетый в черное хакама, слева от него лежал японский меч катана, а справа — открытый ноутбук.

Эльхан подошел к Рустаму, сидевшему с закрытыми глазами в позе лотоса, и сел напротив него. Рустам что-то шептал про себя, шевеля губами, и Эльхан, решив не отвлекать его, огляделся вокруг. Его удивлял антураж этого зала, однако больше всего его удивило то, что сюда, грациозно ступая, словно тигрица, пришла Зена. Улыбаясь Эльхану, она принесла чайный набор на подносе и поставила его между Рустамом и Эльханом. Все это она проделала так красиво, что можно было подумать, будто она участвует в дефиле на модном показе. Бросив взгляд на Эльхана, Зена так же грациозно ушла. Эльхан не стал думать о том, что она здесь делает, хотя совсем недавно назвалась его женой. Сейчас у него были другие цели. Через некоторое время Рустам открыл глаза и, улыбнувшись, произнес:

— Здравствуй, брат, спасибо что приехал!

Они некоторое время пили чай, разговаривая ни о чем, потом Рустам положил руки Эльхану на плечи и, глядя ему в глаза, сказал:

— Ты великий воин, Эльхан, ты сделал все достойно, но наши враги немного опередили нас. Наш брат Ильнур не услышал тебя и не обезопасил себя со всех сторон, что и стало нашим поражением. Надо признавать проигрыши — это удел сильных. — Немного помолчав, он добавил: — Мы проиграли битву, но выиграем сражение...

— Мне надо уехать, — сказал Гари невысокому зеленоглазому мужчине. Громкая музыка мешала разговаривать, а от мощных басов дрожало все внутри. Гари поймал себя на мысли, что ему некомфортно находиться в клубе, хотя раньше он считал, что чем громче музыка, тем лучше, и полностью растворялся в атмосфере высоких и низких частот.

— Почему? Тебя что-то не устраивает? — спросил мужчина.

— Все в порядке, просто я должен помочь роду Милнов, — ответил Гари.

Его собеседник кивнул и больше ничего не спрашивал.

Уже прошло несколько месяцев, как Гари прилетел в Москву из поселения Милнов, но к этой суете он никак не мог привыкнуть. Прожив маленькую жизнь на Алтае и осознав за это время больше, чем за всю прошлую сознательную жизнь, Гари по-другому начал смотреть на вещи. Он вдруг понял, что такое уважение, и осознал, что так до конца и не постиг всю глубину этого слова, которое раньше казалось таким понятным. Гари понял про границы удовольствий и старался не переходить их, несмотря на то, что сам устанавливал правила. Прилетев в Москву, Гари не узнал город, в котором столько прожил, точнее, он стал смотреть на него по-другому, уже с другими ценностями и приоритетами. Гари увидел много нового в людях, такого, чего раньше не замечал, находясь под действием всевозможных стимуляторов. Он начал чувствовать силу людей, их слабости, желания, потребности, страхи и многое другое, чего не мог объяснить словами.

Гари прилетел спонтанно, сорвавшись с группой музыкантов, поддавшись прежним воспоминаниям и желаниям. Он обзавелся многочисленными связями, особенно в шоу-бизнесе. Иван объяснил Гари, что к деньгам также надо относиться с уважением, так как их энергия не менее сильная, чем отношения между людьми или запрещенные вещества. Впрочем, у рода Милнов проблем с деньгами вообще не было, потому что многие подконтрольные им сферы деятельности практически делали деньги из ничего.

Иван сначала собирался ехать с Гари, но в последний момент отказался, сославшись на то, что Гари необходимо самому познать некоторые вещи и это будет еще один шаг в его развитии.

Прилетев в Москву и попав в знакомую среду, Гари первым делом ударился во все тяжкие, отчего на следующий день чуть не умер. Он осознал, что даже во время безрассудного употребления спиртного и всего остального, его мозг все равно оставался трезвым, а не уходил, как раньше, в беззаботное плавание. Но, в конце концов, Гари все же добился того, чего хотел, уничтожив свое сознание большим количеством алкоголя.

Через несколько дней, ему ужасно захотелось уехать обратно, потому что там все было естественней и радостнее. Вспомнив слова Ивана о том, что пить надо в радости, а не просто так, Гари вообще перестал принимать алкоголь.

Дней через десять он вернулся в нормальное состояние, начав следовать всем установкам, полученным от Ивана и других Милнов, и ощутив все прелести жизни.

Сняв себе квартиру в центре, Гари пошел работать PR-директором в ночной клуб, принадлежащий одному из знакомых Милнов.

Гари постепенно захватила эта жизнь, совершенно отличающаяся от той, что была на Алтае, но не менее интересная, и он понял, что достиг такого состояния, когда место, в котором ты живешь, имеет значение. Он стал видеть много плохих или очень глупых людей,

как на улице, так и в клубе, но он таких игнорировал, словно их и не было. Он стал постепенно определять Ивори и Ханотов, но не всегда, а только при личном знакомстве. У него полностью изменился круг общения, и это почти всегда были Милны.

Дни летели, точнее, летели ночи, так как он в основном жил и работал ночью, но, тем не менее, он находил время, чтобы и днем гулять или выезжать на природу.

У Гари никогда не было проблем с женщинами, а сейчас тем более, однако теперь он подходил к этому вопросу уже как гурмэ, предпочитая энергию в отношениях. Обычный секс не вызывал у него никаких эмоций, если не было обмена энергиями, а это у него получалось практически только с Милнами.

Однажды новые знакомые пригласили его в загородный дом на закрытую вечеринку, которая обещала быть незабываемой. Гари приехал в элитный район Подмосковья, где в глубине реликтовых деревьев на большом участке стоял огромный особняк. При въезде в поселок и на участок у Гари два раза проверили документы, а в дом пустили только после того, как встретить его вышел хозяин.

Когда Гари зашел в дом, его взору представилась картина, совершенно отличная от той, что была снаружи: вокруг оказалось множество обнаженных и полуобнаженных прекрасных женщин и мужчин, и все они были с зелеными глазами.

Закружившись в вихре легкости и экстаза, Гари на мгновение увидел себя в роли Деметрия в древних Афинах на празднике удовольствия. Но в этот раз под воздействием чего-то нового он переходил от состояния Деметрия к состоянию Гари, получая при этом совершенно разные ощущения. Чувствуя каждого участника этого мероприятия, Гари впервые смог увидеть их энергетику, которую не в силах был объяснить словами. Не сказать, что Гари оказался доволен происходящим, потому что он увидел и много нехорошего, что тоже не мог объяснить словами. Все было прекрасно — и красивые Милны, и антураж особняка, внутри напоминающего замок, — но не все люди у него вызывали доверие и симпатию. Даже во время оргий Гари выбирал тех, кто энергетически был ближе ему, несмотря на то, что все были Милнами. Гари получал огромное удовольствие, находясь среди близких по роду людей, и, выныривая в реальность после очередного экстаза, он, несмотря на свое состояние, стал наблюдать за окружающими. Большая часть гостей, находясь в легком безумии сладострастия, наслаждались состоянием здесь и сейчас, однако несколько Милнов, как ему показалось, искали чего-то большего. Гари удивило, что среди Милнов есть те, кто желает больше, как желал больше он сам несколько лет назад. Он заметил, что некоторые участники оргии уходят вверх по лестнице и не возвращаются. Любопытство Гари взяло верх, и, освободившись из объятий зеленоглазой брюнетки, он тоже решил подняться по лестнице.

Там возле двери стоял крупный мужчина, который, скорее всего, являлся охранником, и, когда Гари подошел к нему, он произнес:

— Если зайдешь туда, то можешь вообще никогда не выйти.

— А что там? — спросил Гари.

— Там игра с жизнью и смертью! Там удовольствие, которое ты никогда не испытывал. Если боишься, ступай вниз, если нет — иди, но тогда это твой выбор, — ответил охранник.

Гари развернулся было уходить, но его вдруг пронзила мысль, что он может никогда не узнать, что там, и, вернувшись в состояние прошлогоднего Гари, он сказал:

— Что за жизнь, когда не знаешь ее предела, — и вошел внутрь.

Гари сразу понял, что это за игра. За столом сидели одиннадцать человек, прикрывая

лица масками на палочках, которые они держали в руках. Маски были одинаковыми, зловеще улыбающимися. Когда Гари вошел, все убрали маски от своих лиц, и он увидел молодых парней и девушек, с некоторыми из них он еще недавно принимал участие в оргии. Гари понял, что все присутствующие имели одинаковую энергетику, которая была ему непонятна и неприятна. Он понял, что здесь будет происходить, и у него еще была возможность уйти, но страх показаться «слабым» в глазах других пересилил страх возможной смерти, поэтому он сел за стол и тоже надел маску. Дальнейшее происходило как в тумане, и Гари казалось, что все было не ним, а с кем-то другим.

— Наступила ночь... ночь наступила... «Мафия» решает, кого убить. «Мафия» сделала свой выбор... — внушающим ужас голосом говорил ведущий, в то время как Гари сжимал палочку маски, по которой струился пот с его лица.

Раздался приглушенный выстрел, после чего было слышно, как с грохотом упало тело и кто то закричал.

Сердце Гари чуть не выпрыгнуло из груди, а кровь стучала в висках так, что казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Наступил день, все сняли маски... — сказал ведущий, после чего все отложили маски и устали на тело девушки, лежащей в неестественной позе, чьи мозги были разбрызганы по комнате. Гари поразило, что ее обнаженная нога еще немного дергалась в судорогах, несмотря на то, что головы практически не было. Одна из участниц вскрикнула и пыталась убежать, но ведущий навел на нее пистолет, давая понять, что выход отсюда только через игру. Через пару минут он произнес:

— Пока вы размышляли кто «Мафия», они убили «мирного жителя».

Комната наполнилась гулом голосов присутствующих, пытавшихся вычислить, кто из них «Мафия». Гари почти не принимал участия в обсуждении, чем сначала навлек на себя подозрение, но его потерянный вид и отрицательный ответ убедили собравшихся, что он не «Мафия». Чем больше было обвинений, тем сильнее был накал страстей, который Гари прежде никогда не видел. Он раньше часто играл в игру «Мафия», в которой ставки были шуточные и проигрыш не значил ровным счетом ничего. Здесь же ставкой была сама жизнь, поэтому люди приводили такие аргументы, что Гари становилось не по себе. Недавние любовники и представители рода готовы были обвинить друг друга, лишь бы отвести подозрение от себя. Гари увидел, на что способен человек ради спасения своей шкуры. Они визжали, плакали, умоляли, угрожали, уговаривали и даже предлагали деньги, но группа была неумолима и выбирала жертву. Стойкий запах пота, испражнений и крови жертв стоял в комнате, вызывая тошноту. Рыдания и мольбы остановил только выстрел из револьвера ведущего, после чего наступила тишина, а оставшиеся участники сидели молча, глядя большими глазами на тело недавнего игрока, который пытался доказать всем, что он не «Мафия».

— Поздравляю. Вы только что опять убили «мирного жителя», — сказал ведущий, после чего все снова принялись выяснять, кто же из них «Мафия». Двое игроков лицемерили что есть силы, чтобы спасти свои шкуры и выиграть. Дальнейшее для Гари было как в тумане, потому что опять были убийства и попытки вычислить, кто именно обманывает и является «Мафией». Он сидел, сжимая карту «мирного жителя», и на все вопросы и предложения принимать более активное участие в обсуждении просто отнекивался.

Наконец девятимиллиметровый кусок свинца раскидал хитрые мозги «Мафии» по стене. «Мафией» оказалась девушка, которая выступала больше всех, и ведущий на этот раз

искренне поздравил мирных жителей. Выявление второй «Мафии», которой оказался молчаливый молодой человек, не составило большого труда, и ведущий разнес голову и ему, после чего констатировал, что «мирные жители» выиграла. Гари это было уже неинтересно, он так и оставался сидеть за столом, сжимая в руке карту «мирного жителя».

То, что случилось потом, Гари привело в еще больший шок. Выигравшие и оставшиеся в живых участники с бесноватым блеском в глазах начали живо обсуждать прошедшую игру, смеясь над «проигравшими», которые лежали возле стола. Дальше было еще ужаснее: в процессе обсуждения оставшиеся участники начали трястись в экстазе и приставать друг к другу, скидывая с себя остатки одежды. Когда они стали заниматься сексом, совершенно не обращая внимания на мертвых игроков, Гари стошнило, и он пулей выскочил из комнаты.

Выбравшись из особняка, Гари что есть мочи побежал к забору и без труда перемахнул через него. Он поймал машину, и всю дорогу не проронил ни слова, глядя в окно невидящими глазами.

Если участники игры и получили безумное удовольствие, то Гари был на грани срыва. Приехав домой и отмокнув пару часов в ванной, он взял телефон и набрал знакомый номер:

— Иван... Иван, ты мне очень нужен. Прилетай скорее...

* * *

— Я тебе говорил, что ты слабак.

— Уйди от меня.

— Не злись, ты знаешь, что я прав. Сколько понадобилось времени, чтобы твой карточный домик рухнул?

— Уйди.

— Ты думал, что начал новую жизнь, но ты никак не изменился. Ты в тупике, возвращайся домой.

— Нет, мои принципы сильнее фактов.

— У тебя их нет, ты в тупике. Новые суждения ты уже не создашь, поэтому — быстро домой.

— Нет, я сам принимаю решения.

Жизнь Гари снова зашла в тупик, так как его принципы начали рассыпаться в пыль. За последний год он столько всего осознал! Он был уверен, что находится на правильном пути, но события в Москве разрушили все его идеалы и установки. Он не знал, что делать дальше, поэтому позвонил Ивану. Тот прилетел на следующий день и сразу же приехал к Гари.

— Ты должен был через это пройти, — буквально с порога начал говорить Иван.

— Но это же грязь и зло. Это же были Милны, — сокрушался Гари.

— Думаю, ты уже готов к тем знаниям, которые я тебе открою, — сказал Иван.

— К новым знаниям я всегда готов, — цепляясь за соломинку, проговорил Гари.

— Люди не всегда готовы к знаниям. Есть такие знания, которые человек может не понять в силу своего развития. Можно прочитать отличную книгу, в которой найдется много фраз и умозаключений, однако все это будет бесполезно, хоть перечитай сотню таких книг. Как объяснить древнему человеку, что такое компьютер? Необходимо пройти много ступеней, чтобы это осознать.

Есть такие знания, которые могут уничтожить неподготовленного человека, во всех

смыслах. Все необходимо проходить постепенно, например, как прыжки в воду. Если сразу прыгнуть с тридцати метров, то это будет страшно и, скорее всего, человек разобьется о воду. Если прыгать постепенно, начиная с метра, то, научившись правильно прыгать с этой высоты, можно переходить выше. И так, шаг за шагом, через несколько лет, можно научиться прыгать и с тридцати метров. Это и есть развитие, друг мой, — закончил свою речь Иван.

— А какие знания могут убить? — спросил Гари.

— Не убить, а уничтожить морально и физически... Впрочем, это одно и то же. Ну, предположим: атеисты, да и многие обычные люди говорят, что они не верят в Бога, потому что никогда Его не видели. Типа, если бы я Его увидел, то тогда бы поверил.

А вот теперь, Гари, ты представь себе на минуту, готов ли ты к встрече с Ним? Представь! Когда человек в миллиарды раз менее развит, чем Он. Что станет с тем человеком, который услышит или увидит Бога? Его разорвет от Его голоса и Его энергии. Человек не способен Его увидеть, услышать, понять или осознать, как муравей не способен понять философию или высшую математику. Взрослый умнее ребенка всего в несколько раз, однако как сложно детям осознать многое, что понимает взрослый! А здесь разница в миллиарды раз...

— Зачем ты мне все это говоришь? — спросил Гари, которому понравилась аллегория Ивана.

— Ты позвал меня, потому что оказался в тупике и хочешь, чтобы я тебе помог. Я помогу тебе, но может случиться так, что меня не будет, да и не будет людей, которые смогли бы тебе объяснить, поэтому помни: «Если чего-то не понимаешь, если зашел в тупик, значит пока не готов к этим знаниям или информации, ищи осознание или другие пути».

— Спасибо, Иван, — искренне поблагодарил Гари, а потом рассказал ему о своих приключениях и переживаниях, а также о сомнениях по поводу рода Милнов.

Иван внимательно выслушал его, а потом сказал:

— Гари, ты должен понять такую вещь: законы мироздания никто не отменял, поэтому среди нашего рода тоже есть зло. Пусть не в таких масштабах, как у обычных людей, но все же. Милн — это высокоразвитый человек, который поддерживает свой род, обладающий великой силой. Зло есть в каждом, и оно постепенно наполняет человека, пока не дойдет до определенной черты, — говоря это, Иван смотрел на Гари, словно сверля его своими изумрудными глазами, давая понять: то, что он говорит, очень серьезно. — Знаешь китайский знак Тай Цзы? — спросил он, доставая маленький металлический значок-символ, всем известный черно-белый круг с волнистой серединой. — Так вот, в каждом хорошем человеке есть немного зла, как и в каждом плохом человеке есть немного добра. Можно быть добрым человеком на 80 % и на 20 % плохим, но, перейдя невидимую черту, можно стать плохим на 80 % и только на 20 % хорошим. Пятьдесят на пятьдесят не бывает. Кстати, в бизнесе есть такой принцип Парето «20 на 80», когда 20 % того, что мы делаем, приносит 80 % результата, и наоборот. Его можно применить не только в работе, но и в жизни. На самом деле этот принцип был сформулирован намного раньше, чем его открыл Вильфредо Парето, еще в культуре Древнего Востока.

Развитому человеку легче контролировать это состояние, но и с ним бывает так, что он переходит на «другую» сторону. Поэтому твои друзья просто заигрались в «удовольствие», и Милнами их назвать уже сложно. Слава богу, что таких очень мало среди нас, — закончил Иван, наблюдая, как Гари начинает расслабляться.

— Что это за черта? Как ее увидеть? — продолжал задавать вопрос Гари.

— Видишь на знаке она волнистая? — Иван ткнул пальцем в китайский символ Тай Тзы. — Поэтому ее сложно увидеть и понять. В один миг ты можешь оказаться на другой стороне, — сказал Иван, повернув значок на сто восемьдесят градусов.

— То есть ты хочешь сказать, что не бывает людей, у которых соотношение добра и зла было бы пятьдесят на пятьдесят?

— Не бывает. Либо хороший человек, но у него есть плохое, которое не видно с первого взгляда, либо плохой человек, у него есть хорошее, которое также может быть не видно. А с учетом того, что у всех понимание о хорошем и плохом разное, то понять это вообще сложно, — сказал Иван и, видя, что Гари не до конца понимает вышесказанное, добавил: — Важно, не рассматривать зло как человеческие поступки, а понимать, что это негативная энергия, которая заполняет человека, в том числе и через поступки. Когда человек заигрывается с этой энергией, не уважая ее, он обречен быть уничтоженным ею же. Я имею в виду не только алкоголь и все остальное, а практически все в жизни.

Милны хорошо чувствуют грань и эту черту, уважая любую энергию, но твои новые знакомые уже не живые, они заигрались, поэтому это привело к такому итогу. Они ничем не отличаются от обычных людей, которые в жадной погоне за удовольствием или тщеславием заполняют себя злой энергией, быстро переходя черту. Чем больше в человеке зла, тем меньше он сам принимает решений в своей жизни, потому что ими управляет зло. Просто прими это сейчас, а осознаешь позже.

Несмотря на сложность понимания, сказанное Иваном Гари частично осознал, и его депрессивные мысли исчезли. Он вдруг понял, что общение с этими людьми отняло у него много сил и энергии, которые он накопил, находясь в поселении Милнов.

— Да... еще хочу сказать тебе. Чем сильнее и развитее человек, тем сложнее его «перевернуть» на другую сторону, — проговорил Иван, крутя в руках знак Тай Тзы, а потом добавил: — Если Милн будет на другой стороне со своей энергией и силой, то это обретет плохую форму. Представляешь, все его не самые лучшие качества будут гипертрофированы до крайности. Например, желание получить большее удовольствие может обрести безумную форму, как это было у твоих «друзей» и как это было у древних римлян или в библейских Содоме и Гоморре.

Гари передернуло от воспоминаний о его «друзьях», но он все равно слушал, а потом спросил Ивана:

— Это только у Милнов?

— Нет, не только у нас — это у всех людей. И у развитых Ивори, и у Ханотов тоже.

— А у них как это может проявиться?

— Может быть любое хорошее качество, но, проявленное с другой стороны, оно станет плохим. У Ивори стремление быть лучше, чем другие, на другой стороне, может вылиться в гордыню или жуткий снобизм и эгоцентризм. Ханоты в желании быть отличными воинами, проявившись с другой стороны, могут стать жестокими и бездушными, — сказал Иван и посмотрел Гари в глаза. — Главное правило в развитии: умей разбираться не только в плохом, но и в хорошем. Легче всего увидеть плохое, потому что оно концентрированное и его проще заметить.

— Чем это плохо? — не понял Гари.

— Умение разбираться в плохом делает тебя негативным профессионалом. Ты научишься видеть в каждом только плохое, общаться с людьми станет сложнее, и постепенно вокруг тебя окажутся только плохие люди, так как хороших ты не сможешь

заметить, и они пройдут мимо. К примеру, женщина, считающая, что все мужики «козлы», и знающая все о «козлах», будет только их и встречать на своем пути. Любое даже безобидное действие станет рассматриваться уже с негативной точки зрения. Умение профессионально разбираться в хорошем может выгодно отличать тебя от армии интеллектуалов, разбирающихся в дерьме, которых сейчас очень много. Посмотри сколько негативщиков в социальных сетях, рассуждающих о политике, бизнесе, правительстве, законах и прочем, а на поверку они оказываются бестолковыми непрофессионалами, которые нахватились верхушек, а фундаментальных знаний не имеют, — закончил свою мысль Иван.

Они просидели всю ночь за увлекательной беседой, в ходе которой находились ответы на многие вопросы, как, впрочем, и новые вопросы, ответов на которые пока не было. Под утро в голове у Гари, словно молния, вспыхнула мысль, которую он держал в подсознании незавершенным гештальтом больше двух лет, не выводя ее на поверхность. Резко вскочив, он подбежал к ноутбуку и, зайдя в одну из социальных сетей, где не был очень давно, набрал в строке поиска многочисленных друзей имя — *Милена*.

Небольшой изящный мотороллер смело маневрировал среди больших и красивых машин в московской пробке. Водитель торопился, словно пытаясь урвать последние теплые дни осени, пока есть возможность ездить на двух колесах. За рулем мотороллера была Милена, о которой накануне ночью вспомнил Гари. Она любила ездить на мотороллере, получая удовольствие не только от вождения, но и от постоянной борьбы на дороге, которая держала ее в тонусе. Вот и сегодня несколько водителей, думая, что руководствуются своей «справедливостью», а на самом деле — собственным эгоизмом, не пропускали мотороллер, специально сужая ряд между автомобилями. Милена привыкла не обращать внимания на такие действия, считая это слабостью водителей, особенно мужчин, но следующая ситуация заставила ее выйти из себя, что случилось с ней крайне редко.

Когда она протискивалась между автомобилями, одна из машин стала специально сужать ряд так, что ручка мотороллера Милены задела дверь дорогой иномарки. Увидев водителя, Милена поняла причину такой агрессии: за рулем сидела молодая красивая и ухоженная девушка в больших дорогих очках.

— Куда прешь, сука... — Дальше последовало много слов вперемешку с матом, которые Милена услышала в свой адрес и которые хотела пропустить мимо ушей, но почему-то решила ответить в той же манере.

— Что, рот освободился? Можешь хоть что-то брякнуть? Сплюнь сначала, а то непонятно, что говоришь... — крикнула Милена, чем на мгновение заставила растеряться владелицу дорогой машины.

За рулем иномарки сидела Зена, жена Эльхана, привыкшая к постоянной борьбе и соперничеству, словно хотела всему миру доказать, что она сильнее других. Она была настолько возмущена тем, что кто-то мог задеть ее да еще и ответить в ее же манере, что даже сняла очки, приготовившись к перепалке. Встретившись друг с другом взглядами, каждая из девушек испытала что-то необычное, новое, что, впрочем, не остановило их от взаимных оскорблений.

Чувство собственной значимости, умноженное на женское соперничество и эгоизм, в совокупности с отсутствием благородства — адская смесь, особенно у женщин. В другом случае Зена бы растоптала водителя мотороллера как морально, так и физически, но на данный момент что-то не позволяло ей выплеснуть свою агрессию. Милена, наоборот, обычно избегающая конфликтов, вступила в словесный поединок, сама себя не узнавая.

Перепалка на дороге закончилась так же быстро, как и началась, после чего Милена выгнула зеркало, ударив по нему ладошкой, и поехала дальше, маневрируя между машинами. Зена осталась сидеть в своем автомобиле, скрипя зубами от злобы и бессилия. Повернув голову направо и увидев, что кто-то смотрит на нее из соседней машины, она со злостью показала средний палец...

Девушки поехали по разным местам, на встречи с теми, кому еще только предстояло встретиться друг с другом, и не раз... Как, впрочем, и самим девушкам.

Андрей сидел возле компьютера, периодически нажимая на кнопку «проверка почты», но письма от Владимира с адресом Лизы не было. Когда оно пришло, сердце Андрея стало стучать быстрее, так как он понял, что не может просто взять и позвонить ей. Уставившись в монитор и несколько раз перечитав адрес и телефон, он все-таки решил не звонить, а поехать к ней домой.

Было около полудня, когда Андрей подъехал к дому Лизы, но так и не решился выйти из машины. Вцепившись руками в руль и просидев больше часа, он не мог понять, почему боится и что к ней чувствует, ведь они виделись всего два раза.

Андрей мог бы так просидеть весь день, если бы девушка, вышедшая из подъезда, не заставила его сердце биться в два раза быстрее.

Из подъезда вышла Лиза и направилась в сторону машины, в которой сидел Андрей. Он понимал, что еще несколько секунд и она пройдет мимо него, и все нужно будет начинать сначала.

«Лучше сделать и пожалеть, чем не сделать и жалеть всю жизнь», — мелькнула в голове Андрея мысль, заставившая его выйти из машины.

Лиза встала, как вкопанная, сделав даже шаг назад от неожиданности. Андрей стоял молча, совершенно не чувствуя ватных ног, а чувствуя только предательскую дрожь в теле. Собравшись силами, он, не узнавая собственного голоса, только и смог сказать:

— Привет... Лиза...

— Привет... — чуть слышно промолвила Лиза, размышляя почему-то, хорошо ли она выглядит и сделан ли макияж. Потом она подумала о том, во что она одета, но и эти мысли исчезли, запутавшись в миллионе других.

Андрею было все равно, во что она одета и есть ли на ней макияж. Он просто стоял и смотрел в ее большие голубые глаза, утопая в их красоте и энергии. Он поймал себя на мысли, что ничего не в силах сказать, а может только стоять и смотреть в ее глаза, которые постепенно начинали блестеть. В них был вихрь эмоций, впитавший в себя все страдания, которые испытала Лиза с момента происшествия в клубе.

Девушка тоже молчала, глядя на него и чувствуя, как предательски першит в горле, а глаза наливаются слезами.

Так они стояли и смотрели друг на друга, словно были одни в этом мире, который начинал кружиться вокруг них двоих.

Ничего не говоря, Андрей глазами рассказывал, что с ним произошло и как он хотел ее найти, но не мог этого сделать. Ему казалось, что Лиза его понимает без слов, и в ее глазах он читал то, что она чуть с ума не сошла, когда он «погиб» тогда в клубе.

Андрей подошел к Лизе и обнял ее, прижав к себе и чувствуя каждую частичку ее тела, после чего Лиза позволила себе расплакаться, да и Андрею тяжело было сдерживать эмоции. Ему казалось, что он теперь никуда ее не отпустит, так и будет вечно стоять с ней в обнимку.

А в это время метрах в пятидесяти от них в тонированной машине сидел Владимир и с улыбкой наблюдал за происходящим.

— Я думала ты погиб... тогда в клубе, — через некоторое время смогла произнести Лиза не своим голосом.

— Я тоже так думал, — ответил Андрей, продолжая обнимать ее.

Потом они еще долго бродили по улицам, держась за руки, и говорили обо всем подряд, а вернувшись к машине Андрея, поехали кататься по Москве. Лиза совершенно забыла, зачем она выходила из дома и что собиралась делать днем, она просто сидела на пассажирском сиденье роскошного «Ленд Ровера» Андрея и смотрела на него. Андрей постепенно пришел в свое нормальное состояние и смог разговаривать и шутить, как раньше, периодически заглядывая в ее безумно красивые глаза.

Весь день они гуляли по Москве, наслаждаясь теплой осенней погодой, сидели в кафешках и обедали в ресторанах.

Лиза иногда ловила себя на мысли, что все это происходит не с ней, и она вот-вот проснется.

С наступлением вечера стало ясно, что скоро надо будет расставаться, но об этом даже думать не хотелось, поэтому, когда Андрей предложил поехать к нему, Лиза без раздумья согласилась.

Она много читала и сама говорила подругам, что нельзя ехать на первом или втором свидании к парню, что нужно вызвать у мужчины интерес и так далее. Она была абсолютно права, но сейчас ее чувства отличались от тех, что девушка испытывала прежде.

Она, конечно, влюблялась и плакала, сходила с ума и признавалась в любви, но сейчас было нечто другое, то, что не подходило под общие правила. Это казалось чем-то большим, чем любовь в привычном понимании, чем-то, что она пока сама себе не могла объяснить, но новое чувство ей очень нравилось, и она не хотела его упускать.

Поднявшись под облака в одну из башен Москва-Сити, Лиза была впечатлена. Но ее впечатлили не стоимость и изысканность квартиры, а панорамные окна от пола и вид на ночную Москву.

Подойдя к окну вплотную, она стояла и смотрела на этот прекрасный город, опять не веря, что все это происходит с ней. Выключив свет, Андрей подошел сзади, обнял ее, наслаждаясь видом из окна. Со стороны небоскреба напротив они казались двумя еле различимыми силуэтами, миры которых объединились в один. Для миллионов других миров это было просто незажженное окно, затерявшееся в небоскребе, а для двоих влюбленных сердец — целая жизнь по ту сторону стекла.

Постояв так неопределенное время, Андрей повернул Лизу к себе и стал целовать так страстно, как никого в жизни.

Он взял ее на руки и отнес в кровать, словно делал это очень часто. Оказавшись в кровати, они даже не дошли до ванной. Сейчас это почему-то не имело значения, хотя обычно для Лизы это было важно. Девушка дрожала от каждого прикосновения Андрея, совершенно не понимая, почему так происходит. Оказавшись обнаженной в его объятиях, она вдруг так сильно захотела Андрея полностью, что от этих мыслей она затряслась, схватив стальными пальцами его за спину, после чего, вскрикнув в экстазе, упала без сил. Это безумие продолжалось снова и снова, пока оба не умирали друг в друге. Всю ночь они занимались любовью, сидели в джакузи с панорамным окном, пили шампанское, глядя на ночную Москву, смеялись и разговаривали. Они могли разговаривать часами, прерываясь на страсть, а потом снова начинали говорить. Уснули они, когда на улице уже рассвело. Утреннее солнце бережно касалось лучами двух счастливых людей, спящих около окна.

В тот момент, когда Андрей и Лиза засыпали около панорамного окна, в нескольких километрах от них Гари и Милена даже не собирались спать. Напротив, они встречали утро, словно и не было безумной ночи в нескольких модных клубах. Искусственно разгоняемый адреналин в крови толкал молодых людей на поездки в новые места и на новые разговоры, заставляя забыть об усталости.

«О, черт... либо я тогда тебя не разглядела, либо после нашей последней встречи ты стал совершенно другим», — думала Милена, слушая очередную историю Гари, который не только рассказывал, но и сам о многом расспрашивал ее.

Не прошло и суток с тех пор, как они встретились, но с какими мыслями она ехала к нему вчера и с какими смотрела на него сейчас! Она весьма неохотно согласилась на эту встречу, а после того, как поучаствовала в дорожном конфликте, ее настроение было вообще на нуле. Подъезжая к месту встречи, Милена для себя решила, что попьет чаю и уедет минут через десять, придумав какую-нибудь причину.

Увидев Гари и поговорив с ним минут пять, Милена была удивлена спокойствием, исходившим от него. Он разговаривал с ней, словно старый друг, который не видел ее несколько лет и искренне рад встрече. Он не старался «казаться», а просто был таким, какой он есть. Милену подкупило его искреннее желание слушать ее, а не самого себя, как это было на последней их встрече два года назад. Зная, что люди не меняются, Милена почти забыла о Гари, находясь в полной уверенности, что он опустился, сел в тюрьму или по-прежнему живет нечестными заработками.

Сейчас же ожидаемое совершенно не совпадало с тем, что было на самом деле, и это ей нравилось. Если в прошлый раз она разговаривала с ним, как с маленьким «котенком», то сейчас маленьким «котенком» была она сама. Ей сначала было не по себе, она даже растерялась, но потом расслабилась и погрузилась в общение.

Гари, в свою очередь, также ожидал увидеть нечто другое, но то, что он видел, слышал и ощущал, ему тоже очень и очень нравилось. Он осознал, что совершенно не знает глубины Милены, и улыбался своим прошлым мыслям относительно нее. Ему даже было непонятно, почему она сразу не послала его, когда он начал рассуждать о жизни, слушая только себя, а ее рассматривая как очередную девочку на его «великом» пути.

Тем не менее спустя два года и через сутки после встречи они сидели на «афтерпати», поглощенные обществом друг друга, а Милена даже не помнила, где находится ее мотороллер. Позади была сумасшедшая ночь, которая перетекла в утро и день, а перед ней — зеленые глаза и искренняя улыбка. Несмотря на такое длинное приключение, и у Милены, и у Гари сознание оставалось ясным, отчего удовольствие от общения было еще сильнее.

В течение всей ночи Милена пыталась разобраться в своих чувствах к Гари. Она мало кого подпускала близко, особенно физически, а потому сексуальных партнеров у нее было не много. Милена не могла объяснить себе, почему именно, но с некоторыми молодыми людьми она не могла даже рядом находиться. Ей было очень неприятно, когда кто-то из знакомых или коллег, брал ее за руку. Ей было настолько некомфортно, что она могла даже довольно грубо выразить свое отношение к этому человеку, ставя его в неловкое положение.

Когда Гари в начале встречи подал ей руку, выйдя из такси, Милена не почувствовала отвращения, напротив, ей было даже приятно. Позже, ночью, Гари в разных ситуациях не раз

оказывался очень близко к Милене, и ей это доставляло все больше и больше удовольствия.

Когда они пошли «на взлет», разгоняемые чем-то, тело Милены предательски вздрагивало от любого прикосновения Гари, а мысль о том, что может быть что-то большее, сводила низ живота. Ей почему-то на память пришли слова девушки из анекдота, говорившей сквозь зубы: *«Так трахаться хочется, что зубы сводит»*. Но в то же время миллион мыслей и постоянная смена впечатлений и клубов, возвращали ее в состояние беззаботного веселья.

Гари казалось, что он чувствует Милену так, как не чувствовал никого прежде. Это доставляло ему дикое удовольствие, а еще большее удовольствие доставляло то, что он мог контролировать свое состояние и все было еще впереди.

Уже днем они оказались в квартире Гари. Кровь пульсировала по молодым телам, а страсть готова была разорвать их изнутри, но они не торопились. Как ни странно для Гари, но именно Милена играла с ним, оттягивая близость, несмотря на то, что он чувствовал, что ее тело уже практически не подчиняется ей, особенно после его прикосновений.

Когда сил держаться больше не осталось, а от каждого прикосновения буквально сводило их тела, Гари и Милена слились в единое целое и через мгновение взорвались в безумном экстазе.

А через несколько минут они все начали снова, наслаждаясь каждой частичкой тела друг друга.

Искушенный в этом деле Гари был удивлен изобретательностью Милены и отсутствием у нее каких-либо комплексов. Милена, в свою очередь, не показывала свой опыт в сексе, а просто расслабилась, полностью доверившись человеку, с которым получала такое удовольствие, как ни с кем до того.

Если бы ей вчера утром сказали, что она встретится с полузабытым Гари, проведет ночь в клубах, приедет к нему домой и будет заниматься с ним сумасшедшим сексом, то она бы искренне посмеялась над этим. Такими были последние мысли Милены, перед тем как она отключилась в объятиях Гари.

РЕВАНШ ЭЛЬХАНА

— Ты — зло...

— Нет, зла не существует.

— Существует, я живу среди зла.

— Зло — это отсутствие добра. Ты можешь выбрать сторону, в которой отсутствует добро.

— Ты меня толкаешь на выбор этой стороны.

— Нет. Есть святое право выбора и никто не может его отнять. Выбираешь ты.

— Ты делаешь все, чтобы я выбрал сторону зла.

— Опять неправда. Твоя гордыня, а не я, делает все, чтобы ты выбрал ту сторону.

— Я должен делать зло.

— Ты никому ничего не должен. Если ты выбираешь делать зло, то ты делаешь его. Зло делают по незнанию, либо те, кто выбрал ту сторону. Дураки и демоны. Ты — не дурак, а остальное — это твой выбор.

— Я часто делаю плохо.

— Ты честен, ты не хочешь делать зло. Воин не может делать зло, если выбрал этот путь. Твое Я может убить в тебе воина. Как только ты выберешь делать зло, ты перестанешь быть воином, и окажешься на другой стороне.

— Я боюсь не заметить, как перейду черту.

— Не бойся, мы встретимся, если примешь решение...

* * *

— Что ты придумал, Эльхан? Ты понимаешь, что цена ошибки слишком велика и что твоя жизнь не стоит возможной неудачи? — спросил Рустам, глядя в глаза Эльхану.

— Да, понимаю. Но я должен исправить свои ошибки, — ответил Эльхан.

Он приехал к Рустаму через несколько дней с идеей отпущения за свою неудачу в Казани. Эта идея заключалась в пленении или устранении обидчика — так Эльхан хотел искупить свою вину. Рустам спокойно выслушал его, а потом сказал:

— Там не было твоей вины, Эльхан, ситуация оказалась намного сложнее, чем ты себе представляешь.

— Все равно, ты надеялся на меня, а я тебя подвел. Я пойду и приведу этого Ивори, вместе с его наставником. Если не живыми, то мертвыми... Я должен сделать это, — не унимался Эльхан.

— Теперь послушай, что я тебе скажу, — спокойно заговорил Рустам, выдержав паузу. — В тебе сейчас много эмоций, а это твой главный враг. Многие плохие решения принимались на эмоциях, тем более на негативных. К сожалению, в тебе сейчас говорят гордыня, чувство собственной значимости и обида от проигрыша. Ты в ярости, потому что считаешь своего противника хуже и слабее себя. Тебя разозлило, что кто-то там смог тебя обставить! Скажи, если бы ты мне проиграл в тактике, ты бы злился?

— Ну... нет. Ты же наш... — неуверенно начал Эльхан.

— Дело не в этом, я просто один из немногих, кого ты считаешь сильнее тебя, поэтому

проиграть мне не так обидно. А того Ивори ты не считал сильным, ты ценишь только физическую силу, поэтому он в твоих глазах — ничтожество. Если станешь считать себя лучше во всем, то тебя будет очень злить, когда кто-то тебя в чем-то обойдет. Например, у тебя машина хорошая, и если тебя обогнал или подрезал кто-то на худшей, чем твоя, то априори считая его хуже себя, ты начнешь злиться и наказывать его. Когда самомнение совсем зашкаливает, то неважно, какая машина, ты будешь стараться наказать обидчика, или даже убить... — сказал Рустам, остановив свой взгляд на черных глазах Эльхана.

От этих слов Эльхан вздрогнул, так как увидел, словно наяву, ту ночную гонку по Москве, когда после маленького инцидента на дороге его «переклинило», и он действительно был готов убить обидчика, что, впрочем, косвенно и сделал, спровоцировав аварию. Рустам же продолжил:

— В аварии погиб один из рода Ханотов, ни ты и ни он не знали, что вы одного рода, а гордыня уничтожила одного из вас. Его звали Загир. Кстати, его двоюродный дядя Ахмет со мной работает, — проговорил Рустам, продолжая смотреть на Эльхана, который съезжился, обхватив колени руками, и молчал. — Настоящий воин, настоящий Ханот — это прежде всего горячее сердце и холодный разум, а не наоборот! Запомни это, Эльхан.

Эльхан сидел и ничего не мог сказать, так как понимал, что хотя с той гонки прошло много времени и он уже был другим, его ошибки были теми же. До этого момента он свою агрессию оправдывал темпераментом, южной кровью и многими другими факторами, однако сегодня Рустам наглядно дал ему понять, что это всего лишь гордыня. Его размышления прервал Рустам:

— То, что ты рвешься в бой, — это хорошо, но главное — чтобы этот мотив был не мстью за растоптанное самолюбие, а осознанным действием. Ты можешь убить врага в бою, но ты не можешь убивать ради мести, корысти или самоутверждения. Я расскажу тебе расклад сил, а ты постарайся увидеть картину в глобальном масштабе, — сказал Рустам, продолжая смотреть Эльхану в глаза. — То, что сейчас происходит в мире, — это новый передел власти Ивори и Ханотов. Милны, кстати, тоже в этом участвуют, но не так открыто, как мы и Ивори. Сейчас закрутились события на востоке Европы, в частности, на Украине. Я думаю, ты сам понимаешь, что это не случайная революция, а спланированная акция.

Скажу более: непонятно еще, по чьему именно сценарию. Так или иначе, задействованы разные силы — от олигархических семей востока и запада до противостояния родов. За много лет в Соединенных Штатах впервые к власти пришел пусть не самый сильный, но представитель рода Ханотов, позиция которого очень шаткая, поэтому началось противостояние. До этого времени в основном Ивори были у власти в великих державах, поэтому сохраняли паритет. С приходом сильного Ивори к власти в России нас стали вытеснять, особенно с ключевых постов. То, что произошло в Казани, — еще одно тому подтверждение, но это оказалось не основной целью, так как в это же время закрыли еще одного Ханота, на этот раз из ближнего окружения президента.

— Кого? — поинтересовался Эльхан.

— Того, кто очень близко приблизился к президенту и мог способствовать его свержению. Но такого сильного Ивори еще не было у власти в России. Он чувствует Ханотов и избавляется от них, используя Федеральную службу безопасности и другие спецслужбы. Там в управлении в основном Ивори, поэтому мы в России очень проигрываем. Что говорить, если глава

Чеченской Республики — тоже светлоглазый Ивори, когда изначально это земли,

населенные Ханотами. В России тяжело стало официально находиться у власти, поэтому Ханоты сейчас в основном в криминальном или теневом бизнесе, — Рустам говорил, а Эльхан все больше удивлялся, но продолжал слушать, не перебивая. — В мире тоже все перевернулось с ног на голову. В Сирии, где у власти голубоглазый Ивори, поддерживаемый Россией, война, а в Соединенных Штатах — Ханот, у которого не хватает энергии обуздать выскочек Ивори. В Европе сейчас также нет единства: Милны во власти лоббируют свои законы, а Ивори и Ханоты находятся в постоянных контрах. В Азии много Ханотов, но они не так сильны на данный момент, поэтому в основном сейчас идет противостояние России и Америки, но это не геополитика уже, а война родов.

— Будет решающая война? — спросил Эльхан.

— Да, но это будет война родов, — ответил Рустам.

— Но то, что происходит в мире, — это обычная геополитика. В каждой стране есть Ханоты, Ивори, Милны и просто миллиарды людей, — попытался возразить Эльхан.

— Конечно, много людей и родов в странах, только у власти единицы, и кто из рода там стоит, тот и управляет миллионами. Поэтому идет борьба, а страны не имеют значения. Чем больше людей твоего рода у власти, тем лучше, — сказал Рустам, а потом, блеснув глазами, стал живо объяснять: — Посмотри, что происходит в мире. Сейчас у власти в США находится Ханот. Пусть он не самый сильный, но, тем не менее, у нас есть шанс.

— Я как-то с Америкой не очень хочу... — начал было говорить Эльхан, но Рустам перебил его:

— Да какая разница! Ты — Хан нашего рода, и тебе должно быть плевать на любую страну с ее выдуманными законами и историей, так как у тебя есть законы рода, по которым ты живешь. Когда в России будет власть Ханотов, тогда тебе будет лучше здесь. Пойми, сейчас может быть большое противостояние родов, как это было в XX веке. Последние тридцать лет во главе великих держав стояли в основном Ивори, которые только сопли жевали, наращивая свои силы.

— Какие противостояния родов были в XX веке? — спросил Эльхан.

— Гитлер и Сталин во второй мировой войне, Кеннеди и Хрущев, когда мир был на грани ядерной войны, сейчас — сам знаешь...

— Гитлер был Ивори? — удивился Эльхан.

— Да, он был Ивидом, только с другой стороны... как, впрочем, и Сталин, — ответил Рустам.

— Что значит «с другой стороны»? — не понял Эльхан.

— Ну... сейчас сложно тебе объяснить... что-то типа злого гения, переступившего невидимую черту и готового идти до конца, любыми методами. Люди редко рождаются с такой силой, а когда переходят черту, уничтожают все вокруг себя, уже не помогая, а мешая роду, что и было у Гитлера и Сталина. Ты сам должен почувствовать эту черту, иначе, переступив через нее, хоть останешься Ханотом, но только с другой стороны, — не совсем понятно ответил Рустам. — Гитлера тогда победили, но сил никаких не было для рода, так как появилась новая держава Америка с ее Ивори. Ханоты с большим трудом убрали Кеннеди, и тогда мир был близок к тому, чтобы стать нашим, так как к власти в США пришли Хан Джонсон, а за ним Хан Никсон, развязавшие войну во Вьетнаме. Но в СССР

Ивори сместили Хрущева, что и стало возрождением их рода в России и дальнейшим витком противостояния между нами. Потом были в основном сопливые объятия Ивори в сверхдержавках, которые не давали нам захватить высшую власть. Много чего в России

менялось, но в верхах в основном были Ивори.

— У меня в голове не укладывается, что Сталин, Хрущев, Никсон и Обама — Ханоты, — сказал Эльхан.

— Ну, Хрущев, конечно, не Хан, но тем не менее. Он слабый Ханот, как Обама сейчас в Америке. А настоящие Ханы-президенты, которые были в истории, вели себя как настоящие воины, без «наматывания демократических соплей» и либерастских заискиваний. Пусть нынешний американский президент — не истинный Хан, но его администрация и люди, его окружающие, — настоящие Ханоты. Посмотри на внешнюю политику Соединенных Штатов. Да они плевать хотели на мнение других! Они плевали на хитрые ловушки России, где Америка выставляется в плохом свете. Ивори в Кремле силен и умен, но эти ловушки рассчитаны на другого зверя, а не на того, кто прет как танк. Наплевать на их законы, потому что это война, а на войне важно только одно — это победа. На войне не важно, красиво или не красиво ты ведешь бой, там важен результат и цена. Понял? — закончил Рустам, взял паузу, чтобы Эльхан переварил, а потом продолжил: — Ивори в России столкнулись сейчас с таким же вероломством Ханотов, с каким Ивори в США столкнулись во времена Хрущева в шестидесятые годы. Он тогда никого не слушал и шел напролом, как современный воин Ханот, только жаль тогда не дошел до конца, потому что не хан был, а так, — возбужденно проговорил Рустам, а потом, глядя в глаза Эльхану, сказал: — Пойми, если играть по правилам Ивори, то они выиграют по-любому. Ты меня понял? Надо играть по правилам своего рода! По правилам воинов! — Говоря это, Рустам следил за каждым движением мышц лица Эльхана и, удовлетворившись, продолжил: — Сейчас можно подумать, что США играют не по правилам, не слушают доводов, не оправдываются за свои провалы, внаглую размещают свои базы и войска. Какие правила на войне? Они просто делают свое дело, так как сейчас там во власти преимущественно Ханоты. Сейчас есть шанс, что все может измениться... благодаря Соединенным Штатам, человеческой гордыне и низкому развитию некоторых масс, — закончил Рустам.

— Что значит «гордыне и низкому развитию»? — уточнил Эльхан.

— Послушай, какими бы Ханоты ни были воинами, но война в современном мире трансформировалась, и некоторые моменты не всегда годятся. Намного легче устроить революцию в стране, а потом ее спасти, нежели напрямую вторгаться. Для того чтобы сделать революцию, нужно не много — всего лишь население с куриными мозгами и большим самомнением. Необязательно, чтобы все в стране были такими, так как революции делаются десятью-пятнадцатью процентами населения, а остальные, как стадо, идут туда, куда скажут. В плодородную почву гордыни и идиотизма надо посеять зерно сомнения, убедить, что в их неудачах виноват кто-то другой, то есть негодное правительство. Очень хорошо это работает в случаях с неудачниками, у которых всегда все виноваты. А потом группы людей подогревают недовольство и совершается классический бизнес-проект.

— Бизнес-проект? — удивленно спросил Эльхан.

— Еще какой! И чаще всего успешный. Та же подготовка, то же планирование, те же риски, а главное, материальные вложения. И, как любой успешный проект, он нуждается в условиях для его осуществления, чем и являются человеческая гордыня и низкий уровень развития. Скажи людям с рабским мышлением, что они свободны и достойны большего, как они сразу возьмут это на веру, называя других рабами и восстанавливая справедливость. Ничто так не определяют в человеке раба, как его постоянные высказывания, что он свободен, а большинство вокруг — рабы. Боюсь представить, как умирают со смеху

политтехнологи, наблюдая, как «свободные» люди стремятся к демократии, сметая все на своем пути. Все революции делались на исключительности одних и ненависти к другим. Есть хорошее изречение: «Революцию делают романтики, а пользуются ее плодами негодяи». Есть даже прописанная формула революции, — объяснил Рустам.

— Я всегда думал, что революции в современном мире возможны только в слаборазвитых странах, — произнес Эльхан.

— Это далеко не так. Я думаю, последние события на Украине тому подтверждение. Напомню, что революции делаются десятью-пятнадцатью процентами населения, а остальные, как бараны, следуют за ними. Скажу больше: подавляющее большинство людей — тупое эгоистичное стадо, заботящееся только о себе. Если бы стало больше воинов и меньше эгоистов, то можно было бы избежать больших жертв. Ты, как настоящий воин, должен запомнить это!

Например, когда был Голливуд со взрывами башен близнецов, то террористы захватили самолеты при помощи пластмассовых ножей, и ни один из пассажиров не попытался их обезвредить. Или сотню пленных солдат ведут на расстрел несколько человек с оружием, и никто не пытается спастись, даже не думая, что патронов на всех не хватит. Они просто идут, как бараны на заклание. Да они и не могут думать, потому что не воины, а эгоистичное стадо, надеющееся, что его пронесет и все будет хорошо. Запомни, Эльхан, воин не может быть эгоистом, так как он не принадлежит себе. Воин должен победить в себе гордыню, потому что этот внутренний враг сильнее любых внешних.

Эти слова Рустам говорил с особой важностью, смотря в глаза Эльхану, и тот прочувствовал их смысл каждой клеточкой своего тела. Минуту помолчав, Рустам продолжил:

— Но я отвлекся. Если подытожить вышесказанное, то неважно, в какой ты стране, а важно, чтобы наш род был у власти. Тебе может не нравиться фигура президента Америки или Грузии, и в подобных суждениях есть смысл, даже несмотря на пропаганду, но за этими людьми стоят сильные Ханы, и они знают свое дело. Повторюсь: сейчас то время, когда мы можем победить, если сумеем победить Россию. Это будет очень сложно, так как Президент России — сильный и очень умный Ивид, а во власти в основном Ивори. Ивори во власти были, а Ивидов еще не было — в этом вся сложность. Ивиды — это высокоразвитые Ивори, и они хорошо чувствуют Ханотов, в чем мы пока проигрываем, но это временно, — задумчиво закончил Рустам.

— Как я понимаю, России нужна власть Ханотов, — подытожил Эльхан.

— Да, ибо исторически Россия сильнее, когда мы у власти. Что во времена правления Чингисхана, что в Смутные времена, а Петр Первый вообще устроил замес, — улыбнулся Рустам.

— В смысле? Он был Ханотом? — недоумевал Эльхан.

— О, еще какой хан. Он устроил такую революцию в мозгах, что многие современные лидеры ему в подметки не годятся. Именно реформы Петра, направленные на развитие военного дела, флота, армии, положили начало военной мощи России. Неординарное мышление хана сломало стереотипы внешних врагов и внутренних предателей, с которыми он нещадно боролся. Ивори всячески пытались вернуть власть, но Петр оказывался на шаг впереди. Что стоит его налог на цвет глаз, введенный в начале XVIII века...

— Налог на цвет глаз?! — удивился Эльхан.

— Да, беспрецедентный случай в истории, когда, чем темнее глаза, тем меньше

платишь. Если Ханоты платили два алтына, то Милны и Ивори — от семи до тринадцати. Петр во всем был великим ханом и положил начало долгому правлению Ханотов в России, пока в XIX веке к власти не пришли эти слюнтяи Ивори, вот и закончилась Россия, — задумчиво произнес Рустам.

— Чем мы можем сейчас помочь России? — спросил Эльхан.

— В России нашему роду помочь очень сложно, поэтому мы сейчас стараемся сконцентрироваться на Европе и Соединенных Штатах, чтобы воздействовать на власть в Кремле. Эльхан, тебе необходимо уехать в Европу и обосноваться там, чтобы участвовать в точечных операциях решающей битвы. Ты поедешь с Зеной и еще с несколькими людьми. Сегодня ночью в Вену улетает Зена, у нее там уже есть, чем заняться, а ты полетишь туда через месяц.

— Зена улетает ночью?! Я же ее еще не видел после Казани! Ты сказал мне, что она на несколько дней уехала и чтобы я ей пока не звонил! — воскликнул Эльхан.

— Да, вам пока нельзя пересекаться. После Казани на тебя уже есть все данные у Ивори, а про Зену они не подозревают. Лучше, если пока о ней никто не будет знать, — сказал Рустам.

— Но как?.. С кем мне быть?.. Это сколько... — начал было говорить Эльхан, но Рустам перебил его:

— С кем хочешь, с тем и будь, пока не встретишься с женой. Надеюсь, тебя это не заморачивает? — как бы подначивая, спросил Рустам.

— Абсолютно, — искренне ответил Эльхан.

— Развлекайся, будь естественным, каким ты был раньше, только сейчас у тебя мозгов больше, да и возможностей тоже, — сказал Рустам, передав Эльхану брелок от автомобиля.

— Карточка в бардачке, там же адрес жилья. Поживешь пока в частной гостинице в центре Москвы, а через месяц полетишь в Австрию. Все, отдыхай... — закончил разговор Рустам, рукой показывая в сторону выхода.

Эльхан кивнул и вышел во двор, где стоял новый тюнингованный внедорожник «мерседес», равный по стоимости квартире в Москве.

Голова Эльхана шла кругом от всего услышанного о происходящем в мире, и, взглянув на автомобиль, он поймал себя на мысли, что не испытывает дикого восторга от того, что будет ездить на этой машине.

Однако он сел во внедорожник и поехал, разогнав до сотни почти трехтонный аппарат за пять секунд. Вжимаясь в дорогое кожаное кресло, Эльхан ожил. Словно оседлав породистого скакуна, он выжимал все из более чем пятисотсильного двигателя. Каждый поворот для этого автомобиля был не маневром, а вызовом, который хотелось принимать еще и еще. Разогнавшись по ночной трассе в направлении Москвы, Эльхан впал в состояние, которое не мог себе объяснить, но оно ему нравилось.

Словно ветер, он несся низко над землей, устремившись вперед к непонятной цели, но ему хотелось к ней лететь. Не замечая других участников движения, он ехал очень быстро, управляя автомобилем не хуже профессионального гонщика. Эльхан всегда любил скорость, но в этом состоянии он словно предугадывал любые маневры других, будто выжимал не под двести километров в час, а не более пятидесяти. Адреналин зашкаливал, и возбуждение чувствовалось во всем теле. Именно в таком состоянии он въехал в Москву.

Эльхан был хорош собой, у него имелось много денег и красивая машина, а самое главное — он оказался свободен на целый месяц. Он пребывал в приподнятом настроении и

захотел развлечься в компании красивых женщин. Эльхана не сильно заботило, что он женат, потому что и раньше он мог позволить себе спать с другими, а сейчас — тем более, ведь Хан может законно позволить себе другую женщину, и это не будет считаться чем-то предосудительным.

Когда Эльхан въехал в Москву, он поймал себя на мысли, что не знает, куда направиться дальше. Если раньше он знал, кому позвонить и куда поехать развлечься, то сейчас понял, что ему уже некому звонить... да и не хочется. Ничего лучшего, чем поехать в клуб, Эльхан не придумал.

За то время, что он отсутствовал, в ночной жизни Москвы ничего не изменилось: все те же толпы людей возле клубов, все то же желание провинции прикоснуться к чему-то «прекрасному», все те же оценивающие взгляды девушек и молодых людей. Подъехать и припарковаться рядом со входом не получилось, поэтому охрана клуба не оценила материальное состояние Эльхана и не пропустила его.

Оглядевшись вокруг и осознав, что уже не так модно одет, он поехал в более пафосное место, где его приняли с распростертыми объятиями.

Внутри все дышало роскошью — от интерьера до обслуживания, что было обосновано ценником на все. Официанты порхали, как бабочки, ловко и изящно маневрируя между столиками. Эльхан знал, зачем пришел, поэтому, едва он успел сесть за небольшой уютный столик с диванчиком, к нему подсели две девушки. Они были очень хороши собой, но по первым же фразам Эльхан понял, что это проститутки, хоть и сложно отличимые от обычных красавиц. Он решил не продолжать общение, но через какое-то время сам увидел девушку, которая ему очень понравилась, и достаточно легко завязал с ней разговор. Девушка была голубоглазой, что совершенно не смущало Эльхана, который был на сто процентов уверен, что к Ивори она не имела никакого отношения, что было сущей правдой.

Эльхан говорил с ней о чем-то, имея насчет нее вполне определенные цели, а она в очередной раз надеялась, что встретила того, кто ее купит, как это сделали почти со всеми ее подругами.

В ее кругах было понимание, что если мужчина имеет дорогой дом или квартиру, покупает хорошую машину и готов в месяц давать не менее десяти тысяч долларов на мелкие расходы, то значит девушка отлично устроилась. Это был тот минимум, за который можно было купить девушку, готовившуюся к этой сделке несколько лет, вкладывая в свое тело немалые деньги, чтобы «продать» себя подороже. Девушек совершенно не смущало, что подобное поведение ничем не отличалось от проституции. Мужчины при этом могли позволить себе спать с кем угодно и быть в полной уверенности, что это нормально, потому что за товар уплачено. Многих это устраивало, так как они развлекались в разных «тусовках» и могли себе также много чего позволить, особенно на отдыхе, оплаченном богатыми мужьями. Были и те, кто возмущался отношением к себе, как к кукле или вещи, совершенно забывая, как именно они себя продавали этим мужчинам.

И в эту ночь новая подруга Эльхана надеялась на успешное знакомство, которое, возможно, перерастет в успешную «продажу». Ее совершенно не волновала национальность Эльхана, тем более, что он был достаточно хорош собой, а волновала ее больше его материальная составляющая. Так или иначе, их планы совпадали только на ночь, чем впоследствии Эльхан и воспользовался.

— А ты где живешь? — спросила новая знакомая Эльхана, который в это время смотрел на молодую пару, сидевшую за соседним столиком, нахально раскинувшись на маленьких

удобных диванчиках.

— В Москве... в центре... — сказал Эльхан, вполне удовлетворив, судя по лицу девушки, ее любопытство.

Тем временем за соседним столиком молодые люди достаточно громко говорили и смеялись заразительным смехом, увлеченные друг другом. Они были расслаблены и находились в постоянном диалоге, в отличие от Эльхана и его новой подруги.

После очередного взрыва смеха Эльхан инстинктивно повернулся к ним и встретился взглядом с молодым человеком, которым оказался Гари, отдыхавший с Миленой в их первую встречу после его приезда из поселения Милнов. Гари и Милена были уже в приподнятом состоянии, и им казалось, что они одни в клубе. Черные, как ночь, глаза Эльхана, остановили течение времени Гари, который на мгновение застыл. Тонкая струйка страха невидимой нитью прошла сквозь его тело и исчезла так же быстро, как и появилась.

Эльхан понял, что это представитель рода Милнов и, возможно, даже Ми, но не почувствовал к нему ничего, кроме презрения. Он не почувствовал от Гари опасности и силы, искренне считая, что Милны Ханотам не соперники. Гари, в свою очередь, не понял, кто перед ним, так как находился в измененном состоянии сознания, и все свои ощущения списал на это.

«Придурки», — подумал Эльхан, и повернулся к своей подруге.

«Было какое-то», — подумал Гари и быстро забыл этот мимолетный взгляд, растворившись в Милене.

Спустя несколько часов Эльхан в шикарной частной гостинице достаточно грубо и долго трахал новую знакомую, которая своими фальшивыми стонами словно кричала о новой встрече, но Эльхан уже потерял к ней интерес. В это же время, когда Гари и Милена продолжали свое ночное путешествие, а Лиза и Андрей заснули на высоте птичьего полета, самолет компании Austrian Airlines приземлился в Вене. Быстро пройдя регистрацию, в зал прилета уверенным шагом вышла Зена. Она была в неброской, но дорогой одежде и практически без вещей, не считая небольшой сумки через плечо. Пройдя мимо встречающих, она села в такси и уехала в направлении города.

* * *

Эльхан в течение месяца жил в центре Москвы и развлекал себя, как только мог. Чем больше проходило времени, тем сложнее ему было себя развлечь. Он ходил в клубы, знакомился с «пластмассовыми» девушками на ночь, тратил большие суммы денег. В общем, жил обычной жизнью молодых и богатых московских бездельников. Через пару недель ему это наскучило так, что он ходил в клубы по инерции, и только вождение автомобиля приносило в его жизнь немного адреналина.

Внезапно Эльхан понял, что ему уже необходим постоянный заряд энергии, постоянный адреналин в крови. С этими мыслями он приехал к Рустаму, который выслушал его, а потом сказал:

— Ты настоящий воин Эльхан, и светская жизнь не для тебя. Я специально предоставил тебе возможность осознать это, так как рассказать об этом сложно, это надо почувствовать. Я дал тебе лень, чтобы она начала съедать тебя изнутри, потому что лень порождает еще большую лень, а энергия порождает еще большую энергию. Ты — молодой Хан, и, скорее

всего, в тебе есть такой потенциал, о котором ни я, ни ты пока не знаем. Воин, тем более Хан, не может жить обычной жизнью, обложившись материальными ценностями. Твое сердце и душа требуют энергии, которую невозможно получить в обычном социуме, поэтому ты чахнешь.

— Что мне делать? Я хочу действовать, — уверенно сказал Эльхан.

— Хорошо — произнес Рустам и позвонил кому-то по телефону.

Через минуту к ним в комнату зашел молодой крепкий мужчина лет тридцати пяти славянской внешности, кареглазый. У него был цепкий и сильный взгляд, что сразу отметил про себя Эльхан.

— Познакомься, Эльхан, это Виктор, — сказал Рустам, после чего молодые люди пожали друг другу руки. Эльхан заметил, что у Виктора очень сильная рука, и что он сжимал ее не в полную силу. — Виктор служил в Спецназе ГРУ и прошел множество горячих точек. Их командир сменился, на место прежнего пришел Ивори, поэтому Виктор там больше не работает. Он настоящий воин, тоже рвется в бой, как и ты. Пришло время включаться вам в игру, в большую игру. Послезавтра вы вылетаете во Францию, и вас там встретит Ахмет. Все указания получите от него на месте, — продолжил Рустам, а Эльхан и Виктор молча слушали, однако при упоминании имени Ахмета, Эльхан невольно внутренне вздрогнул, чего не было заметно снаружи, но Рустам это прочитал по глазам. — Да, это тот самый Ахмет. Дядя того самого Загира, с которым ты гонялся по Москве, и которого тогда столб остановил. Это нормально. Вы не знали, кто вы друг другу. Вы оба воины, но на тот момент были по разные стороны. Так бывает, — закончил Рустам, затем неожиданно подошел к Эльхану и обнял его со словами: — Да поможет вам Аллах...

— Ты действительно думаешь, что Бог — это церковь? — спросил Владимир Андрея, с которым они ехали в машине и обсуждали очередную новость о священнослужителе, запятнавшем себя в весьма неблагоприятных мирских делах, и тут же сам и ответил: — Церковь — это институт, причем очень сильный социальный институт, а Бог — это совершенно другое, совершенно не сравнимое...

— То есть ты считаешь, что церковь — это плохо? — попытался подловить его Андрей.

— Ни в коем случае. Скажу больше: я считаю, что церковь — это очень хорошо, плохо только смешивать ее со Всевышним, — уверенно ответил Владимир.

— Ну как же... В церкви люди молятся... приходят туда «пообщаться» с Богом... Ведь для этого и существует церковь... — принялся рассуждать Андрей.

— Ну, помолиться и «пообщаться» можно где угодно, — улыбнулся Владимир.

— А для чего тогда? — спросил Андрей.

— Во-первых, есть места положительной силы и энергии, которые люди веками намаливают, и чем искреннее они молятся, тем больше силы в этом месте. Я в некоторые храмы не люблю ходить, а в некоторых чувствую такую силу, что с места сойти не могу... но это вдали от больших городов, — серьезно сказал Владимир.

— Ты ходишь в церковь? — искренне удивился Андрей.

— Конечно, хожу. Николай Николаевич тоже ходит, скажу больше: он построил несколько церквей, правда, не в Москве. Тут вообще с этим сложно... ну да ладно, — проговорил Владимир и добавил: — А еще я изучаю ислам и буддизм, но только их настоящее проявление и историю, а не то, что пытаются преподнести ради личных выгод.

— Ислам??? Буддизм??? Это же вообще... непонятно что... — изумился Андрей.

— Человеку легче всего проявить агрессию по отношению к тому, что непонятно. Ты считаешь, что это что-то не наше, и поэтому отрицаешь. А кроме того, много плохих людей очернили, в твоём понимании, эти религии, смешав их с терроризмом и идиотизмом. Ты совершаешь ошибку, думая так и смешивая религию и Бога. Этим самым ты с неуважением относишься к Высшим силам, считая, что только одна религия имеет право на существование. Это примитивное мышление, которое хорошо работает среди неразвитых людей, считающих себя уникальными и отвергающих любые другие религии. Ты думаешь, что Создатель для одних существует, а других — нет? Или что, молиться Аллаху — правильно, а другим богам — не правильно? — задал риторический вопрос Владимир и добавил: — В Японии есть хорошая поговорка: «У горы Фудзияма много путей к вершине, однако, взобравшись на нее, видишь одну и ту же луну».

Андрею так понравилась глубина этой фразы, что он замолчал и задумался. Через некоторое время Владимир снова заговорил:

— Запомни, Андрей! Когда поднимаешься на вершину, кажется, что этот путь единственно верный, особенно если тебе об этом постоянно говорят.

Главное — постоянно подниматься. Хуже, когда стоишь на месте, считая, что ты все знаешь, и отвергаешь любые другие пути.

— Ну... про развитие согласен. А зачем в церковь-то ходить, тем более что это социальный институт, как ты говоришь? — спросил Андрей.

— Хуже ты от этого точно не станешь, — с улыбкой ответил Владимир. — Если храм

чистый, то там столько энергии, что с очищением и силой я получаю такую благодать — на словах и не объяснишь, — совершенно серьезно сказал он, посмотрев на Андрея, на лице которого отражались смешанные чувства.

Действительно, у того на данный момент был «разрыв шаблона», когда он смотрел на брутального тактика Владимира и слышал от него про Бога, религию и церковь. Андрей был уверен, что такие, как Владимир, неверующие, ну, или, если верующие, то точно не посещающие храм. Владимир словно услышал его мысли и сказал:

— Не удивляйся и старайся не мерить всех по одному шаблону. Согласен, что, как правило, люди таковы, но умные и хитрые скрывают свои дела под шаблонами, чтобы никто о них никогда плохо не подумал. Вспомни, к примеру, подпольного миллионера Корейко из «Золотого тельца» Ильфа и Петрова. Про него никто и никогда бы не подумал, что он может быть миллионером... Или самые опасные маньяки — они были примерными семьянинами, и их даже не рассматривали как преступников.

Некоторое время ехали молча, так как Андрей погрузился в свои мысли, переваривая то, что сказал его старший товарищ.

— Возвращаясь к теме религии, скажу тебе одну важную вещь, чтобы ты ее запомнил, — прервал молчание Владимир. Он даже остановил машину, тем самым давая понять значимость того, что сейчас скажет. — Религия в нехороших руках может быть мощнейшим инструментом манипуляции сознанием. Я не говорю про государственные конфессии — это как раз нормально, когда в стране поддерживается духовенство. Я говорю про попытки объявить единственно правильной только одну религию. Насаждая принадлежность человека к чему-то уникальному, ему дают понять, что он лучше других. Вызывая в нем гордыню и чувство собственной значимости, его легко заставить ненавидеть людей, исповедующих другую религию. И чем глупее человек, и чем больше в нем гордыни — тем легче натравить его на других, используя религию как инструмент.

— «Нет Бога, кроме Аллаха»? — иронично спросил Андрей.

— И это тоже. Чаще подобное встречается в исламе, где больше всего радикальных течений. В христианстве тоже полно «правильных» верующих, которые не принимают, а иногда даже презирают тех, у кого другая религия, или кто христианин, но верят не так «хорошо», как они. Основой всего также гордыня — я лучше, чем они. В Библии даже есть притча о «хорошем» фарисее и «плохом» мытаре, где фарисей гордился тем, что «правильно» молился, в отличие от презираемого мытаря, который просто искренне просил прощения без общепринятых церковных правил. Так вот, такая искренняя молитва намного сильнее и более угодна, чем «правильное» лицемерие. А по поводу ислама — дело не в самой религии, где и в помине нет такого, чтобы убивать «неверных». Можно просто добавить пару слов в изречение, и получится совсем другой смысл. Дело в людях, готовых эти слова принимать как главный канон жизни и не способных даже на каплю усомниться, а гордыня создает благодатную почву для ненависти. Ислам — отличная религия, которую я давно изучаю, и большинство настоящих верующих скажут тебе, что ничего радикального в ней нет. Скажу больше: в католицизме имеется гораздо больше неприятия других религий, чем в исламе. Все дело в людях — каждый слышит то, что хочет слышать. Доходит до абсурда, когда с именем Бога совершаются страшные преступления, — высказал свое видение Владимир и спросил: — Знаешь, в какой почве лучше всего приживается вирус радикализма?

— В исламе, наверное, — ответил Андрей.

— Нет, ислам здесь не при чем. Самая лучшая почва — это гордыня, тупость и безделье. Легче всего внедрить этот вирус в бестолковые головы с большим самомнением, да еще и когда в регионе нечем заняться. Это идеальное мясо, для реализации самых грязных замыслов плохих людей. И чем тупее мясо и выше самооценка — тем легче заразить его идеей радикализма. Посмотри на наших соседей, там исламом и не пахнет, однако в их дурные мозги много лет впихивали информацию, что они исключительные, а потом на эту почву наложили информацию, что все их беды от большого соседа. Вот и получили радикалов и фашистов. Конечно, не все там такие тупоголовые, но, к сожалению, этому вирусу достаточно, чтобы человек считал себя уникальным и винил во всех своих неудачах других, поэтому там заражены этим и совсем неглупые люди, — с сожалением сказал Владимир, немного помолчал и вернулся к начальной теме беседы: — Да, и священнослужителей не осуждай, они и так находятся в постоянном искушении... Они ведь такие же люди и могут быть слабее многих, а давления на них больше.

— Какого давления? Со стороны дьявола? — спросил Андрей.

— Ну... я не стал бы так говорить, потому что в сознании сразу всплывает человекоподобное чудище с рогами, а это нечто другое... — не зная, как объяснить, задумался Владимир, а потом сказал: — Давай так: это другая энергия, другая противоборствующая сила, с другой стороны. Смотри: если бы ты воевал с вражеским государством и узнал, что в нем есть много людей, которые не до конца поддерживают свое правительство, то есть твоего врага, что бы ты сделал? — задал вопрос Владимир.

— Ну... я бы постарался дать им понять, что правительство плохое, — не слишком уверенно произнес Андрей.

— Как? — спросил Владимир.

— Обнажил бы их истинное лицо... Может, провокацию бы устроил, — предположил Андрей.

— Совершенно верно. Так и делают враги, когда народ сравнивает правительство со страной. Если правительство плохое, это не значит, что и страна плохая, но многие не станут защищать родину и страну... Понял? — спросил Владимир и, не дожидаясь ответа, продолжил: — Слабого священнослужителя можно сбить с пути истинного, а потом раструбить это для всех. Слабые верой, кто смешивает веру и религию, разочаруются и в том, и в другом, что будет хорошо для противоборствующей силы. Кстати, подобный способ войны используется и с нашим правительством — для этого существует «пятая колонна».

— Что такое «пятая колонна»? Я часто слышу в СМИ...

— В двух словах — это армия противника внутри страны. Впервые термин был введен в тридцатые годы в Испании во время гражданской войны. Так называли агентов генерала Франко. Наступая на Мадрид четырьмя военными колоннами, генералы передали по радио, что в Мадриде есть еще и пятая колонна, готовая ударить изнутри. Во время наступления эти люди сеяли панику, искажали факты и занимались саботажем, используя информационное давление на сомневающихся. Генералы переоценили тогда эффективность этого оружия, потому что дух испанцев был силен, и сомневающихся было мало. Тем не менее это словосочетание прижилось и используется по сей день, — объяснил Владимир.

— В нашей стране большая «пятая колонна»... — констатировал Андрей.

— Сомневающихся хватает, да и врагов тоже, — согласился Владимир. — Настоящих предателей на самом деле не много, да и не считают они себя предателями. Многие искренне верят, что необходимо бороться за демократию, идя путем полного разоблачения

всех и вся и раздувания проблем до глобальных масштабов. Есть и романтики, которые считают, что, если сломать систему, будет только лучше. Да много всяких, в большинстве своем одурманенных и готовых, как стадо, все ломать и крушить. Кстати, Николай Николаевич совсем не толерантен и презирает их за их глупость и инициативность. Недаром про них говорят: «Хуже дурака — дурак с инициативой».

— А как выявить настоящую «пятую колонну»? — спросил Андрей.

— Один из наших департаментов как раз этим и занимается. Это непростая задача, потому что очень трудно понять настоящий мотив человека. Все эти люди твердят о демократии и свободе слова, готовы призывать к экстремистским действиям, саботажу и свержению власти. Мы берем или проверяем такого человека, а оказывается, что это обыкновенный болван, бездельник или неудачник, пытающийся себя реализовать через Интернет. Как ни странно, но очень часты случаи, когда весьма обеспеченные люди, сколотившие свои состояния при нынешней власти, выходят на митинги и требуют свержения этой самой власти. «Пчелы против меда», — пошутил Владимир и серьезно добавил: — Скажу больше: это вирус, который захватывает сомневающихся людей, заставляя их действовать так, как нужно врагу. Конечно, не все подвержены его воздействию, но определенный срез общества — в зоне риска.

— Кто именно? Ивори? — решил уточнить Андрей.

— Нет, ни Ивори, ни Ханоты, ни Милны не могут быть заражены этим вирусом. Это обычные люди, часто не особо умные и легко внушаемые, либо умные и имеющие внутренние нерешенные проблемы, либо талантливые, но пребывающие в постоянном противоречии и поиске, либо все вместе взятое. Так или иначе, это слабая или проблемная категория людей, которых очень много, чем и пользуется настоящая «пятая колонна». Задача государства — не бороться с ними, а создавать такие условия, чтобы люди не заражались этим вирусом и не рушили все изнутри, рубя сук, на котором сидят. А с настоящей «пятой колонной» мы обязательно разберемся, — закончил Владимир.

Он тронулся с места, и дальше они ехали молча. Андрея осенила мысль, что за последний год он узнал и осознал больше, чем за все предыдущие годы своей сознательной жизни, чем и поспешил поделиться с Владимиром. Тот выслушал и с улыбкой сказал:

— Знаешь, мне развитие напоминает кроссворд: стоит пару слов отгадать, так за ними открываются еще и еще. Ясное дело, что если туп и не развиваешься, то отгадывание слова все равно ничего не даст. В жизни так же, в конце концов, ты должен отгадать весь этот кроссворд.

— И что дальше?

— А дальше будет новый кроссворд, сложнее и интереснее. И так до бесконечности, — улыбнулся Владимир.

— Нуда... Бесконечность... Последнее время, когда начинаю думать о бесконечности, чувствую, что схожу с ума. Начинается такой страх, что хочется закричать и спрятаться куда-нибудь, — поделился своими мыслями Андрей.

— Это зря... — произнес Владимир, а потом спросил: — Ты, когда не можешь в закрытую железную дверь войти, что делаешь?

— Ключ ищу, — ответил Андрей.

— А если нет ключа, да и не твоя это дверь?

— Не буду туда ломиться.

— Вот и не ломись, тем более без ключа... да еще и головой. Быстро расшибешься! Ищи

ключи и двери сами откроются.

Андрей отлично понял, что имел в виду Владимир, и ему даже как-то стало легче на душе.

Несмотря на глубину и интерес обсуждаемых вопросов, Андрей не забывал думать о цели их поездки за город. Он понял, что они едут к Николаю Николаевичу, но почему так внезапно, не знал. Беседуя, он не забывал смотреть вокруг и понял, что едут они по другой дороге.

Словно в очередной раз прочитав его мысли, Владимир сказал:

— Мы сейчас едем в одно место, там нас ждет Николай Николаевич.

— Мы не домой к нему едем? — удивился Андрей.

— Нет, у вас другое мероприятие, — загадочно проговорил Владимир.

Миновав несколько КПП с вооруженной охраной, Андрей подумал, что они приехали на очередную базу спецслужб, вроде той, где он уже был. Подъехав к окруженному идеальным садом красивому особняку с колоннами, Андрей засомневался. Возле входа стояла машина, из которой вышел Николай Николаевич. Его лицо было серьезным, а в глазах читалось волнение. Когда Николай Николаевич и Владимир встретились взглядами, Андрей заметил в них что-то такое, чего не смог объяснить. Он осознал смысл этих взглядов позже, а сейчас понял только, что ему чего-то не договаривают. Николай Николаевич посмотрел на Андрея и сказал:

— Будь собой, не пытайся казаться, много не говори.

В это время к ним подошел мужчина, и все проследовали внутрь здания. Пройдя по длинному коридору, они оказались в большой приемной. Самые невероятные мысли путались в голове Андрея, когда сопровождавший их мужчина пригласил его одного войти в кабинет. Невероятные мысли оправдались: в кабинете за столом сидел глава Российской Федерации, которого он тысячи раз видел по телевизору, но никогда бы не подумал, что встретит лично.

Как ни странно, но все мысли сразу куда-то испарились, осталась только одна: *«Хорошо ли я сейчас выгляжу?»* Внезапно он услышал спокойный, уверенный и очень знакомый голос.

— Присаживайтесь, — сказал хозяин кабинета.

Осторожно присев напротив, Андрей встретился с пристальным взглядом серых глаз, от силы которых он почему-то сразу почувствовал себя виноватым.

Захотелось куда-нибудь убежать, но перед этим обязательно в чем-то признаться. Весь этот рой бредовых мыслей был недолгим, и Андрей понял, что если и дальше он будет пребывать в таком состоянии, то не сможет даже двух слов связать, а потому решил уйти от шаблонов.

Через мгновение нешаблонный вопрос хозяина кабинета вверг его в еще больший ступор.

— Что привело вас ко мне? — спросил президент, и у Андрея уже почти слетело с языка оправдание: он, мол, не знал, куда едет, и вообще, со всеми вопросами лучше обращаться к Николаю Николаевичу и Владимиру. Однако, осознав, что его на встречу позвали не просто так и что оправдываться ему пока не за что, Андрей, улыбнувшись и глядя прямо в глаза президенту, так же нешаблонно ответил:

— Ну... хотел удостовериться, что вы действительно существуете. — Андрей постарался, чтобы его слова прозвучали уверенно, но не нахально. Также, вспомнив слова

Владимира, что общаться надо во «взрослой позиции», особенно с оппонентами сильнее себя, он в свой ответ вложил искреннее уважение к собеседнику, что дало эффект.

Президент улыбнулся и в той же непринужденной манере произнес:

— Хорошая причина, но я и сам до конца не могу в этом удостовериться.

Потом он замолчал, внимательно глядя на Андрея, которому показалось, что все вокруг внезапно застыло, а живыми остались только серые глаза президента.

Андрей сначала ощущал дискомфорт от силы, исходящей от этого человека, но потом, продолжая смотреть в глаза, он «отпустил» ситуацию и перестал думать, что перед ним президент. Это придало ему уверенности.

— Не всегда можно отстраниться, когда понимаешь, что оппонент сильнее, — нарушил молчание президент, по-прежнему глядя на Андрея, который понял, что его трюк быстро раскусили.

— А что делать, если оппонент сильнее? — подыграв, спросил Андрей.

— Быть сильнее своего оппонента, — ответил президент.

— А если он все же сильнее?

— Тогда сделать так, как сделал ты, — улыбнувшись, ответил президент и добавил: — А еще правильнее — адекватно оценивать свои силы и моделировать возможные события. Ты мог догадаться, куда едешь?

— Ну... наверное, но сделать уже ничего не мог бы... Разве что сидеть и накручивать себя, — тоже улыбнувшись, ответил Андрей, а президент еще некоторое время смотрел ему в глаза, после чего встал, протянул руку и резко сказал:

— Хорошо, Андрей, спасибо. Приятно было познакомиться. До свидания. — Пожав молодому человеку руку, он вежливым жестом показал на дверь.

— Вам спасибо... Мне тоже приятно... До свидания, — немного растерявшись от такого диалога, проговорил Андрей.

Выйдя из огромного кабинета и приемной, Андрей шел, не чувствуя ног. Когда он осознал, что с ним произошло, его бросило в пот, а ноги стали ватными. Чем больше он думал, тем меньше мог сосредоточиться. Раньше Андрей иногда представлял себе встречу с первым лицом государства и фантазировал, что бы он ему сказал. Но что встреча пройдет именно так, в странном диалоге, который не нес никакой смысловой нагрузки, Андрей точно не мог себе представить.

Подойдя к машине, он не увидел Николая Николаевича, его ждал только Владимир, который сидел за рулем автомобиля. Так же, только в обратном порядке, миновав все посты охраны, они выехали за территорию, при этом не перекинувшись ни единым словом. Первым молчание нарушил Андрей.

— А где Николай Николаевич? — довольно сухо спросил он.

— Там же, где только что был ты, — улыбнулся Владимир.

— А почему ты мне не сказал, с кем я встречаюсь? — немного недовольно спросил Андрей.

— Сам подумай... значит, так надо было, — ответил Владимир, после чего Андрей наконец пришел в себя. — О чем говорили?

— Да вообще ни о чем. Диалог какой-то странный. Я, когда его увидел, обомлел сначала, думал, что допрос начнется, а тут вообще ни о чем. Просто поговорили, даже дал совет, как себя вести... Очень странно, — растерянно произнес Андрей.

— Пойми, он мог с тобой вообще ни о чем не говорить, а просто посмотреть в твои

глаза и все о тебе понять, а биографию он твою и так уже знает. У него, кстати, феноменальная память и способность работать в режиме многозадачности. — Владимир помолчал несколько секунд и снова улыбнулся: — Между прочим, даже сильные и умные люди иногда бессознательно могут дать совет или начать немного учить, но только если понимают, что в этом есть смысл. Я считаю, что это хороший знак...

Чем именно хорош этот знак, Владимир сказать не успел, так как их беседу прервал звонок от Лизы. Андрей, немного смущаясь, ответил и быстро переговорил с ней, добавив, что расскажет кое-что интересное вечером.

— Ты хочешь рассказать ей про встречу с президентом? — спросил Владимир.

— Да. А что, нельзя?

— Дело твое... Хочешь показаться лучше, чем есть, в ее глазах?

— Нет. Я хочу разделить с ней свои эмоции, потому что все удовольствие, которое я получаю, не разделив радость с Лизой, я получаю лишь наполовину — ответил Андрей, заставив на этот раз задуматься Владимира.

— Хорошо, если это действительно так... — сказал наконец тот, и всю оставшуюся дорогу они ехали молча — каждый в своих мыслях.

Прислонившись к боковому стеклу, Андрей смотрел в окно на деревья и дома, пролетающие мимо, словно сама жизнь, оставшаяся в памяти где-то далеко позади. Начался мелкий дождь, из-за чего стекло покрылось маленькими каплями, а изнутри запотело. Проведя по нему рукой, Андрей закрыл глаза. Вспомнились слова

Николая Николаевича, что, чем умнее становишься, тем быстрее начинает идти время. Все становится интереснее, есть о чем думать, поэтому дни проносятся незаметно. Действительно, еще совсем недавно, Андрей пошел в школу... и тут же ее закончил. Только вчера он познакомился с Владимиром, Николаем Николаевичем и родом Ивори, а сегодня едет со встречи с президентом, и, что парадоксально, этот промежуток времени по насыщенности событиями оказался богаче, чем вся прошлая жизнь. Он еще подумал, что когда был маленьким, время тянулось очень медленно, а сейчас недели и месяцы пролетали, словно щелчки пальцев.

Вдруг время почти остановилось, Андрей открыл глаза и увидел вместо мелькающих деревьев и домов красивые облака и небо через стекло, но уже иллюминатора самолета.

«Почему остановилось время?», — подумал он, отпрянув от окна и в очередной раз посмотрев в ту сторону самолета, где сидел президент. Почти полгода после их первой встречи пролетели, как один миг, а сейчас время тянулось, как в детстве. Он впервые сопровождал президента на борту № 1. Андрей вдруг подумал, что если бы пару лет назад, когда он устраивался на очередное место работы, ему сказали, что он будет сопровождать президента, то он никогда бы в это не поверил. Сейчас он летел в составе большой команды президента в Европу на какой-то важный саммит. Все было хорошо, но почему-то чувство беспокойства не давало покоя Андрею, хотя, что именно его беспокоило, он не знал. Андрей вспомнил, как вчера, когда он уже почти спал, позвонил Владимир и быстро сказал, что с утра он должен быть готов к командировке. Поняв каким-то шестым чувством, что летит с первым лицом государства, Андрей долго не мог заснуть, путаясь в тревожных мыслях, моделируя различные ситуации и не понимая, где явь, а где сон. Долго не решаясь, Андрей все-таки рассказал утром о своих предчувствиях Владимиру, сразу предупредив, что, скорее всего, это бред. Владимир внимательно выслушал его, но ничего не сказал в ответ и так же, как и Андрей, всю дорогу был сосредоточен и молчалив. Ему хотелось, чтобы все поскорее

закончилось, но что именно, он не знал. Время практически остановилось в салоне самолета, Андрей не мог ни на чем сосредоточиться, а чувство тревоги только возрастало. Когда самолет стал заходить на посадку, Андрей вздрогнул от сигнала табло «пристегните ремни», словно почувствовав, что начался новый этап того, что он хотел бы поскорее закончить.

ЕВРОПЕЙСКОЕ ТУРНЕ

— Любовь... Это слово давно опошили... — начал говорить Гари.

— Его говорят все, кому не лень, но в действительности оно ничего не значит, — поддержала Милена.

— Я знаю много людей, которые постоянно твердят о любви, а на самом деле там и близко ничего нет, — сказал Гари.

— Ага, у меня был молодой человек, который постоянно говорил мне о любви, что не мешало ему спать с другими и говорить им, скорее всего, то же самое, — улыбаясь, поведала Милена, а потом повернула голову и спросила: — С чего ты начал сейчас об этом говорить?

— Ну, вдруг тебе это нужно слышать... Может, тебе не хватает этого, — неуверенно произнес Гари.

— Слова ничего не значат, и чем их больше, тем меньше они значат. Да и потом, зачем говорить то, что и так чувствуешь? Мне этого не нужно. А тебе? — спросила Милена.

— Да нет, мне тоже не нужно. Думаю, мое отношение к тебе намного больше, чем это слово, даже глубже, что ли... — ответил Гари.

— Давай не будем вслух об этом говорить, пусть гештальт будет открытым, — предложила Милена.

— Давай, — согласился Гари, не понимая, что такое гештальт.

Они уже почти весь день вдвоем пролежали на кровати, разговаривая. Гари часто рассказывал Милене о своих мыслях и фантазиях, даже о чем думал в детстве, и его искренность и нестандартность мышления приводили ее в восторг.

Прошло уже несколько месяцев с того дня, когда они повстречались во второй раз, и больше не расставались. Гари и Милена не были похожи на влюбленную парочку — скорее, на двух друзей, иногда подкалывающих друг друга, но, когда оказывались в постели, их страсть можно было сравнить с ураганом. Они и внешне были похожи, особенно яркостью горящих изумрудных глаз, отличаясь только полом, хотя по характеру Милена имела больше мужского, чем женского. Они не держались за руки, могли пройти одновременно в дверь и даже отвесить друг другу приятельского пинка, что вызывало недоумение у прохожих и осуждение у некоторых знакомых, считающих, что их собственные отношения «намного цивилизованнее». Некоторые их «друзья» отказывались признать, что отношения Гари и Милены были искренними, и видели только плохое, искренне радуясь, когда у них были небольшие стычки. Минутные размолвки между Гари и Миленой проходили быстро, но для «друзей» этого было достаточно, чтобы доказать себе, что они правы, при этом полностью отрицая возможность признать глубину отношений молодых людей.

Гари и Милене было все равно, хотя вначале они предпринимали попытки доказать обратное, но потом решили этого не делать, посчитав, что человек видит только то, что хочет видеть. Они просто жили вдвоем, понимая, что, в принципе, им никто не нужен, потому что им вполне хватало друг друга. Да и от таких «друзей», которые еще оставались у обоих из прошлого, они избавились.

Гари постепенно знакомил Милену с родом и с его законами. А также он познакомил ее с Иваном и еще с несколькими Милнами, общий язык с которыми она нашла сразу. Ее увлек этот мир, особенно когда в одном месте собиралось много красивых и интересных людей с зелеными глазами. Видеть это было странно с учетом того, что людей с зелеными глазами

не часто встретишь. Она понимала, что случайных здесь быть не может, и приобщение к чему-то сильному и красивому ей очень нравилось.

Иван стал реже появляться в жизни Гари. Да и тот почти все время проводил с Миленой, которая заменила ему лучшего друга. Про приятелей из прошлой жизни Гари практически не вспоминал, осознав, почему раньше с ними общался, и почему сейчас их нет в его жизни. Дело было не только в том, что он Милн, но и в других достаточно простых вещах, которые он раньше не понимал или в которых просто не хотел признаваться себе. Сейчас это было настолько ясно, что Гари спрашивал себя, как он раньше этого не понимал и зачем столько времени потратил на ненужных людей. Тем прекраснее было сейчас общаться с Миленой и с другими Милнами, которые искренне интересовались его жизнью и не стеснялись говорить комплименты ему и Милене...

Гари за это время осознал, что раньше его понимание дружбы сводилось лишь к получению для себя какой-либо выгоды. И его «друзья» жили по тем же принципам. Анализируя поведение своих «друзей», Гари понял, что в основном он нужен был им только для того, чтобы «намутить», или чтобы одолжить у него денег, некоторым было интересно с ним развлекаться, но всех их прежде всего интересовали они сами, а не Гари. Даже его друг детства Дмитрий, который знал о Гари почти все и с которым, казалось, их ничто не могло разлучить, тоже исчез из его жизни, правда, еще до встречи с Иваном.

Общаясь с Иваном, Гари осознал, что этот человек получает удовольствие от того, что много дает ему и при этом не забывает требовать от него того же самого. С Миленой сначала было сложнее, так как она привыкла в жизни рассчитывать только на себя и с эгоизмом у нее было все в порядке, поэтому первое время Гари давал ей больше, чем она ему. Оказавшись в обществе Милнов и увидев настоящие отношения между людьми, которые искренне готовы были помочь друг другу, Милена изменила свои установки. Раньше она думала, что можно и нужно лишь брать, а отдавать — только если хочется и то не всегда. Как водится, систему не обманешь, а таких хитроумных, кто не хочет саночки возить, в современном мире — почти каждый первый, и все хотят «и рыбку съесть и...». Она поняла, что настоящие крепкие отношения возможны, только если есть искреннее, взаимное уважение, умение не только брать, но и отдавать, и у самостоятельных людей, коими и являлись Милны, с этим было все в порядке.

Милнам не требовалось искать выгоды от общения с другими, так как в материальном и моральном плане проблем ни у кого из них не было, да и объединяли их общие интересы и цели. В компаниях Милнов практически отсутствовали зависть и соперничество, а если они устраивали вечеринку, то никогда не смотрели, кто в чем пришел или кто «не скинулся», поэтому общение всегда проходило позитивно и искренне. На одну из таких вечеринок Гари пригласил Иван, позвонив ему на мобильный:

— Привет, дружище, как ты? Как Милена?

— О! Рад слышать тебя, Иван, — улыбаясь, ответил Гари, чувствуя, что Иван тоже улыбается.

— Соскучился... Хочу увидеть вас.

— Мы тоже, — искренне признался Гари, вдруг на секунду осознавший, что ему приятно слышать и говорить про то, что друзья скучают друг по другу.

— Ну, тогда я уже отправил за вами машину, так что увидимся на чем-то очень увлекательном, — с задором сказал Иван.

— Э... эй... подожди, мне надо посоветоваться со своим менеджером, — затараторил

Гари и, улыбаясь, посмотрел на Милену, в блеске глаз которой ответ читался со всей очевидностью. — Сколько у нас времени?

— Вся жизнь, друг, — шутя ответил Иван, а потом добавил: — Мероприятие в полночь, но рассчитывайте на долгое путешествие. Все... обнимаю! — закончил Иван и положил трубку.

— Ну что, зажжем? — спросил Гари, притянув Милену к себе.

Вечером того же дня Гари и Милена мчались по вечерней Москве в шикарной иномарке, которую прислал за ними Иван. К удивлению Гари, водитель не повез их в центр, где расположено основное скопление модных клубов и ресторанов, к которым они так привыкли, а поехал на север Москвы. Иван не сказал, что это за мероприятие, но по его голосу было понятно, что ночь обещает быть незабываемой. Их привезли в модный яхт-клуб на севере столицы, в котором помимо клуба и плавучего ресторана был еще и причал для яхт, чем и пользовались гости, прибывающие с воды. Проезжая мимо входа, Гари обратил внимание на группу молодых модно одетых юношей и девушек, для которых вход в этот клуб был сегодня закрыт, впрочем, как и всегда. В надежде на богатое чудо, которое должно случиться с каждой и каждым из них, они все равно стояли, провожая взглядом дорогие машины, проезжающие внутрь. Одной из стоящих у входа была Ирен, так и не состоявшаяся девушка Андрея. Она улыбалась, но в ее черных глазах была ненависть к подругам, потому что они были отражениями ее самой и ее неудач. Она ненавидела всех людей за забором, в клубе, в ресторане и в яхтах, потому что не могла быть с ними, но продолжала улыбаться, провожая машину с Гари и Миленой. На территории все было на высшем уровне. Иллюминации и различные световые решения отражали атмосферу праздника. Территория всего комплекса была большая, и человек двести, которые уже были на вечеринке, равномерно распределились так, что не было ощущения тесноты. Кто-то устроился в удобных креслах и диванах на улицах, кто был в баре, а основная часть сидела в уютном ресторане, который находился прямо на причале. Люди никуда не спешили, все улыбались, поэтому обстановка в клубе была спокойная и позитивная, но не столько благодаря роскоши, сколько из-за множества красивых людей и атмосферы Милнов. На расстоянии десятков метров от берега на черной водной глади стояло несколько дорогих яхт и катеров, как антураж, дополняющий полную картину мероприятия.

— Что вы, как не родные? — раздался радостный голос Ивана, который подошел и обнял их обоих.

— Никак не могу привыкнуть к нашему миру, и каждый раз для меня, как будто первый, — ответил Гари и обнял Ивана.

Они пошли в ресторан на пристани, где было много людей, которых Гари уже знал или видел по телевизору. Тусовки Милнов кардинально отличались от многих светских вечеринок и сборищ, и дело было не в антураже и богатстве, а в том, что там не было лишних людей. Там не было людей, уставших от того, что им нечего желать, потому что они пустые, там не было зависти и желания выпендриваться друг перед другом, там не продавались женщины, впрочем... там вообще ничего не продавалось.

Гари с Миленой растворились в толпе, причем они спокойно могли общаться с разными людьми, даже часто отдельно друг от друга, не видя в этом ничего плохого. Дома они иногда обсуждали тех, с кем им удалось пообщаться, и от кого они узнали что-то новое и интересное.

Как раз в тот момент, когда Милены рядом не было, а Гари сидел в компании Ивана и

еще нескольких Милнов, к причалу пришвартовалась красивая белая яхта, ранее стоявшая в сотне метров от берега. Гари обратил на нее внимание еще до того, как они подъехали. Когда яхта направилась к ресторану, Гари заметил, как Иван что-то сказал сидящему рядом человеку и указал в направлении судна. Из яхты вышла Мила Йовович в сопровождении нескольких мужчин. Ее белоснежная улыбка отражалась в тысячах огней ресторана, и увидеть ее можно было даже в темноте. Спокойный и безмятежный до этого, Гари вдруг сильно разволновался и даже почему-то отвернулся в другую сторону. Словно почувствовав это, Мила направилась к ним, тем более, что это был ближайший столик на причале.

— Привет, все! — поздоровалась она. Ее приятный акцент и странное приветствие «все» не оставили равнодушным никого, особенно Гари, который уже не мог не смотреть на Милу и не улыбаться в ответ. Дальше была дружеская беседа, в которой Мила одинаково одаривала всех своей улыбкой. Под смех и веселые разговоры Гари стал замечать, что полностью расслабился, а его тело начало покрываться испариной, несмотря на то, что была уже ночь. Гари посмотрел на бокал шампанского, которое пил, а потом на других людей вокруг, которые так же веселились и наслаждались общением. Когда кровь начала пульсировать быстрее, он понял, что шампанское было, скорее всего, непростое. Встретившись взглядом с Иваном, Гари понял, что тот все знает и дает понять, что все еще впереди. Через несколько минут пришла возбужденная Милена. Пританцовывая, она пыталась что-то рассказать Гари, еще до конца не осознавая, что их состояние не вполне обычное. Странно было то, что его и Милену, впрочем, как и всех, «разгоняло» очень медленно, но все больше и больше, и ощущения были не совсем знакомыми.

Модный диджей играл отличные треки, постепенно увеличивая темп, словно чувствуя настроение собравшихся, и в один из треков музыка дошла до самых верхов. У всех собравшихся настроение было под стать музыке, и те, кто слушал трек, ощутили состояние, когда какая-то сила из груди тянет их выше и выше, а потом и вовсе поднимает над землей. Диджей на самых верхах остановил музыку в логической паузе, а после нескольких секунд тишины черное небо над Химкинским водохранилищем озарил сумасшедший салют преимущественно зеленых цветов, начавшийся вместе с музыкой, которую продолжил диджей. Людей словно бросило обратно на землю. Небо взорвалось изумрудными огнями одновременно с музыкой и радостными криками Милнов, приветственно вскинувших руки вверх. Все были счастливые и каждый из собравшихся постепенно залезал на свою «гору удовольствия», пытаясь удержаться на ее пике.

В суете этого праздника Гари не заметил, что уже сидит рядом с Милой Йовович в компании с Иваном, Миленой и еще двумя незнакомыми мужчинами и одной женщиной. Как ни странно, но один из мужчин был сероглазым, однако это не сильно удивило Гари. Мужчина был пьян, и мутно смотрел на свою рыжеволосую спутницу.

«Мутные глаза — нет энергии», — вспомнил слова Ивана Гари. Действительно, от этого мужчины не исходила энергия какого-либо рода. Если он и оказался бы Ивори, то совсем не опасным. Странно было вообще то, что он присутствовал в их компании, но в атмосфере всеобщего куража это почти не замечалось. Гари обратил внимание на других. Девушка была красива и интересна, а в ее зеленых глазах блеснул дьявольский огонь. Но больше его заинтересовал мужчина, который привез их всех. Это был уже немолодой, но очень статный человек, и в нем чувствовалась такая уверенность и сила, что Гари подумал, что мог бы даже рядом с ним заплакать, если бы был трезв. Улыбаясь своим мыслям, Гари старался общаться со всеми, но все равно то и дело переключался на него. Мила называла

мужчину Дмитро, на основании этого и своеобразного акцента Гари сделал вывод, что он из восточной Европы, может, хорват или серб. Несмотря на то, что Гари ни разу не заметил, чтобы Дмитро смотрел на него, ему почему-то показалось, что этот мужчина сильно интересуется им. Мало того, Гари чувствовал, что Миле Йовович он тоже интересен, хотя никаких логических предпосылок для этого не было. Внезапно Дмитро резко встал и на довольно неплохом английском произнес:

— Who are ready for beautiful travel? — спросил он на английском и, не дожидаясь ответа, пошел к яхте.

Разгоряченные тела уже не могли сидеть на месте, поэтому все, кто был в шатре, ринулись за ним. К ним присоединились еще пара и диджей, который только что закончил играть, уступив место у пульта другому, после чего они все шумно погрузились на борт.

— Forget about your business for a few days or leave the boat, — улыбнулся он, но все поняли, что про несколько дней он не шутит. У Гари промелькнула было мысль насчет того, что они будут делать на яхте несколько дней, но он решил не заморачиваться, тем более, что они уже отошли на середину водохранилища, откуда открывался потрясающий вид на огни ресторана, других яхт и высоток города, а также на вспышки великолепного салюта, которые освещали небо. С середины водохранилища полоска берега, на котором остались все гости, была яркой прослойкой между черной водой и черным небом, которое периодически освещалось разноцветным салютом, отражавшемся цветами на черной глади воды. Гари стоял один с бокалом виски на носу яхты и просто смотрел на воду, салют, берег. Он был счастлив.

То, что происходило потом, было, как в кино, тем более, что алкоголь пили, уже не закусывая.

Потом они куда-то плыли в ночи и через час пришвартовались у другого яхт-клуба, где их ждал огромный лимузин, который повез их шумную компанию уже по земле. Шумная компания, смесь и толкаясь, практически вываливалась с яхты, а потом так же пыталась залезть в лимузин, в котором веселье продолжилось. Мила Йовович потеряла одну туфлю, когда выходила на берег, и, когда это выяснили в машине, под громкий смех компании она выкинула оставшуюся через открытый люк. Минут через двадцать пути машина остановилась, и дверь открылась. В угаре никто не отслеживал, куда они приехали, но, выходя из машины, каждый восторженно закричал от увиденного. Они оказались в VIP-терминале аэропорта «Шереметьево», заехав сразу на летное поле к частному самолету бизнес-авиации «Cessna».

Гари, как и остальная компания, был в таком состоянии, что все дальнейшее им воспринималось, как меняющиеся картинки комикса.

Трап... самолет... стюардесса... еда... шампанское... кабина пилота... и сумасшедший рассвет над облаками, догоняющий их откуда-то сзади, с востока.

Бесконечный день уже перетек в новый, когда шасси частного самолета коснулось взлетно-посадочной полосы аэропорта Ниццы. Сил и энергии у компании было хоть отбавляй, поэтому все хотели продолжения банкета. Уже ярко слепило солнце, когда они добрались до изысканного небольшого отеля, поставив на уши весь персонал. Мила была босиком, что периодически взрывало всю компанию и вводило в ужас сотрудников дорогого отеля в Ницце. Было такое ощущение счастья, что хотелось продолжать еще и еще, и, как ни странно, темы для общения и шуток не заканчивались.

Потом были опять яхты, рестораны, город и пляжи...

Гари и Милена время от времени что-то говорили друг другу, но в основном это было восхищение происходящим с ними. Гари вдруг на мгновение осознал, что он на Лазурном берегу с любимой женщиной, с прекрасными людьми, с известной голливудской актрисой и не менее известным диджеем. Ему хотелось брать еще и еще от жизни, и они с Миленой искусственно продолжали и продолжали этот день, который начался более суток назад в Москве. Ночью того же дня, словно меняя картинку комикса и уже не понимая смысл происходящего, компания продолжила, ввалившись в самолет, и оказалась через пару часов в центре Парижа. Как ни поддерживали они себя, но усталость от всего дала о себе знать, и в полубоморочном состоянии остатки компании дошли до Эйфелевой башни, чтобы постоять рядом несколько минут и уехать в отель неподалеку от Елисейских полей. Гари и Милена кое-как доползли до кровати и, не успев раздеться, уснули мертвым сном.

Гари проснулся от звуков уличных музыкантов, которые, казалось, играли прямо рядом с ним, а может, и вообще у него в голове. Повернувшись, он увидел спящую обнаженную Милену, которая лежала на фоне большого открытого окна. Балконная дверь была открыта, и от улицы их отгораживал только легкий белый тюль, через который можно было увидеть светящуюся Эйфелеву башню. В другое время Гари восхитился бы этой картиной, но сейчас его состояние оставляло желать лучшего. Была ночь, и Гари понимал, что это уже следующая ночь. Еле встав, он выбрался на маленький балкончик, который выходил на уютную пешеходную улицу с ресторанчиками, недалеко виднелась светящаяся Эйфелева башня. В другом состоянии Гари оценил бы все, что видел: и отель, и Париж, но сейчас ему ничего не хотелось. Он понимал, что переборщил с удовольствиями, но... как же хотелось продлить этот день! Слово читая его мысли, среди ночи в номер постучал Иван и принес ему какой-то отвар, похожий на зеленый чай.

Выпив его, Гари действительно почувствовал себя лучше. Через какое-то время проснулась Милена, также в разобранном состоянии, как морально, так и физически. Напившись отвара и закутавшись в пледы, они сидели на балконе и молча смотрели на прекрасный город, который постепенно просыпался и оживал вместе с ними. Было ощущение, что жизнь остановилась и так будет всегда...

* * *

В то время, когда вся компания отсыпалась в центре Парижа, владелец яхты и самолета Дмитро, который привез их во Францию, летел в Будапешт. Его сопровождала только Мила Йовович, молча смотревшая в иллюминатор. Если для всей компании прилет в Ниццу и Париж был праздником, то для Дмитро и Милы эта поездка имела куда более глубокий смысл. Прилетев в Ниццу, они не пошли гулять вместе со всеми, отдыхали каждый в своем номере, а вечером, едва прилетев в Париж, покинули его на том же самолете, полетев в направлении Венгрии.

АВСТРИЯ, ВЕНА

Прошло больше месяца с тех пор, как Эльхан не видел Зену. Не сказать чтобы он сильно скучал, но все же временами думал о ней, особенно в физическом плане. Раньше Эльхан уже бы места себе не находил от такого воздержания, а сейчас был спокоен. Он сосредоточился на деле, полностью доверяя своим наставникам и зная, что его действия помогут роду Ханотов одержать победу над Ивори. Он стал замечать, что уже не может общаться с людьми с другим цветом глаз, даже если это не Ивори или Милны. В отличие от Рустама, Эльхан проявлял к ним больше агрессии, особенно к Милнам. С Ивори было все понятно — вот враг, а самое главное — понятный враг, а Милны оставались для него темными лошадками. Он не понимал их амбиции, цели и, самое главное — не знал их местоположения. Милнов насчитывалось мало, но они были рассредоточены на большой территории, и у них не существовало объединяющего сообщества, не считая тусовок и общин. Эльхан поделился своими мыслями с Виктором, но тот только отмахнулся, дав понять, что Милнов серьезно никогда не воспринимал.

Вот уже больше недели Эльхан и Виктор жили в квартире в центре Парижа, и самым неприятным в этой ситуации оказалось то, что им никто ничего не говорил, и было непонятно, что делать. Рустам обещал, что Ахмет все скажет, но тот только встретил их в аэропорту и молча довез до дома. Больше недели никаких звонков и указаний. И если Виктор был спокоен, то Эльхан постоянно спрашивал, почему им никто ничего не говорит. Его не оставляло подозрение, что Ахмет не хочет работать с ним, поскольку что-то знает о гибели своего племянника. Но вскоре Эльхан изменил свое мнение. Ахмет внезапно приехал поздно вечером, без предупреждения, просто позвонив в дверь.

— У нас пять минут на сборы, через час отправляемся на поезде. Детали обсудим по дороге, — сказал Ахмет так, что ни у кого не возникло и мысли что-то еще спрашивать. Через час они уже сидели в комфортабельном вагоне поезда, который направлялся в Вену. Когда тронулись, Виктор спокойно и по-военному четко спросил:

— Есть проблемы?

— Могут быть, если не предпримем меры. Времени мало, поэтому надежда только на нас. Других групп нет, потому что информация получена только вчера, — ответил Ахмет.

— Какие вводные? — снова спросил Виктор, в то время как Эльхан не произнес ни слова с момента приезда Ахмета.

— Ситуация такова, что баланс сместился, и непонятно, в какую сторону. Ивори могут сильно изменить соотношение сил в мире, если предоставят информацию с доказательством против нас, — начал спокойно говорить Ахмет, а потом зло добавил: — И весь этот долбаный мир правозащитников может им поверить. Ивори — трусы, не идут на прямое сражение, а придумывают схемы, в которых они всегда не виноваты. Может, где-то Ханоты перегибают с напором... но, черт возьми, как еще воевать и возродить род, когда в современном мире забыли, что такое настоящая сила! — Когда Ахмет это все говорил, по его эмоциям можно было понять, что он готов вскочить, выхватить меч и порубать всех, кто был рядом.

— Что у них есть на нас? — нарушив свое часовое молчание, спросил Эльхан.

— Точно не знаем, но нам известно, что что-то очень важное, разоблачающее наши действия в Восточной Европе. Мы знали, что появился новый идиот — Сноуден, но не

знали, кто это и где он находится. Его информация может пролить ненужный свет на события в Украине и Сирии, — ответил Ахмет.

— Там вроде и так все понятно, — прокомментировал Виктор.

— Да не все там понятно, и там, и там. Слишком много интересов сошлись в одном месте и в одно время, и если раньше было понятно, то сейчас там полный вакуум, — сказал Ахмет.

— Может, замешаны Милны? — предположил Эльхан.

— Да кому эти малочисленные придурки нужны? Первые разбежались по лесам, — поморщившись, ответил Ахмет и добавил: — Там патриотов, конечно, хватает, которые раньше всех на удобрение идут, но много и истинных Ханотов уже погибло. Там и два Хана сложили головы, а Ивори не втягиваются в войну, предпочитая истреблять нас, иногда используя наших же воинов. Мы должны помешать их победе, особенно на информационном фронте. Это в общих чертах, завтра расскажу тактические шаги, — закончил Ахмет и закрыл глаза.

Дальше они ехали молча, и каждый думал о своем.

Эльхан поймал себя на мысли, что больше не думает о России, как о чем-то своем, о чем-то, что не хотелось разрушать. Вообще-то, он и не думал о ее разрушении, а думал о том, чтобы Ханоты жили и дальше в России единым сильным родом, без Ивори и Милнов. Мысль о последних почему-то опять вызвала у него неприятные ощущения. Эльхан был возбужден предстоящей операцией, боялся он не столько умереть в бою, сколько не выполнить задание, навредив тем самым всему роду. Закрыв глаза, слегка покачиваясь в несущемся вперед вагоне, Эльхан от возбуждения впал в состояние Ки Айки, о котором он слышал от Темира. С давних времен настоящие воины Ханоты перед важным боем впадали в такое духовное состояние, в котором безмятежность воина граничила с бессознательным. В Индокитае это называлось медитацией, в Японии — Ки Айки, а на Руси — состояние хмеля, то есть безмятежность «под хмельком». Так или иначе, Эльхан был уже далеко от этого поезда...

...Он бежал быстро, словно гепард за добычей. Как ни странно, но это был красивый современный чистый город, будто явившийся из недалекого будущего. Через мгновение, Эльхан понял, что он бежит не за кем-то, а от кого-то. Сил и энергии было столько, что он мог перепрыгивать автомобили известных ему марок, но ранее не виданных моделей. Чувствуя спиной приближение опасности, Эльхан прибавил ходу, прикинув, что бежит уже, вероятно, со скоростью, превышающей тридцать километров в час. Ощущение было странным, но чувство опасности перекрывало все, поэтому оставалась только одна мысль — бежать. Приближающиеся звуки становились все громче, и вот-вот что-то должно было уже поймать его. Из всех сил оттолкнувшись от крыши автомобиля и преодолев метров десять в воздухе, Эльхан оказался на крыше небольшого магазинчика. Обернувшись на мгновение, он увидел что-то летящее и несколько человек в странной одежде, бегущих за ним. Эльхан успел заметить, что это странный город, словно из будущего, в котором он точно никогда не был. Через секунду Эльхан, разбежавшись, прыгнул с крыши в сторону соседнего здания, которое находилось метрах в пятнадцати от него. Словно в замедленной съемке, он перелетел это расстояние, видя, как медленно приближается окно соседнего дома, и резко влетел в него, выбив вместе с рамой, словно она была из пенопласта. Стекло рассыпалось на мелкие пластмассовые шарики, совсем не причинив вреда Эльхану. Оказавшись внутри какой-то комнаты со странной мебелью, Эльхан ринулся было внутрь квартиры, но резко остановился возле большого зеркального шкафа. Его бег остановил не шкаф, а зеркало,

точнее, отражение в зеркале. Эльхан вдруг увидел себя... или человека, очень похожего на себя, но моложе и другого, и, что самое странное, у него были ярко-синие глаза.

Секунду спустя Эльхан уже бежал дальше — через очередную комнату к окну, которое проскочил, словно оно было сделано из бумаги. Когда он оказался в воздухе, время опять остановилось, как в замедленной съемке, а потом стало бежать все быстрее и быстрее, утягивая его куда-то в темноту...

...Вздвогнув, Эльхан открыл глаз и понял, что сидит на полу в вагоне поезда. На него удивленно смотрели Виктор и Ахмет. После нескольких секунд молчания последний спросил:

— Все в порядке, Эльхан? Ты кричал сейчас!

— Да, все хорошо, — ответил Эльхан, усаживаясь на свое место. Дальше они ехали без происшествий, только Эльхан не мог ответить себе на несколько вопросов.

«Что это со мной было? Сон? Почему тогда я все чувствовал? Почему я бежал? От кого я бежал? Где это было? Почему в отражении не я? Почему другой цвет глаз?» — все спрашивал и спрашивал он себя.

По приезду в столицу Австрии Эльхан, Виктор и Ахмет встретились в большом доме с еще несколькими Ханотами, которые должны были участвовать в операции. Эльхан понял, что готовилось что-то давно, но точная информация появилась только вчера. Из плана операции стало понятно, что утром от полицейских они получают информацию о перемещении делегации русских, и, когда станет известен адрес прибытия, необходимо будет дождаться выхода человека и уничтожить его вместе с полицейскими и возможными очагами сопротивления. Так как действие произойдет в городе, и времени будет мало, чтобы добиться стопроцентного успеха, огонь должен быть шквальным. Находясь в военном лагере в Сирии, Эльхан научился стрелять практически из всех видов оружия, поэтому в его обязанности входил выстрел из ПТУРа для полной уверенности в успехе операции. Потом было обсуждение деталей операции отхода, которые Эльхан уже не воспринимал, так как понял свои действия в завтрашнем мероприятии и поэтому практически уже отсутствовал.

За последние сутки с ним столько произошло, так много информации необходимо было переварить, что ночью он долго не мог заснуть. Эльхан даже не подозревал, что в это время в Москве, по крайней мере, еще несколько человек так же не могут заснуть. Андрей, который только что получил звонок от Владимира о предстоящей командировке. Владимир тоже долго не мог уснуть перед важной поездкой, и Николай

Николаевич, который почему-то боялся приближения чего то, но чего не знал, поэтому не хотел засыпать...

* * *

— Время пришло.

— Я знаю. Хочу все забыть.

— Ты же знаешь, что все забудешь, только предчувствия не будут покидать тебя.

— Я знаю.

— Каков твой выбор?

— Как ты можешь спрашивать, каков мой выбор? У меня нет выбора.

— Ты же знаешь правила. Так кто?

— А-а-а.

— Твой выбор... Андрей или Владимир?

— Стой, ты же забрал у меня жену...

— Это не твой выбор, ты же знаешь. Один должен уйти... один должен уйти...

— Не-е-е-т...

— Можешь уйти ты, тогда они останутся... выбирай...

— Ты не едешь с «первым», садись в ту машину, — приказал Владимир Андрею, указав на машину сопровождения. Тот хотел спросить: «Почему?», но, увидев взгляд Владимира, вспомнил, что вопросы в таких случаях не задаются.

— Хорошо, — коротко ответил он и пошел к другой машине, провожая взглядом Владимира, который садился в лимузин, где уже находился президент.

Подъезжая к назначенному месту, две машины из кортежа повернули на другую дорогу, отделившись от основного потока. Это озадачило Андрея, потому что в одной из этих машин ехал президент.

Вдруг в его наушнике раздался голос Владимира, который быстро и сухо сообщил:

— Андрей, мы заберем объект и присоединимся на выезде. При любой нестандартной ситуации возвращаетесь в аэропорт. Береги его... и себя...

— Понял тебя, — ответил Андрей, и вдруг его охватило чувство тревоги. В последних словах Владимира было столько всего, что Андрей не смог бы описать это словами. Словно близкий ему человек прощается с ним навсегда и не может сказать ему самое главное, хотя и очень хочет.

Через несколько минут две машины из кортежа резко изменили направление движения и на большой скорости поехали в сторону аэропорта. Андрей понимал: что-то произошло, но что именно, он узнал позднее.

— Have you made the copy of materials? — сразу спросил Владимир человека, которого они встречали.

— Yes, of course, — сверкнув черными глазами ответил незнакомец, усаживаясь в машину. Конечно, он сделал копию, которая может «всплыть», где не нужно, тем самым обеспечив ему безопасность.

Незнакомца звали Майкл, он работал во внешней разведке МИ-6 и случайно получил доступ к некоторым важным документам, публикация которых очень сильно помогла бы одним и существенно испортила бы планы других. Жажда славы нового Сноудена и желание быть значимым, побудили этого человека к предательству интересов своей страны ради чего-то личного. Передав российским спецслужбам часть информации, он практически выдал себя, так как информация о «кроте» в рядах МИ-6 была передана также российскими «кротами». Петля вокруг Майкла быстро затягивалась, поэтому он решил сбежать во Францию. Тысячи сотрудников спецслужб оказались заняты его поисками и шли за ним буквально по пятам, поэтому ему приходилось быть осторожным и менять адреса проживания. При помощи российских агентов Майкла удалось переправить в Вену, но дальше сделать что-то было практически невозможно. Тогда приняли решение использовать его на саммите в Вене, где российский президент представил бы его мировой общественности. Основное условие Майкла было такое: все переговоры он будет вести только с первым лицом государства. На этих переговорах он планировал «выбить» для себя гарантии не только безопасности, но и материальные.

— But I will communicate only with the president, — с улыбкой произнес Майкл.

— You are welcome, — ответил Владимир и пригласил его сесть в автомобиль, в котором находился президент.

Майкл сел напротив главы государства, машина тронулась, и через некоторое время неожиданно на улице послышались выстрелы.

— Твою мать! — выругался Владимир и тут же повернулся к испуганному Майклу: — Where is it?

— What? — спросил Майкл

— The copy! Materials! — почти закричал Владимир.

— I will communicate only after guaranty, — сказал Майкл, но уже без улыбки, вжавшись в кресло автомобиля.

— You are more important! Documents without you mean nothing!!! — орал на него Владимир, давая понять, что документы без него ничего не значат, как вдруг раздался оглушительный взрыв, и передняя машина взорвалась, сильно качнув их взрывной волной.

— So... resource... com... file... Aleksandr Makedonskiy... entrance... his date of birth, — запинаясь, выложил Майкл.

— Андрюха... родной... ответь! — прокричал в микрофон Владимир и, услышав ответ, быстро начал говорить: — Запоминай: файловый ресурс — библиотека... ага... файл Александр Македонский... пароль — дата его рождения... Повтори... Да, его дата рождения... — Больше Владимир ничего сказать не мог, потому что вторым выстрелом Эльхана из ПТУРа их машину подкинуло на несколько метров вверх.

«Неужели?., я всю жизнь ждал этого «Неужели»... Теперь понимаю, что шел к этому мгновению всю жизнь и жил только для него...

— Владимир, ответь мне!.. — пытался связаться с ним Андрей, но все было безуспешно, и через несколько минут они попытались найти кортеж. Когда они подъехали к месту происшествия, там уже были два пожарных расчета и полиция. Андрей попытался прорваться к искореженным автомобилям, точнее, к тому, что от них осталось, но в душе он понимал, что все кончено.

В голове творилось что-то непонятное. Хотелось крикнуть: «Стоп, все не так!», но ничего не происходило. Словно во сне Андрей смотрел на пожарных и на зевак, которых не пускала полиция. Рядом кто-то что-то говорил, что-то обсуждал, но все было словно в вакууме. Только мысли, что там Владимир и Президент Российской Федерации, кидали его в дрожь и возвращали в реальность, к которой не хотелось возвращаться. Кто-то что-то кричал рядом, но в голове стоял гул... и приходило понимание, что они не справились...

«Что теперь делать? Как так, как так? Это не со мной. Сейчас я проснусь, и все вернется как было», — мысли вертелись в голове, не давая трезво оценить ситуацию.

Вдруг в толпе зевак Андрей увидел глаза, которые он уже видел и точно никогда не забудет. Дело не в цвете или размере, а в энергии, которую они излучали. Это были глаза воина, который выиграл сражение, глаза тигра, поднимающего голову над побежденной жертвой. Все вокруг остановилось, и только эти глаза яркой белой вспышкой поднимали Андрея наверх, все выше и выше.

...И уже совсем не образный, а настоящий тигр стоял над поверженной жертвой, а в него, раскинув трехметровые крылья, пытался вонзить когти огромный орел. Глаза тигра светились желтым дьявольским огнем, а огромные клыки готовы были разорвать надоедливую птицу. Орел летел вперед когтями, имея только одно преимущество — тот факт, что его не достать в воздухе. Вырвав клочок шерсти, орел еле увернулся от когтей тигра,

и взлетел вверх, готовясь ко второй атаке. Легко отбив первое нападение, тигр просто исчез, не дав продолжить бой...

Андрей очнулся лежащим на асфальте, сознание медленно возвращалось, наполняя его пониманием ужаса происходящего. Кто-то помог ему подняться, думая, что человеку стало плохо от увиденного, но Андрей теперь осознал, что именно произошло. В глазах Эльхана он прочитал, что на самом деле случилось и кто за этим стоит... Андрей узнал все, что произошло. От этих мыслей он вскочил, понимая, что надо поскорее взять себя в руки. Он вдруг услышал голос в наушнике, который настойчиво требовал выйти на связь и приказывал срочно ехать в аэропорт. По дороге туда Андрей, как заклинание, повторял информацию от Владимира, которую тот просил его запомнить: «*Файловый ресурс... Александр Македонский... дата рождения*».

На саммите так и не были представлены разоблачающие доказательства, а представители российской стороны вообще не упоминали о них. Для кого-то это было облегчением, для кого-то — разочарованием, но, так или иначе, почти все подумали, что это очередной хитрый политический ход Москвы.

Лучшие умы планеты разрабатывали тактики и стратегии последующих шагов каждой из сторон, но как минимум для одного человека это сейчас не имело никакого значения. Андрей ехал в машине в сторону аэропорта, а навстречу ему мчались полицейские автомобили, гулом сирен уносясь куда-то далеко, в то место, о котором он не хотел думать. Он просто двигался, совершенно не замечая, как прошел спецтерминал аэропорта и даже как очутился в президентском самолете. И только обстановка в самом самолете заставила его прийти в себя. Когда он поднялся на борт, кто-то его попросил куда-то пройти и проводил в отдельный кабинет, войдя в который Андрей обомлел от увиденного. За столом сидел президент... Российской Федерации и смотрел на него в упор взглядом пронизывающих серых глаз.

«*Да, вот это глаза настоящего Ивори*», — подумал Андрей и после пригласительного жеста присел в кресло напротив. Президент сохранял молчание и только смотрел Андрею в глаза, который понял, что сейчас перед ним настоящий президент, а погиб с Владимиром кто-то другой.

— Думаю, объяснять ничего не надо, — нарушил молчание президент, а Андрей только покачал головой в ответ, также не сводя с него глаз. — Так бывает... Владимир был отличным Ивори... — сказал президент, но Андрей ничего не мог ответить из-за кома в горле, отчего опустил глаза. — Сейчас иди... надо отдохнуть... Николай Николаевич тебе все объяснит.

— Спасибо, — проговорил Андрей, после чего вышел из кабинета в салон, в котором уже все заняли свои места, так как самолет выруливал на взлетную полосу.

Во время полета борта № 1 в Москву и выступления российских представителей на мобильный телефон Эльхана позвонил Темир.

— Все отлично, брат... хвалить потом буду, а прямо сейчас выйди на улицу — там тебя ждет такси, оно отвезет тебя по адресу, где ты встретишься с одним человеком... Это срочно, у тебя одна минута, — быстро сказал Темир.

— С кем встретиться? Зачем?.. — только и успел сказать Эльхан, но Темир уже положил трубку.

Эльхан вышел из дома, в который они с Виктором приехали после бойни и в который позже подъехали Ахмет и Мага, а потом — еще несколько человек. Когда Эльхан сел в

машину, таксист ничего не спросил у него и поехал прямо, остановившись через несколько кварталов возле небольшого кафе. Войдя внутрь, Эльхан увидел свою жену Зену, которая сидела одна. Взглянув на нее, Эльхан вздрогнул от понимания того, как он скучал по ней, как дорога она ему, и как красивы ее черные глаза.

— Ты что здесь делаешь? — спросил Эльхан и обнял Зену. Прижав ее к своей могучей груди, он почувствовал все ее миниатюрное, но сильное тело.

— Жду тебя... Мы сейчас улетаем, — ответила Зена и, улыбаясь, показала стопку сложенных документов.

— Куда? — удивленно спросил Эльхан.

— В Нью-Йорк... жить, — проговорила Зена.

— Как? Зачем? У меня здесь дела! — воскликнул Эльхан.

— Здесь все закончено. Темир сказал, что здесь ты все сделал и здесь небезопасно. Мы с тобой улетаем сейчас в Америку, в Вест-Пойнт. Темир сказал, что для рода ты там важнее, — объяснила Зена, а потом, опустив взгляд на свой живот, добавила: — Для нас двоих... теперь важнее...

Эльхан долго смотрел в ее блестящие черные глаза, пытаясь собрать все мысли во что-то цельное, после чего присел рядом с ней и приложил ухо к животу. После, поцеловав живот, Эльхан поднялся, обнял Зену и сильно прижал к себе.

«Что это такое? Зачем он звонит», — думал Николай Николаевич, смотря на стационарный телефон в своем кабинете. Телефон был старого советского образца, с гербом посередине. Ему очень нравился этот аппарат, но в данный момент отношение к телефону было другим. Громкий звонок разорвал гнетущую тишину кабинета Николая Николаевича, отчего последний даже вздрогнул. С каждым звонком тревога нарастала, но хозяин кабинета не мог ничего с собой сделать, и что-то ему подсказывало, что после поднятия трубки начнется другая жизнь, а какая именно — он не знал. Ему хотелось еще несколько мгновений пожить этой жизнью, но с каждым звонком он понимал, что осталось совсем мало, словно отчет от десяти до нуля отбивал каждый звонок. Протянув руку к телефону, Николай Николаевич ощутил такое сердцебиение, что затряслись руки. Он вспомнил глубоко забытое чувство, что в его жизни уже был один такой звонок, отчего его еще сильнее бросило в дрожь.

— Слушаю, — пытаюсь скрыть волнение, ответил Николай Николаевич. Молча выслушав то, что сказали на другом конце провода, он трясущимися руками еле смог положить трубку на аппарат. Ноги подкосились, словно что-то свинцовое из груди наполнило все тело и тянуло к полу. Хотелось закричать, что есть мочи, но тело и душу парализовало. Он понял: то, чего он боялся больше всего, вырвалось из телефона и уничтожило его полностью. В подсознании всегда это сидело, но он всю жизнь считал, что это с ним никогда не случится. Силы заканчивались, ноги подкосились и Николай Николаевич практически рухнул на пол. Оказавшись на полу лицом вниз, медленно стуча кулаками по дубовому паркету, он разрыдался так, как никогда в жизни.

— Этого не может быть... этого не может быть... этого не может быть...

Два человека, которые еще недавно были на расстоянии удара друг от друга, разлетались в разные концы планеты. Когда один самолет набирал высоту, направляясь в Нью-Йорк, другой приземлился в Москве. Дождь за бортом словно повторял настроение Андрея. Он думал о Владимире, который фактически спас ему жизнь, пересадив в другую машину. Планировалось, что Андрей поедет вместе с Майклом, анализируя и проверяя по дороге информацию, но Владимир в последний момент все изменил, сев вместо него. Андрею очень хотелось услышать, что ему расскажет Николай Николаевич, но в аэропорту его не было. Андрея отвезли в какой-то большой загородный дом, только сказав, что ему надо отдохнуть и пока никому не звонить.

Андрей находился в полной изоляции, а на третий день приехал Николай Николаевич, которого Андрей не узнал. Он даже внешне изменился, и энергетика была совсем другая, а глазах застыла непередаваемая тоска. Выйдя на улицу, Николай Николаевич сказал:

— Андрей, сегодня хоронят Владимира... моего сына... Хочу, чтобы ты приехал. Сможешь?

От этих слов Андрей почувствовал, как защемило сердце. Он посмотрел в глаза Николаю Николаевичу и проникся всей болью отца, потерявшего сына, которому еще и предстоит хоронить его сегодня. Руки и ноги не слушались Андрея, к горлу подкатывал горький ком, а глаза предательски наливались слезами. Он смог только кивнуть и отвести глаза, и всю дорогу до самого кладбища они ни о чем не говорили. На похороны приехало много народу, а Андрей только смотрел на Николая Николаевича, который не был похож ни

на сильнейшего Ивида рода Ивори, ни на руководителя спецслужбы государства, а только на отца, который хоронит своего сына. Когда все разошлись, они вдвоем остались стоять возле могилы. Перед тем как уйти, Николай Николаевич нарушил молчание.

— Молись за него, Андрей... за своего брата, — сказал Николай Николаевич, пристально посмотрев Андрею в глаза.

— Володя мой брат... Значит... Вы... — начал мямлить ошарашенный Андрей, но Николай Николаевич его перебил:

— Андрей... просто молись за брата... и ни о чем не думай... просто молись. Я тебе позже все расскажу.

Николай Николаевич попросил оставить его одного, сказав Андрею следовать к машине, а после стоял возле могилы один и смотрел на фотографию сына. На него смотрел молодой, полный сил, улыбающийся мужчина. Фотография перенесла его в прошлое, когда он, счастливый и молодой, узнал, что стал отцом, как он бежал, словно мальчишка, и улыбался своим мыслям. Он вспомнил жену, которая делала все не так, а он старался воспитать в сыне мужчину. Дальше картинка воспоминаний стала черно-белой, перенеся его в тяжелые воспоминания, когда погибла жена и он боялся идти домой к маленькому Владимиру. Потом, найдя в себе силы, переступил через порог и обнял сына, просидев с ним всю ночь, пока не уснул, обнимая его. Слезы катились по разом постаревшему лицу Николая

Николаевича, а он все вспоминал и вспоминал. Потом перенесся в школу и институт, когда только радовался успехам сына. Вспоминал свои переживания, что не может познакомить Владимира с младшим братом. Потом свадьба Владимира и рождение маленького чуда, сделавшего его дедушкой. Дальше — развод и невестка, которая не смогла жить с офицером спецслужб. Николай Николаевич не хотел, чтобы люди видели его в таком состоянии, он просто стоял и плакал, как одинокий старик, потерявший последнее.

«Что я сделал не так? Почему он? Лучше бы я ушел...»

Андрей в растрепанных чувствах брел к машине. Он всю жизнь мечтал о брате и нашел его, когда уже потерял. Вторая неожиданная новость за день полностью лишила Андрея энергии, и он уже не помнил, как дошел до машины и доехал до дома. Все дни до встречи с Николаем Николаевичем он не мог собраться и войти в нормальное русло. После того как тот позвонил и попросил вечером приехать, Андрей пришел в себя и вспомнил, что с момента отъезда он ни разу не позвонил Лизе, хотя прошло уже несколько дней.

Собираясь к Николаю Николаевичу, Андрей без интереса включил новости и увидел отрывок сюжета, в котором говорилось, что в Австрии сотрудниками полиции уничтожены несколько бандитов, причастных к нападению на представителей российской дипмиссии. Андрей зашел на европейские сайты в Интернете и обнаружил, что там эта информация преподносится так, будто уничтоженные бандиты были радикальными борцами за независимость Украины и боролись против оккупационного режима России. Решив не углубляться в этот вопрос, Андрей поехал к Николаю Николаевичу.

— Прости, что столько времени не мог уделить тебе... — начал говорить Николай Николаевич и замолчал, но через мгновение попытался продолжить: — Не знаю, с чего начать...

Андрей и Николай Николаевич сидели на огромном балконе в загородном доме, расположившись в удобных креслах за маленьким столиком. Открыв бутылку дорогого виски и разлив по бокалам, Николай Николаевич никак не мог начать разговор. Тогда инициативу в свои руки взял Андрей.

— Владимир — мой брат? — уверенно спросил он.

— Да, твой брат и мой сын... — ответил Николай Николаевич, пристально глядя на Андрея, который уже готов был что-то спросить, но Николай Николаевич опередил его: — Да, Андрей, ты — мой сын.

— Но как?.. Почему так? Как это случилось? — сыпал вопросами Андрей.

— Давай с самого начала, — уже спокойно и уверенно начал говорить Николай Николаевич, отхлебнув глоток односолодового виски. — Моя жена погибла, когда нашему сыну Володе не исполнилось и четырех лет. Я, в то время молодой аспирант МИФИ, остался с маленьким ребенком на руках и практически без средств к существованию. Тогда у меня был сильнейший стресс, который сублимировался в работу. Я работал над секретным проектом, плодами которого мы пользуемся до сих пор. Маленький Володя придавал мне сил, заставляя бежать все быстрее и быстрее. Перед защитой своего открытия я потерял сознание и оказался в больнице. Все думали, что это депрессия, бессилие и потеря энергии от перегрузок, но истинные причины я понял позже. Выйдя из этого состояния, я думал, что никогда уже не смогу иметь прежние ощущения энергии, но я ошибался. Через несколько месяцев я понимал то, до чего не мог прийти многие годы. Я думаю, Андрей, что ты уже догадался, что я тогда перешел на новый уровень Ивори.

Пока я лежал в больнице, мое открытие украл другой ученый, ловко воспользовавшись моментом. Для меня это уже не имело значения, так как я за короткое время совершил настоящую революцию в своем направлении и уверенно двигался дальше. За год я защитил кандидатскую, а потом и докторскую, но не это главное, а то, что я начал видеть и чувствовать людей. Я начал увлекаться другими науками, и к своему удивлению обнаружил, что все великие открытия появляются на стыке чего-то, на первый взгляд, несовместимого. Это могут быть несовместимые науки, музыкальные стили, жанры и даже законы. Создав симбиоз наук, мир получил множество новых, таких, например, как генеалогия, микро- и нейрохирургия, менеджмент, паралингвистика, телепатия, кибернетика и множество других.

Но долго развиваться самостоятельно мне не дали, и я узнал про Ивори и про наш род. Я стал работать в «почтовом ящике», где трудились лучшие умы нашего рода. Я работал над универсальной и автономной системой управления микросоциумами. Мы создавали систему управления государством, в которой основные процессы могут работать даже во время пугчей, революций и войн.

— Получилось? — только и смог спросить Андрей.

— Конечно, а как ты думаешь функционировало государство в девяностые годы, когда у руля никого не было? Все основные внутренние процессы работали, дублируя и контролируя друг друга, как в самолете.

Поэтому нас не захватили, не распилили и не залили кровью гражданской войны, — ответил Николай Николаевич Андрею, который впитывал каждое его слово. — Более того, со стороны казалось, что страна, в которой переставали работать многие процессы, разваливается на части.

— Какие процессы? — снова спросил Андрей.

— Ну, все процессы. Любое устройство, которое работает, имеет переплетенные между собой процессы. Устройство может быть каким угодно, от часового механизма до бизнес-компании или государства. Просто процессов больше, они другие и по-разному проходят. В любом устройстве есть основные процессы, на которых все держится, и изменение их может разрушить все.

Кстати, есть даже такой способ разрушения системы или механизма. Например, существует сообщество, компания или даже государство, а кому-то хочется его уничтожить. Тогда находятся основные процессы, на чем стоит все устройство, и под невинным предлогом оптимизации, улучшения и всего такого эти процессы меняются. Через некоторое время то, что работало много лет, перестает действовать. Так можно развалить любой работающий механизм, от бизнескомпании до целого государства. Под «добрым» соусом демократии в странах Ближнего Востока менялись фундаментальные тысячелетние процессы, после чего наступал хаос, и государственная машина переставала функционировать. Это как с автомобилем, в котором, до того, как туда влез «добрый» мастер с «добрыми» намерениями, все худо-бедно работало, а после — окончательно встало.

Так вот, нашу страну пытались развалить именно таким способом, потому что воевать в открытую слишком дорого, и это будет иметь большие последствия. Разрушив много процессов при помощи «доброего» слова «демократия», от которого меня, кстати, тошнит уже много лет, нашим «друзьям» показалось, что страны уже нет. Но мы выжили, а созданная нами система управления и защиты уже работала в автономном режиме. Конечно, мы не могли за всем уследить, но около трех тысяч ключевых процессов оказались в надежных автоматизированных руках и подчинялись сами себе, существуя автономно. Это области ядерного щита, энергетики, науки, управления, территориальной целостности, экономики, импорта и экспорта и много другого. На разных уровнях власти появлялось много болванов, но изменить ключевые моменты они не могли. Как только очередной хозяин города пытался влезть не туда, считая себя вершителем всего, с ним что-то незаметно случалось, от сердечного приступа до непонятных криминальных разборок. Были и «крутые» бизнесмены, которые хотели купить или отобрать какой-нибудь ключевой секретный объект, но с ними также что-то происходило, когда они влезали, куда не следовало. Пройдя неизбежный кровавый период разрушения, страна, казалось, летела в пропасть, однако внутренние процессы не только защищались, но и постепенно создавались. Через десять лет хаоса и разрушений к власти пришел Ивори, и Россия стала стремительно развиваться. Если провести аналогию с коммерцией, то это, как бизнес-компания, которая находилась на грани банкротства и путем системной оптимизации и изменения постепенно стала прибыльной и успешной, сохранив при этом старый бренд. Так что, заверю тебя, даже если к власти придет какой-нибудь болван, пусть даже через кровь и революцию, страна все равно будет в безопасности, пока работает наша система.

Я работал на благо рода Ивори, растил сына, но не в силах был забыть жену, поэтому не мог ни с кем жить, — продолжил свою историю Николай Николаевич. — С твоей матерью я познакомился в Москве, когда приехал в командировку из Новосибирска, куда уехал с сыном жить и работать. Ее простота и голубые, как небо, глаза, растопили лед в моей душе, и я влюбился как мальчишка. Я приезжал к ней в Москву, и все у нас было хорошо до тех пор, пока она не забеременела. К моему удивлению, она отнеслась к этому событию достаточно холодно, посчитав, что это поставит крест на ее жизни. Я старался перевестись обратно в Москву, но это было сложно, так как вся моя работа была в Новосибирске, да и Володя уже пошел там в школу. Твоя мама переезжать в «эту деревню» наотрез отказалась, и мне оставалось только летать к ней как можно чаще. После твоего рождения она стала совсем раздражительной, почему-то считая, что жизнь к ней не справедлива.

— Она, пожалуй, до сих пор так считает, — вздыхая, сказал Андрей.

— Да, люди практически не меняются... — философски заметил Николай Николаевич,

улыбнулся и продолжил: — Вскоре ей захотелось лучшей жизни, и она нашла себе другого мужчину, который был моей полной противоположностью. Я стал мешать, и она порвала со мной все отношения, продолжив жить только для себя, что, впрочем, спасло тебя от ненужной, разрушительной материнской любви.

— Она ничего не говорила мне про тебя и про Володю, — произнес Андрей.

— Конечно, ей легче было не говорить, чем все тебе объяснять, — грустно сказал Николай Николаевич. — В итоге мы остались в Новосибирске, а что было с тобой, ты уже и сам помнишь.

— Почему ты раньше не искал меня? — спросил Андрей.

— Зачем мне тебя искать? Я знал о тебе все, оберегая тебя каждый день, — улыбнулся Николай Николаевич.

— Ты за мной следил?! — удивился Андрей.

— Ну, не за каждым твоим шагом, и не с самого детства... но... старался уберечь тебя от поступков, последствия которых могли быть невосполнимыми, — задумчиво произнес Николай Николаевич.

— Каких поступков? — спросил Андрей, перебирая в памяти всевозможные свои «истории».

— Да много всякого было, о чем ты можешь и не помнить, но последствия этих поступков могли сильно отразиться на твоей жизни. Если начнешь вспоминать, то некоторые странности могут всплыть... — улыбнувшись, ответил Николай Николаевич и посмотрел в глаза Андрею.

Внезапно Андрей мыслями перенесся в девяностые годы, когда он еще учился в школе. Местный школьный авторитет Ринат, у которого брат был каким-то крутым бандитом, невзлюбил Андрея и не давал ему прохода в школе, требуя деньги и избивая. Внезапно все быстро изменилось, когда брата-бандита посадили, а Ринат вдруг резко стал тихим и спокойным, а потом и вовсе переехал. Андрей долго не мог понять, как такое могло случиться.

Поменяв школьную картинку, он мысленно перенесся в подвал, где его друзья, которые уже несколько раз попробовали героин, предложили дозу и ему, показывая на себе, что с ними все в порядке. Тогда в подвал вдруг ворвались оперативники и забрали всех в отделение.

Потом Андрей увидел себя в состоянии, которое в народе называется «труп». Он тогда не успел проехать и пары сотни метров от места, где напился, как его «приняли» гаишники и на год лишили водительских прав.

Много было моментов, ярких и не очень, которые проскакивали в голове Андрея и которые он раньше считал удачей или случаем... Но вдруг он вздрогнул от воспоминания об аварии, где он чуть не погиб, с которой начался новый этап его жизни. Он увидел возле светофора себя, отлетающего назад, увидел разлетающийся на куски огромный черный автомобиль и безжизненные черные глаза водителя, смотрящие на него.

Эти события промелькнули в сознании так явно, что, казалось, Андрей пережил их снова. Наконец он встряхнул головой и вернулся к Николаю Николаевичу.

— Я в шоке... Даже не знаю, что сказать... — растерянно заговорил Андрей, но Николай Николаевич перебил его:

— Я всегда был с тобой, сын. Ты даже не представляешь себе, как давно я хочу тебе это рассказать.

Они оба замолчали. Затем Андрей спросил:

— Почему ты раньше не появился? Не рассказал мне об Ивори?

— Во-первых, нельзя было тебя «светить» раньше времени, а во-вторых, осознать Ивори можно, только став им, пройдя самостоятельный долгий путь развития.

— Почему ты не помогал нам с матерью? — тоном сына, обиженного на отца с детства, задал вопрос Андрей.

— Я мог бы завалить вас деньгами, устроить тебя в лучший вуз и на высокооплачиваемую работу, но тогда бы ты не ценил то, чего есть сейчас и чего добился сам. Моя лучшая помощь — это не портить тебя и оберегать от чего-то плохого. Так получилось, что я не смог быть рядом с тобой, но я сделал максимум возможного, — серьезно ответил Николай Николаевич.

Андрей помолчал, а потом хитро спросил:

— Так ты всегда за мной следил?

— Ну, до интима не доходило, да и не я это все делал, а мои сотрудники, которые всегда были рядом с тобой, а потом мне докладывали, — признался Николай Николаевич.

— О, нет, ты все знаешь обо мне... О, нет! — воскликнул Андрей.

— Ты, конечно, балбес настоящий, но, поверь, ничем не отличающийся от своих сверстников. Ты развивался, и все плохое от тебя постепенно отваливалось. Были, разумеется, у тебя и плохие установки, но ты от них избавился... не без моей помощи, конечно, — улыбнулся Николай Николаевич.

— Какие именно? И как ты помог мне от них избавиться?

— Ну, например, ты считал, что тебе все должны, а ты никому ничем не обязан, старался брать, не отдавая ничего взамен. Ты всегда считал себя лучше других, считал, что достоин большего, как сноб, не замечающий собственных недостатков. Это лишь некоторые установки, но они сильнее всего мешали твоему развитию, да и жизни вообще. А я влиял на тебя через школу, учителей, друзей...

— Друзей?! Антон?! — не веря своим ушам, спросил Андрей.

— Ну, и через него тоже. Не думай, он не Ивори. Когда ты оказался с нами, то в твой жизни появился Владимир, — сказал Николай Николаевич и замолчал после упоминания о сыне.

Так они посидели несколько минут, а потом Андрей произнес:

— Как погибла мать Владимира, твоя жена?

Помолчав, Николай Николаевич заговорил:

— Ее убили. Убили в спокойное советское время, когда невозможно было о таком даже подумать. Тупое ничтожное животное одним ударом ножа разорвало нить жизни замечательной женщины, оставило сына без матери, а меня без близкого человека. — Николай Николаевич начал заметно волноваться.

— Кто это был? — спросил Андрей.

— Бывший зек, которому понравились дешевые сережки, и он напал на нее, когда она шла вечером домой. Он убил ее одним ударом ножа в спину, чтобы не кричала и ему проще было снимать с нее украшения. Он убил ее не из мести, не защищаясь, он просто убил ее, потому что так было удобнее для него... и все... — Голос Николая Николаевича задрожал, но он продолжил: — Это эгоистичное животное захотело что-то, и ему было не важно, каким путем это взять, потому что оно с детства думало только о себе. После этого случая эгоизм во взрослых людях для меня — самый страшный внутренний враг. Это вирус,

который принесли Ханоты, хотя овладевает он не только ими. — В голосе Николая Николаевича была слышна злоба. Он встал, прошел несколько шагов по балкону и, повернувшись к Андрею, сказал: — Запомни: «Каждый преступник — эгоист, но не каждый эгоист — преступник». Разумеется, если человек сознательно пошел на преступление. Эгоист может не совершать преступления, потому что нет возможности, присутствуют страхи или ему дали такие установки в детстве, которые не позволяют совершать определенные поступки.

— Что с ним стало?

— Я не дал ему умереть своей смертью. Я нашел его в тюрьме, где он сидел по другому делу, помог выйти оттуда, а потом встретился с ним. Перед тем как его убить, я все рассказал ему, рассказал о своей боли, глядя в его черные безжизненные глаза. Знаешь, Андрей, что самое страшное было в них? В них ничего не было, кроме животного желания освободиться. Они были пустые, словно кто-то черной краской нарисовал две бусинки и заставил их бегать в разные стороны. Я убил его без сожаления, не получив никакого морального удовлетворения от мести. Я просто уничтожил бешеное животное, которое выбрало для себя такой путь, — закончил свой рассказ Николай Николаевич.

Затем они минут тридцать молчали, думая каждый о своем. На улице было темно. Несмотря на то, что половина бутылки была выпита, оба оставались трезвыми. Андрей наконец решил спросить про ситуацию в Вене:

— Как так получилось, что Владимир погиб и мы не выполнили задание?

— Предатели — это оружие, которое будет всегда. Кстати, предательство — это тоже особая форма проявления эгоизма, когда личные выгоды одного покупаются тысячекратной ценой других. Воспользовавшись этим же оружием, мы уничтожили тех, кто устроил на вас засаду, — ответил Николай Николаевич.

— Я видел одного из них, он был там, когда приехали полиция и пожарные. Я с ним виделся в Казани — это был сильный Хан их рода. Он тоже уничтожен? — спросил Андрей.

— Да, их всех по наводке накрыли в квартире в Вене в этот же день. Семь человек осталось там навсегда. Можешь не беспокоиться, — заверил его Николай Николаевич.

— Владимир спас мне жизнь, пересадив меня в другую машину, — с грустью в голосе проговорил Андрей.

— Я знаю. Он, наверное, что-то почувствовал и пошел на это сознательно. Он спас тебе жизнь и сохранил информацию, которой мы теперь обладаем. Мы знаем, что она выйдет наружу тогда, когда нужно будет нам.

— На остановке тоже был Владимир? Это он тогда меня спас? — спросил Андрей.

— Да, он выполнил до конца свой долг сына и брата...

— Что теперь делать... отец? — спросил Андрей, с трудом произнеся последнее слово.

При слове «отец» Николай Николаевич вздрогнул, подошел к Андрею, который стоял около парапета балкона, и положил руку ему на плечо:

— Жить... работать... служить роду... рожать детей... родить Ивида, который поведет наш род уже в другом мире, который стремительно меняется сейчас... Надо жить, Андрей... жить...

— Спасибо, отец... — сказал Андрей уже более уверенно и естественно.

ВЕНГРИЯ, БУДАПЕШТ

— Зачем вы привели это существо? Она не принадлежит ни к какому роду, — возмутился пожилой зеленоглазый мужчина, обращаясь к Дмитро.

— Она передаст информацию, которая может быть воспринята только из первых уст. Ты же знаешь, как мы общаемся с Ханотами, — ответил Дмитро.

Они вышли на балкон огромного старинного замка, расположенного в пригороде Будапешта, в то время как Мила находилась в одном из залов, больше напоминающих музей. Тремя часами ранее они приземлились в Будапештском аэропорту имени Ференца Листа, после чего сразу направились в сторону Румынии. За окном только рассвело, когда они подъехали к большим кованым воротам. Таинственность этому месту придавало то, что в течение последнего часа езды на машине они не встретили ни одной живой души, а когда проезжали через лес, стоял сильный туман. Замок можно было увидеть издалека, сквозь туман проглядывались темные очертания. На территории старинного поместья все было аккуратно подстрижено и убрано, только желтые осенние листья лежали вокруг, словно их специально оставили.

Войдя внутрь, Мила Йовович была впечатлена увиденным, начиная от современной техники и ремонта некоторых помещений и заканчивая средневековыми устройствами, которыми пользовались до сих пор. Седовласый хозяин замка встретил их совсем не радушно в этот ранний час и, оставив Милу в одной из комнат, удалился куда-то с Дмитро.

— Мы можем сами договориться с Абу. Зачем втягивать кого-то еще? — не успокаивался хозяин замка.

— Габор, мы оба знаем твои отношения с Абу, да и его хитрость тоже. Она вне системы, поэтому будет только лучше, если она погасит негатив, — ответил ему Дмитро.

Молчание сильнейшего из Милнов, Габора, означало его согласие. Дмитро вернулся к Миле и предложил пройти в столовую, где уже был сервирован стол.

— Не желаете ли отобедать со мной, дорогая Мила? — спросил Дмитро, жестом руки предлагая ей место на другом конце стола.

— В удовольствие это сделаю, — лукаво, немного с акцентом и неправильно ответила она, медленным шагом огибая длинный стол. Не отводя своего взора от Дмитро, Мила села на черный стул с огромной спинкой, выше ее головы. Дмитро сел напротив, улыбаясь и ничего не говоря просто смотрел на нее. Со стороны могло показаться, что молодая красивая женщина открыто флиртует с богатым джентльменом. Через некоторое время появился официант и, предложив вина перед едой, быстро удалился. Дмитро, сделав глоток красного вина, спросил у Милы:

— Почему ты нам помогаешь?

— Так надо, — просто ответила она.

— Я попрошу тебя убедить одного человека, чтобы он согласился на наше предложение, — издалека начал Дмитро.

— Я все знаю, не беспокойся, я тебе помогу, — ответила Мила.

— Я знал, что ты нашего рода, — начал говорить Дмитро, но она его прервала:

— Я — человек планеты Земля, не принадлежу никакому роду, ты же знаешь. Если я помогаю тебе, то не из-за симпатии к Милнам, а по своим собственным причинам. Признаюсь, род Ханотов даже ближе мне по духу. Несмотря на явные внешние минусы, —

они самые честные, как к окружающим, так и к себе. Милны запутались в собственной лжи, Ивори слишком увлеклись собственной исключительностью, поэтому в этих сложных хитросплетениях Ханоты мне самые понятные. У них черное — всегда черное, а белое — всегда белое, — закончила Мила, продолжая также мило улыбаться.

— У нас тоже все понятно, уже на протяжении многих тысяч лет, — возразил Дмитро.

— Да, только сейчас все меняется, время меняется, вы меняетесь тоже. Раньше эпоха проходила за тысячу лет, потом за сто, потом за десять лет, сейчас за год. Завтра поменяется за день, — подытожила Мила.

— Да и не завтра, да и не для нас, — улыбнулся Дмитро.

— Для всех, Дмитро, для всех... — уверенно сказала Мила, сделав большой глоток вина.

— И что произойдет? — поинтересовался Дмитро

— Останемся только мы — люди мира, а вас всех не будет, — сказала Мила, громко рассмеявшись. Дмитро поддержал ее смех, однако все равно его лицо оставалось немного напряженным.

Ближе к вечеру в старинный замок приехало несколько машин, в одной из которых находился Абу, только что прилетевший из Соединенных Штатов Америки. Он не очень хотел приезжать, так как встречи с Милнами не доставляли ему удовольствия. Абу никогда не считал их достойными соперниками, поэтому врагами они не воспринимались, но и друзьями никогда не были. Хитрость Милнов раздражала его, а образ жизни вообще не соответствовал аскетичному Абу, поэтому он никогда им не доверял. На эту встречу он ехал с неохотой, зная, что Милнам также не доставляют радости встречи с Ханотами, но информация, переданная Милой, заставила его прилететь в Будапешт.

— Зачем вам это нужно? — спросил Абу Габор и Дмитро, когда они уже сидели за огромным накрытым столом со свечами. У Абу было правило: если к нему обращались с просьбами и предложениями, он задавал себе вопросы: «Зачем им это нужно? Зачем мне это нужно?» Если ответа не было или оставались какие-то «темные пятна», он не ввязывался ни в один проект.

— В первую очередь, это нужно вам, чтобы информация не всплыла на саммите в Вене. А наш интерес состоит в том, чтобы сохранялся баланс сил и не было перевеса ни в чью сторону, — честно ответил Габор, тем самым удовлетворив Абу. Габор не стал выдавать все свои намерения, иначе Абу был бы сильно удивлен и, возможно, вообще поменял бы свои планы относительно сделки.

— Вы что-то еще хотите за информацию? — задал вопрос Абу.

— Нам интересен полный пакет акций ведущей европейской телерадиовещательной компании, который незаконно принадлежит Ханотам. Для восстановления справедливости, — ответил Габор.

«Все никак не успокоятся клипмейкеры и рекламщики», — подумал про себя Абу, а вслух сказал:

— Это будет для вас дорогое удовольствие... — начал говорить он, но вдруг Мила Ивович, которая прежде молчала, его перебила:

— Информации, которая есть у Ивори, дорогого стоит. Думаю, вы не хотите, чтобы она была обнародована.

Габор может попросить намного больше, и вы все равно согласитесь, потому что времени практически не осталось. В нераспространении информации есть и общая выгода, поэтому предлагаю завершить ненужные торги классической позицией обоих победителей,

так как обе стороны остаются в выигрыше.

Абу переглянулся со своими людьми, которые молчали все это время, после чего вместе с ними удалился из зала. Габор посмотрел на Дмитро, и в его взгляде читалось, что пригласить Милу Йовович на встречу было отличной идеей.

Вернувшись через несколько минут, Абу улыбнулся и произнес:

— Есть правда в ваших словах и смысл в предложении... Мы пойдем на эту сделку. Акции почти уже ваши.

— Документы готовы, остается сделать несколько звонков, — вступил в разговор Дмитро.

Абу нехотя повернулся в его сторону:

— Все подготовили? Хитры, как обычно...

— Времени действительно осталось мало. Мы не просто подготовились, мы приготовили вам все в Вене, чтобы вашим людям осталось только приехать на место и сразу сделать дело, — сказал ему Габор, после чего сообщил Абу информацию об информаторе, и началось обсуждение предстоящей передачи документов компании новому собственнику.

Видя, что сделка состоялась, Мила Йовович не стала принимать участие в обсуждении деталей и удалилась из зала, выйдя на балкон. Она стояла и смотрела на красивый и бескрайний лес, который можно было уже рассмотреть, потому что туман почти рассеялся. Постояв несколько минут, наслаждаясь свежим воздухом, который был еще немного влажным после тумана, Мила поняла, что очень устала за эти дни, и, немного подумав, взяла в руки телефон и набрала номер.

— Гари... привет. Как Париж? Успел отдохнуть? — с акцентом спросила она. Услышав удивленные возгласы Гари, она продолжила: — Надо, чтобы ты срочно прилетел в Будапешт. Выехать надо одному и сейчас. Это очень важно, тебя хочет кое-кто видеть. Позвони, когда будешь в самолете, тебя встретят в аэропорту.

* * *

Когда Мила вернулась в зал, обсуждение подходило к концу. Абу всегда был немногословен, а в общении с Милнами — тем более. Быстро решив все финансовые вопросы по передаче компании, он, не попрощавшись, уехал со своими людьми решать вновь появившиеся проблемы. Дмитро и Габор и вышли на балкон, после чего последний, смотря вдаль, философски произнес:

— Человек видит и слышит только то, что хочет. А те, кто считают себя умными и хитрыми, должны получить подтверждение своим логическим умозаключениям. Этот примитивный Абу до последнего не верил нам, но, получив подтверждение своим догадкам, сразу успокоился. Он хотел услышать то, что я ему сказал, потому что для Ханотов это самое легкое решение их проблемы. Для объяснения того, зачем это нужно нам, он, скорее всего, подумал, что нам это для восстановления справедливости и собственных амбиций... что ж, пусть так думает. — Он повернулся к Дмитро и спросил: — Ты говорил, что хочешь познакомить меня с кем-то?

— Да, его зовут Гари. Он из России. Мила пригласила его. Сегодня ночью он должен быть уже здесь, — ответил Дмитро.

— Что ж, прекрасно. Теперь самое время ей отправиться в Москву, к нашим «друзьям»

Ивори, и в то время, когда Ханоты будут ликвидировать свидетеля, передать им информацию о нахождении группы Ханотов.

— Зачем это нужно? — удивился Дмитро.

— Пусть обострят конфликт еще больше, — сказал Габор и с улыбкой добавил: — Ну а теперь можно отметить удачную сделку и...

Но Дмитро не дал ему закончить мысль:

— Габор, не возражаешь, если Мила останется с нами на пару дней?

— Как хочешь, могу тебе еще негритянок позвать, — улыбнулся Габор и обнял Дмитро за плечи обеими руками.

Неожиданный звонок от Милы застал Гари врасплох. Непонятное чувство тревоги и возбуждения так охватило его, что он даже не смог с собой совладать. Только что выйдя из коматозного состояния и придя в себя от развлечений, он должен был ехать неизвестно куда, да еще и один. Увидев его напряженное состояние, Милена спросила:

— Какие-то сложности?

Гари не знал, что ответить, поэтому просто сказал, что ему нужно уехать. Забыв, что у Милены есть карточка, Гари зачем-то оставил ей наличные деньги и вышел из дома.

Смешанные чувства не покидали его, поэтому по дороге в аэропорт он позвонил Ивану. Выслушав его внимательно, тот сказал:

— Гари, в Будапеште живет Габор. Он очень сильный Милн, но скажу сразу, что его взгляды не все разделяют. Если он решил с тобой познакомиться, это очень хорошо для тебя, но будь с ним начеку. Ничего тебе не советую, просто будь собой.

Прилетев уже поздним вечером в Будапешт, Гари все никак не мог избавиться от чувства, что он не очень хорошо попрощался с Миленой.

Все его тревоги и сомнения были развеяны, когда его уже за полночь привезли в имение Габора. Гари увидел совсем не тот замок, который видели утром Дмитро и Мила Йовович. Свет от замка он заметил еще проезжая через лес, а подъехав к кованым воротам, услышал современную музыку, басы которой вибрацией отдавались в его груди, еще на подходе к замку.

Ворота автоматически открылись, запустив машину на огромную территорию, где на стоянке было уже около четырех десятков автомобилей.

Территория и замок были освещены тысячами огней. Во всех окнах горел яркий свет, и было ощущение, что в каждой комнате что-то происходило.

Перед Гари открыли огромные деревянные двери, и свет с музыкой вырвались наружу, практически снося все своей энергией. Сказать, что внутри было великолепно, значит ничего не сказать. Даже искушенный праздниками и вечеринками Гари был поражен. Живая танцевальная музыка сменялась электронными сетами и соло выступлениями известных музыкантов. Энергетика была такая, что у Гари не сходила с лица улыбка, как, впрочем, и у всех присутствующих. Все были настолько красивы, открыты и без комплексов, что хотелось разговаривать и обнимать каждого, несмотря на возраст, пол и национальность. Энергетика всеобщей любви царил в каждой комнате замка, и апогеем этого действия стала встреча Гари с Милой

Йовович, которая пригласила его сюда. Она была в компании Габора и Дмитро. Все трое стояли на большом внутреннем балконе, как бы показывая, что они здесь ключевые люди. Слегка захмелевший от смешения удовольствий, Гари познакомился с Габором, а потом долго разговаривал с ними всеми на балконе замка. Мила так же улыбалась своей

искренней улыбкой, а потом повернулась к Гари и с приятным акцентом по-русски сказала:

— Габор хочет поговорить с тобой.

— Но он не знает русского и английского, а я не знаю венгерский, — удивился Гари.

— Ему это не нужно. Просто говори с ним и все, — улыбнулась Мила и ушла с Дмитро, оставив их вдвоем с Габором, который повернувшись к Гари спросил по-венгерски:

— Azt akarod, hogy a szex Mila?

— Что? — спросил Гари, но почему-то понял, что Габор спрашивает о его отношении к Миле. — Конечно, она другая... — искренне и энергично сказал Гари, решив говорить с Габором честно, на что последний искренне расхохотался, а потом сказал:

— O eros! Es te eros! — И Гари его понимал, словно знает венгерский, после чего Габор задумчиво добавил: — Igazad van, ez mas... Ez nem a te orom! — согласившись с Гари, что она действительно не из их рода и что Гари лучше не думать о ней, как о сексуальном объекте.

Они постояли еще несколько минут, разговаривая ни о чем, пока Габор не обратился к Гари с предложением подняться в каминную комнату, где их должен был ждать Дмитро.

В каминной комнате на верхнем этаже было уютно, тихо и красиво. Праздник и веселье остались где-то внизу, и создавалось ощущение, что в замке никого, кроме них, нет. Расположившись в кресле, Габор на чистом английском языке произнес:

— Gary, drink it... — и предложил выпить какую-то жидкость из плоской железной чашки.

— Что это? — спросил Гари по-русски и выпил.

Габор минуту молча смотрел в зеленые глаза Гари, а потом сказал:

— Неохота долго объяснять тебе всю ситуацию, но этот напиток позволит нам понимать друг друга быстрее и без слов.

Гари не понял, на каком языке он это сказал, потому что слышал все на русском.

— Мы с Дмитро хотим объяснить тебе весь расклад сил и что происходит сейчас, поэтому просто слушай, о чем мы разговариваем и вникай, — велел Габор и повернулся к Дмитро.

Они стали обсуждать предстоящую сделку с Абу, слив информации и зачем все это нужно. Мозг Гари работал гораздо эффективнее, чем раньше, и он впитывал информацию с полуслова, логически додумывая недостающие детали. Гари задавал вопросы и участвовал в беседе. Из пятнадцатиминутного разговора ему стало понятно все, что происходит, и зачем он здесь. Постепенно эффект от выпитого стал уменьшаться, но Гари для понимания было достаточно, и он продолжал участвовать в разговоре с Дмитро и Габором.

— В этой ситуации мы с Ханотами остаемся в выигрышной позиции, — сказал Дмитро Гари, но Габор его поправил:

— В этой ситуации в выигрыше только мы. Слив информацию Ханотам, мы делаем лучше только себе, а потом, честно говоря, если бы информация выплыла наружу, то не произвела бы эффекта атомной бомбы. Ханоты сильны сейчас, поэтому все равно бы не признали разоблачающих их фактов. Соглашусь, что это подкосило бы их, но не настолько, чтобы перевес сил был на стороне Ивори. Я использовал это для усугубления ситуации и поднятия нашей цены. Нам, как никому, нужно, чтобы кто-то из них вышел на первый план, потому что на первый план скоро выйдем мы, — объяснил он.

— Как мы это сделаем? У Ивори и Ханотов основные рычаги власти.

— Основные рычаги власти у нас. Этот болван Абу, только что передал нам пакет акций нескольких медиакомпаний, тем самым практически отдав нам в монополию весь

информационный рынок. Информационное оружие посильнее многих будет, так как влиять на массы легче всего через телевидение и Интернет. Ивори думают, что контролируют СМИ, но за всем стоят Милны. Ты же знаешь, что мы в психологии продвинулись настолько, что можем влиять на сознание людей через самую обычную новость или пост в Интернете. «Защитить» программу действий в слова не составляло труда даже нашим предкам шаманам и колдунам, а сейчас все настолько просто, что я даже удивлен, почему эти придурки Ивори не уделяют этому особого внимания. Да, они пытаются влиять на умы людей, но основной посыл все равно даем мы, даже через тот текст, который нам диктуют Ивори и Ханоты, — закончил свою речь Габор, а потом, повернувшись к Дмитро, спросил: — Знаешь, почему на Украине вся эта возня будет длиться долго?

— Значит, это кому-то выгодно, — ответил Дмитро.

— Значит, есть третья сила, которая поддерживает и наращивает этот конфликт, и эта сила — мы, — сказал Габор и добавил: — К власти пришли Ханоты, сильные и наглые, сметающие все на своем пути, плюющие на общепринятые и мировые правила и законы. В открытом противостоянии с Ивори на Украине это могло быстро прекратиться, но телевидение, принадлежащее олигарху рода Милнов, не дает быстро закончить конфликт. Мы подливаем масло в огонь, поддерживая то одну, то другую сторону.

— Но несложно же понять, что есть и третья сторона, — возразил Гари.

— Милнов никогда ни во что не ставят, сосредоточившись на основном враге, а мы через телевидение и Интернет сталкиваем их между собой, ожидая, когда они перебьют друг друга. Миллионы противоречивых комментариев от несуществующих людей только раздувают конфликт, а эмоциональные истории порождают ненависть между сторонами. Телевизор программирует население, а типа «умные», которые не смотрят, как они говорят, «зомбоящик», еще быстрее программируются через Интернет и собственное тщеславие. Две стороны конфликта быстрее договорятся или одна из них уничтожит другую, но когда есть третья сторона, влияющая на обеих, то конфликт может длиться очень долго, — сказал Габор.

— А что дальше? Как мы выиграем? — спросил Дмитро.

— Нам не нужно выигрывать, мы уже выиграли. Нам нужно управлять и влиять на людей, и это не будет открытое противостояние. Взяв все рычаги управления, мы можем оставаться в тени, влияя на умы через тысячи нитей воздействия.

Запомните: мы управляем удовольствиями, а человек в жизни платит всего за две вещи: за удовольствие и за решение проблем. Мы научились управлять через удовольствие, теперь будем создавать проблемы, предлагая их решения, — сказал Габор и вышел на небольшой балкон, находившийся над основным, на котором собралось много народу в ожидании чего-то.

Внезапно раздался хлопок, и черноту ночи озарил красивый салют, разрывая небо и сердца людей, которые вскидывали руки вверх и были счастливы. С каждым грохотом очередного залпа энергия все сильнее вырывалась вверх, словно килотонны света летели в космос. Залпы не заканчивались, с каждым разом все сильнее и сильнее озаряя темное небо.

Где-то внизу много людей праздновало и веселилось, получая удовольствие от всего, что происходит. Гари стоял и улыбался, получая удовольствие от другого чувства, до сих пор ему не ведомого. Он возвышался над всеми этими людьми, которые раньше были для него недостижимыми, а сейчас он был выше их. Гари думал, что находится с первыми людьми его рода, которые посвятили его и пригласили в глобальную игру. Он понял, что весь его путь за

последнее время — это спланированный план по столкновению двух сил, чтобы их род вышел из всего победителем. Сердце бешено колотилось, отдаваясь во всем теле, под такт музыки, которая была повсюду, и взрывам салюта, который освещал все вокруг на километры. Гари закрыл глаза и расправил руки, обнимая все, что он видит и слышит, словно вбирая всю энергию происходящего в себя. В этот момент он не думал ни о своем прошлом или будущем, ни об Иване или Миле Йовович, ни даже о Милене... Он вообще ни с чем и не о ком не думал. Он просто стоял на балконе и улыбался, управляя всем миром...

— Ты все равно слабак.

— Нет, ты же видишь, что я изменился.

— Да, ты стал умнее, многое понял, но глубоко внутри остался прежним.

— Я совершенно другой, ты не знаешь меня.

— Не смейся. Я знаю тебя, потому что я — это ты. Когда у тебя будет выбор, не уверен, что ты выберешь то, о чем сейчас говоришь и во что веришь. Повторю тебе: люди не меняются...

— Я не такой...

— Сущности не меняются... ты другой... ты с другой стороны...

ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ

— Знаешь, Андрей, я заметила за собой, что мне теперь сложно общаться с людьми, у которых карие глаза, — сказала Лиза Андрею.

Они стояли возле окна в своих апартаментах с выключенным светом, глядя на ночную Москву. Тысячи огней автомобилей неслись куда-то по своим важным делам, миллионы огней города говорили о жизни, которая бурлила в каждой точке. Для всех водителей, спешащих по своим делам, стеклянные башни Москва-Сити воспринимались по-разному. Кто-то думал, зачем их построили, кто-то гордился архитектурным сооружением, кто-то завидовал людям, живущим и работающим там, но никто представить не мог, что там наверху два сердца могут стучать одновременно, вместе с маленьким, редко бьющемся сердечком.

— Не думай об этом. Не все люди со светлыми глазами — Ивори. Я вижу такое количество бестолковых голубых глаз, что даже страшно. Они такие пустые, что начинаешь сомневаться, люди ли это вообще. Просто общайся, — ответил Гари Милене, с которой они, укутавшись теплым пледом, сидели на небольшом балкончике и разговаривали. Париж был прекрасен теплым осенним вечером, когда огни Эйфелевой башни уже отчетливо виднелись, а пешеходная улица внизу наполнялась людьми. С балкона можно было наблюдать, как постепенно зажигаются огни большого города, словно новые маленькие мирки зарождались во вселенной. Время практически остановилось, и казалось, что прошлого и будущего нет, а есть только здесь и сейчас.

— У меня, кстати, был друг с зелеными глазами. Я не знаю, был ли он Милном, но я ему никогда не доверяла. Он казался каким-то хитрым и странным, мне с ним приходилось сложно, — рассказывала Зена Эльхану, с которым они шли по пустынному пляжу Мидленд-Бич в Нью-Йорке. Вдали виднелся мост Верразано, соединяющий Бруклин и остров Статен. Совсем далеко возвышались небоскребы, подтверждая величие сверхдержавы. Было довольно тепло, но никто не купался в это время года, лишь редкие люди попадались навстречу. Эльхану очень понравилась Америка, особенно пустынные пляжи. Он шел, погруженный в свои мысли, держал Зену за руку, чего раньше практически никогда не делал ни с одной девушкой. Накидку Зены трепал легкий ветерок, дувший справа, со стороны залива Лоуер, который переходил в Атлантический океан.

— Мне кажется, что развитие — это умение принимать то, что не разделяешь. Наверное, мы сможем принимать только то, что они не такие, как мы, — сказал Андрей, еще крепче прижав Лизу к себе, а потом добавил: — Они — другие... а для них другие — мы...

— Их понимать нужно только в одном случае, чтобы понять своего врага. Мы никогда не примем их, так как они чужие для нас, — ответил Эльхан Зене, а через мгновение остановился, посмотрел в ее глаза и сказал: — Точнее, они не чужие... они не такие, как мы... они — другие...

Милена долго, не отводя глаз, смотрела на Гари, а потом сказала:

— До встречи с тобой у меня не получалось построить близкие отношения. У меня были долгие отношения, а также яркие и скоротечные, но не было близких. Это не любовь, это нечто большее. Когда чувствуешь человека всего и полностью, когда доверяешь ему, и нет в нем ни одного темного угла, в котором может спрятаться ложь, предательство или что-то еще. Когда тебе не нужно искусственно вызывать к себе интерес, сохраняя интригу, чтобы

мужчине было интересно. У меня были интересные люди, с которыми меня многое связывало, но никогда не было близких людей... все они были другие, а оказалось на самом деле... это мы... мы — другие...

Больше книг на сайте - Knigolub.net